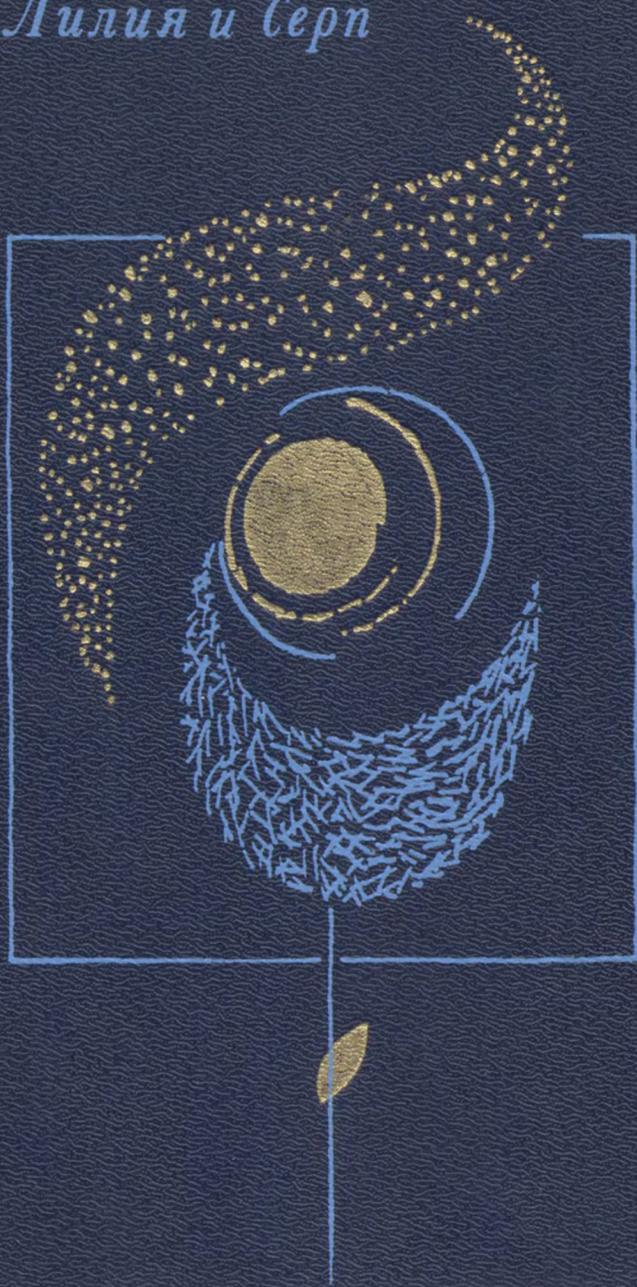
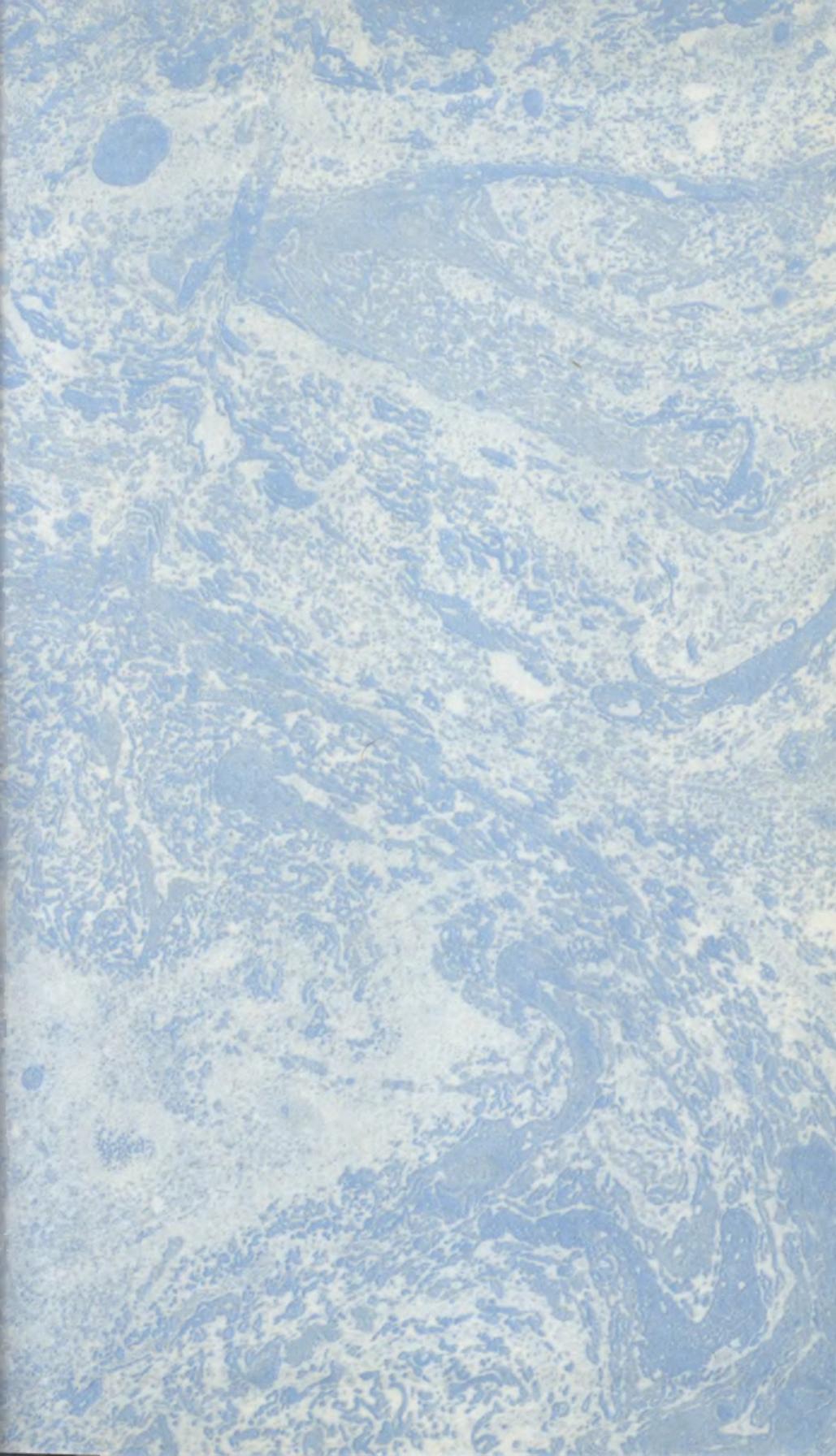

• Юргис БАЛТРУШАЙТИС •

Юргис
БАЛТРУШАЙТИС
Лилия и Серп

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

ГОРНАЯ ТРОПА

ЗЕМНЫЕ СТУПЕНИ

ЛИЛИЯ И СЕРП

ЖЕРТВЕННЫЙ ДЫМ

ИЗ НЕ ОПУБЛИКОВАННОГО

ПРИ ЖИЗНИ

Jurgis Balbusaitis

Юргис

БАЛТРУШАЙТИС

—

Лилия и Серп

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1989

ББК 84Ли7
Б20

Вступительная статья
А. Туркова
Оформление художника
А. Озеревской

Б $\frac{4702390202-209}{028(01)-89}$ 87-89

ISBN 5-280-00609-2

© Издательство «Художественная литература», 1989 г.

«ГОРЬКИЙ ПОДВИГ ОЖИДАНИЯ»

Когда думаешь о судьбе Юргиса Балтрушайтиса, на память приходят слова известной актрисы Алисы Коонен: «Балтрушайтис вошел в мою жизнь незаметно, как бы неслышными шагами. И очень скоро его присутствие стало привычным».

Стоит вспомнить ошеломляющий дебют его ровесника В. Брюсова или шумную известность К. Бальмонта, близких друзей поэта по символистскому лагерю, чтобы оценить «неслышность», с какой входил этот литовец в литературу.

В 1903 году Брюсов, уже известный поэт, перечисляя в одном из писем авторов, чьими книгами издательство символистов «Скорпион» намеревается дать генеральное сражение, называет, помимо себя самого, Бальмонта, Белого, Гиппиус, Мережковского, Сологуба и Балтрушайтиса.

Но книга последнего, которая тогда, по уверению ее автора, была выстроена «до последнего этажа», все не выходит и не выходит.

Уже меркнет на поэтическом небосклоне комета Бальмонта и ярко разгорается звезда Александра Блока, уже готовятся собрания сочинений сподвижников Балтрушайтиса и даже более молодых его коллег, а он все еще работает над своим первым сборником — «Земные ступени» (1911).

И «чрезвычайно довольный его содержанием», «глубокой цельностью» — тем не менее расхолаживает восторженно настроенного друга и почитателя:

«Книга моя, вероятно, исчерпывает вещи не в столь огромной степени, чтоб ей стать событием, какого ждут все... не спешите рубить в рога...»¹

Новый сборник Балтрушайтиса «Горная тропа» (1912) оказывается его последней прижизненной книгой на русском

¹ Письмо к А. А. Дьяконову от 30 октября 1910 года. Москва, Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Рукописное отделение (в дальнейшем при ссылках обозначаются: *РО ГБЛ*), ф. 375.

языке: «Лилия и Серп», начатая еще до первой мировой войны, вышла в свет спустя более тридцати пяти лет в Париже, в 1948 году, уже после смерти автора.

«Неслышность», «незаметность» появления Балтрушайтиса в литературе отвечали и самому характеру его поэзии. Даже весьма сочувственно относившиеся к нему критики полагали, что «едва ли к Балтрушайтису придет когда-нибудь широкая известность и имя его будет популярным».

За Балтрушайтисом прочно укрепилась репутация поэта строгого и замкнутого в своем мире, отрешенного от жизни с ее суетой. Вот каково первое впечатление, производимое его стихами, по мнению одного из крупнейших деятелей символизма, Вячеслава Иванова:

«Словно из-за развесистых старых деревьев, — наполовину заглушенная серой толщей церковных стен, — зазвучала органная fuga. И вот уже сбежала с уст суетная улыбка, и внезапно отрезвился готовый к полету дух, — между тем как ухо с удовлетворением отмечает верность и благородство естественно расцветающих мощных форм. Какое богатство внутренних (душевных) и внешних (музыкально-словесных) звучаний и отзвуков — и с каким художническим целомудрием приглушен этот блеск суровым спокойствием и горделивым воздержанием от вызывающих удивление и любопытство приманок, угодливых прельщений, своекорыстных умыслов. Ничего настоящего, усиливающегося и насильственного, ничего навеянного модою и условностью новизны или старины, не уловит слушатель в этих спетых звездах, безвременных стихах».

Конечно, умный и талантливый дипломат, каким был Вячеслав Иванов, и тут отчасти выступал «ловцом человек», стремясь обворожить Балтрушайтиса, настороженно относившегося к некоторым сторонам его деятельности.

И все же В. Иванов тонко и верно подметил многое в творчестве Балтрушайтиса, в частности его «художническое целомудрие» и воздержание от «приманок».

Вдумчиво подходит В. Иванов и к тому вопросу, который столь категорически, сплеча решил Валерий Брюсов, писавший в своем отзыве на «Земные ступени»:

«Основной пафос поэзии Ю. Балтрушайтиса — символизация всей окружающей его действительности... Балтрушайтис ничего в жизни и ничего в мире не принимает просто, как явление, но во всем хочет видеть иносказание, символ».

В. Иванов же, считая Балтрушайтиса одним из утвердителей литературной школы, «присвоившей себе имя симво-

лизма», оговаривается, что его творческий метод — «далеко не всегда метод чистого символизма».

Сопоставление этих высказываний говорит не только о разных оценках конкретного литературного явления — творчества Балтрушайтиса, но и о зыбкости самого понятия — «метода чистого символизма», — не совпадающего у двух признанных вождей течения.

Говоря о «литературной школе, присвоившей себе это имя», В. Иванов явно метит в Брюсова — инициатора и основного автора сборников «Русские символисты», а впоследствии лидера московского крыла движения. «Присвоение» же заключается в том, что, по мнению В. Иванова, символизм отнюдь не ограничивается узколитературными рамками, как то декларировал Брюсов, а обнимает несравненно более широкие сферы, ставя себе задачей религиозное преобразование жизни и искусства, которое должно вернуть себе прежнее, могучее, магическое влияние на людей, вновь войти в их ежедневный обиход, как то было хотя бы в античные времена.

Истоки символизма были вообще довольно многообразны, различные поэты приходили к нему глубоко индивидуальными путями, придавая этому течению крайнюю пестроту и противоречивость — от воинствующего субъективизма до смутного, мистифицированного отражения зреющих в мире социальных переворотов.

Своеобразным путем подошел к символизму и Балтрушайтис.

Он родился 20 апреля 1873 года в деревне Паантвардис близ Скирснямуне в небогатой семье крестьянина Казимира Балтрушайтиса. Детство его проходило на глухом хуторе, где рано научившийся «волшебному искусству чтения и письма» мальчик должен был довольствоваться всего лишь несколькими старыми календарями и книгами.

«Зато,— говорит поэт в автобиографии,— в бесконечно лучших условиях развивалось мое воображение. Тут были и незабвенные зимние сказки моей матери — подчас ее собственного сочинения,— и жуткие литовские предания о чудовищах и древних великанах и о целом хищном народе племени людей с песьими сердцами и песьими головами. Тут были и затейливые рассказы бродячего деревенского портного-старика, и небылицы часто ночевавших в нашем доме нищих. А главное, в нескольких верстах была река Неман с белевшими с весны до осени парусами прусских барж, с курганами и остатками замков, восходивших, по народному поверью, еще ко временам меченосцев. Особенно влекло меня к этим могильным холмам и окрестным лесам, в чьих глубоких чашах, под корнями веко-

вых деревьев еще видны были следы полевых канав, прудов и колодцев. Как особенно любил я бродить вдоль литовских проселочных дорог с покривившимися от времени, почерневшими от непогоды крестами, обилие которых внушало мне волнующее представление о древнем и скорбном шествии человечества к Голгофе...»

Эти поэтические, навевающие меланхолические фантазии впечатления и жадно впитывавшийся с гимназических лет мир огромной человеческой культуры вступили в резкое столкновение с жестокой обыденной жизнью.

Родители не могли содержать сына в Ковенской гимназии, куда он поступил в 1885 году, далее пятого класса, и на шестнадцатом году Юргис Балтрушайтис оказывается предоставлен собственной участи, дает уроки, а летом пасет скот.

Педантические гимназические правила стесняют его и в чтении, и в посещении театра, и даже в выборе жилья: он может поселиться лишь на специальных «ученических квартирах», плата за которые для него непосильно велика.

Когда же ему удалось получить разрешение жить репетитором в семье местного торговца колониальными товарами, он «ютился в совершенно темном чулане и заучивал наизусть стихи из «Одиссеи» и «Энеиды» под неугомонный скрип насоса, подававшего воду в соседнюю баню, и под частое и адское дребезжание машины, распиливавшей бесконечные головки сахару».

Этот «однообразный, странно чирикающий, деревянный и сухо вскрикивающий возглас насоса» Балтрушайтис не раз вспоминал. «Он тоже научил меня многому»¹, — скупо обронил он однажды.

Гордый, мужественный, ревниво охраняющий свою душу от постороннего, обидного или снисходительного, участия характер вырабатывается у молчаливого гимназиста. Лишь впоследствии в письме к близкому другу поэт скажет о своем миросозерцании: «...все эти с таким нравственным трудом давшиеся построения... этот бедный садик, без которого человеческая душа сплошная непосильная пытка...»² И напишет стихи — «Мой сад»:

Мой тайный сад, мой тихий сад
Обвеян бурей, помнит град..

В нем знает каждый малый лист
Пустынных вихрей вой и свист...

¹ Письмо к Дьяконову от 11 августа 1904 года (РО ГБЛ).

² Письмо к Дьяконову от 3 мая 1904 года (РО ГБЛ).

...Его простор, где много роз,
Глухой оградой я обнес, —

Чтоб серый прах людских дорог
Проникнуть в храм его не мог!

Это не надменность эстета, который знать не знает жизни, а самозащита горько израненного этой жизнью сердца.

А впереди у поэта — оскорбительное столкновение с богатой купеческой семьей жены, годы «литературной каторги» (так он часто называл свой неустанный труд переводчика), тяжелая болезнь, словом — жизнь, где радость, по его выражению, столь же редка, как «жирные «глазки» на поверхности мужицких щей» и «все житейские комарики садятся на... бедный лоб».

Психологию обращения Балтрушайтиса к символизму помогает понять одно высказывание Андрея Белого:

«Жизненный механизм направляет русло переживаний не туда, куда мы стремимся, отдает нас во власть машин... Власть мгновений — естественный протест против механического строя жизни. Человек, изредка освободившийся, углубляет случайный момент освобождения, устремляя на него все силы души. При таких условиях человек научается все большее и большее видеть в мелочах. Мелочи жизни являются все больше проводниками Вечности. Так реализм неприметно переходит в символизм».

Роковым образом, однако, эта «защитная реакция» индивидуальности художника вскоре превращается в своего рода агрессию по отношению к реальной действительности. Ревнивое отстаивание индивидуальности и ее прав на свое видение мира все больше начинает обнаруживать отрицательные стороны. Вместо того чтобы расширяться, поле наблюдения начинает суживаться, и художник порой целиком погружается в исследование своего «я», воспринимая «внешнюю» действительность как посягательство на свою «суверенность».

В августе 1893 года Балтрушайтис переезжает в Москву и поступает в университет (который впоследствии он окончил по естественному отделению физико-математического факультета). Скоро, по его собственным словам, он «почти исключительно занялся изучением литературы, овладел множеством языков и страстно заинтересовался новыми явлениями философии и искусства».

В Москве Балтрушайтис знакомится с Бальмонтом и Брюсовым и быстро сближается с обоими. На исходе 1899 года в «Журнале для всех» впервые появляются его стихи (начал же писать он еще в гимназии). Вместе с С. Поляковым он пере-

водит драму Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся», и ее выпуском начинается деятельность издательства «Скорпион».

Поэт принимает живейшее участие в формировании русского символизма. Он — активный сотрудник альманаха «Северные цветы» и журнала «Весы», фактически возглавлявшихся Брюсовым, на которого Балтрушайтис в то время возлагал огромные надежды как на реформатора современной литературы. «Мир искусства» заказывает ему статьи. Балтрушайтис принимал участие в создании Мережковскими журнала «Новый путь», сотрудничал первое время в «Золотом руне».

Самый рубеж XIX и XX веков — пора наибольшей близости Балтрушайтиса к символизму, отчетливо проявляющейся и в его высказываниях и в стихах.

В письме к Брюсову 15 июля 1901 года поэт провозглашает: «...соседство с миром иным, мера соприкосновения с которым есть единственная мера нашей ценности и искание которого, должно быть, составляет наш единственный смысл». Ортодоксально-символистские мотивы звучат и в стихах поэта:

Час закатный — час прозренья
В тайну Божьей глубины...
Полный темного волненья,
Лунный Рыцарь ждет луны...

Скоро-скоро осенится
Тайным блеском смертный взор,
В час, когда засеребрится
Нескончаемый простор...

(«Час покоя! Стелет тени...»)

Или:

Пусть люди о хлебе их черством
Ведут нескончаемый спор...
Всею жаром души своевольной
Будь предан иному труду, —
Ты слишком упорно и больно
Метался в бесплодном бреду!

(«Silenzio»¹)

«Бесплодный бред» — это людская жизнь со всеми ее «низменными» земными страстями. Спустя несколько лет поэт горько посетует на свое прежнее неприятие жизни:

Я гордо мудрствовал когда-то,
Что беглый жар в людской душе —
Лишь вечной цельности утрата,

¹ Тишина (ит.).

Лишь шелест вихря в камыше...
И сердце билось и черствело,
Себя отняв от бытия...

(«Я гордо мудрствовала когда-то...»)

Действительно, почти все писавшие о нем сходились на том, что «Балтрушайтис почти не говорит ни о чем единоличном, конкретном» (Брюсов), что «редко привлекает поэта единичное, конкретное, и то лишь поскольку оно представляет общую идею» (В. Иванов).

Однако, несмотря на все правомерно-символистские декларации Балтрушайтиса и старательное следование им, «бытие» все же разнообразными путями просачивалось в его поэзию.

Критики отмечали, что в его стихах читатель на отыщет «ничего внешне биографического». Действительно, Балтрушайтису совершенно чужды та откровенность и не лишенная рисовки демонстрация любых мгновений своей жизни, которой отдали щедрую дань Бальмонт и Брюсов.

Примечательно его признание в письме к Дьяконову 25 апреля 1905 года: «...сказать-то много, да все это один лишь хриплый крик... как-то не решаешься вваливаться в чужую избу, когда весь в снегу — в грязи, в пыли дорожной. Дайте срок встряхнуться да приосаниться».

При чтении его стихов очень важно помнить, что они — плод долгих размышлений, выверенные и взвешенные итоги пережитого и перечувствованного.

«Пламени восторга он дает остыть», как писал о характере поэтического вдохновения Балтрушайтиса критик С. С. Розанов. «Операция» для лирика небезопасная, довольно редкая и роднящая Балтрушайтиса уже скорее не с самими символистами, столь дорожившими как раз первыми впечатлениями, а с такими поэтами-философами прошлого века, как Баратынский и Тютчев.

И если тяготение к тютчевскому образу ночи, приоткрывающей перед человеком глухие тайны миров иных, с Балтрушайтисом разделяли и многие другие символисты, считавшие этого поэта своим предшественником, то другой его трагически-гордый мотив — мотив «борьбы непреклонных сердец» с роком, на которую «завистливым оком» взирают даже боги-олимпийцы, — был тоже услышан разве что еще Блоком.

Мятущуюся, не удовлетворенную найденными в символизме ответами мысль выдает письмо Балтрушайтиса к Брюсову из путешествия по Норвегии (20 июня 1901 года):

«Когда бродишь здесь среди полуобнаженных, совершен-

но безлюдных скал, когда добираешься до какого-нибудь места, откуда вдруг открывается свободное море, какая-то тревога овладевает человеком, и неотложно, сейчас же, хочется узнать окончательную судьбу людей. И притом видишь, что к этому знанию можно прийти не путем сплетения каких бы то ни было мудрых силлогизмов, а как-то проще, непосредственнее, ясно-видением, или наитием, что ли... Но ни этого наития, ни достаточной силы мышления не оказывается. И тогда вдруг потянет к рынку, к не помнящим себя людям, к той пляшущей суете, которая живет, сколько может, плачет, когда горько, но ничего не предрешает и ничего не хочет узнать наперед. Эх, дорогой Валерий, есть чем похвалиться, бесспорно, а *того*, важного, знания маловато. И вот я ищу его, подставляю решето под водопад своих мгновений и... молчу о добытом».

«Водопад мгновений» не соткан для Балтрушайтиса из одних сверкающих капель и стоящей над ними радуги. В его гуле он все чаще слышит «шум борьбы глухой и тщетной», звучащей «горьким зовом» в трудный и страждущий мир.

Даже сквозь философски-отвлеченные образы его стихов просвечивают, оберегая их от холодка рассудочности, реальные жизненные картины, нужды, заботы.

В синий полдень, в поле льна
Ходит синяя волна,—
Пестрым цветом луг порос.
Жаль, что скоро сенокос!

Это стихотворение о краткости отпущенных человеку сроков, но особенную трогательную убедительность ему придает конкретная земная основа.

Много пахарь бросил зерен,
Много ль будет на гумне!

И здесь философский смысл тесно переплетен с хорошо знакомыми поэту превратностями крестьянского хозяйствования.

«Каким бы волшебным кругом ни очерчивал свою жизнь человек,— писал Балтрушайтис Дьяконову в мае 1904 года,— он совсем ненадежен во многих местах, и этому жалкому отгороженному месту все равно приходится отражать все волнения и бури, какие проносятся в неизмеримом мире вещей, лежащих вне его».

Так, «ужасающим ураганом» пронеслась через все миро-созерцание поэта, по его собственному признанию, русско-японская война.

События 1905 года застали семью Балтрушайтиса за границей. К поражению революции Балтрушайтисы, при всей их политической наивности, относятся с большим волнением. Поэт уже не может по-прежнему воспринимать жизнь того литературного кружка, которая раньше почти всецело его занимала.

«В Москву и хочется и не хочется,— пишет он Дьяконову 19 июля 1906 года из Германии.— Боюсь старых и новых нелепостей. Не хотел бы также дать привлечь себя к старинному пусканию мыльных пузырей».

Общественно-литературная атмосфера, воцарившаяся в годы реакции, находит в Балтрушайтисе решительного противника, разочаровавшегося даже в своих ближайших друзьях.

«Думаешь о том, чем должно быть слово человеческое, и становится стыдно за всех этих Куприных, Арцыбашевых, Брюсовых (подчеркнуто мной.— А. Т.) и «tutti quanti»¹,— пишет он Дьяконову 2 февраля 1907 года.

Читая письма поэта времен реакции, неожиданно обнаруживаешь, что этому добрейшему человеку присуще остросатирическое восприятие окружающего.

«Время общественной сатиры — наше время. Эпоха мелкого блуда (в благородном значении этого слова)»,— пишет он и помимо этого яркого определения дает почти щедринские зарисовки:

«В людях послемасленичная икота. А Вы, полагаю, знаете, как умеют икать в Москве. Многозначительно и величаво, с каким-то глубоким смыслом. Икнет иной, хочется шапку снять. Что же «до болтовни еще недавней», то она вся скуплена для Гос. Думы» (10 марта 1907 года).

Балтрушайтис безоговорочно отмежевывается от модных поветрий мистического шарлатанства, эротизма, от «мыльных пузырей» умозрительных эстетических построений.

«При виде снега я упорно думаю о тайне небытия,— пишет он Дьяконову 15 октября 1906 года.— Здешние «пророки» воображают при этом белую, непременно женскую грудь. У них все — символ белой женской груди, и даже не груди, а просто грудей, или чего-нибудь еще посокровеннее. Что ж, у всякого дерева свой листочек!»

Еще резче он отзывается о мистических затеях Вячеслава Иванова, называя их «мистическим онанизмом, да еще на базарной площади, да еще в день ярмарки...». Основательно

¹ Все прочие (ит.).

и умно полемизирует с мертворожденной идеей возрождения античного театра.

Балтрушайтис чувствует, что движение, к которому он примкнул в начале своего литературного пути, исчерпало себя, и все больше охладевает к нему.

«В здешней литературе, несмотря на растущий успех «Весов» и популярность отдельных весовщиков, — какое-то расползание по швам, — пишет он Дьяконову 6 января 1908 года. — Раньше было движение, теперь кулачные бои, страх, как бы сверстник не опередил (видимо, намек на яростные и грубые выпады Андрея Белого против Блока в «Весах». — А. Т.). Словом, все признаки застоя, исчерпанности и, может быть, бессилия. У вас (в Петербурге. — А. Т.) пора не краше».

Саркастически охарактеризовал он в более раннем письме от 24 марта 1906 года и журнал «Золотое руно»:

Тот же пруд... Знакомый ельник...
Грохот прежнего труда...
Что новó: один лишь мельник, —
Старая вода.

Новый ковш — да брага та же...
В старой церкви — новый поп...

Не только поглощенность огромной переводческой работой, но и эти принципиальные разногласия все больше отдаляли Балтрушайтиса от большинства его недавних коллег по символизму, который как раз к этому времени вошел в моду.

«...Спрос на вашего брата и даже на нашего, — писал поэт актеру Дьяконову 20 августа 1910 года. — ...Я один отстал, как раненый журавль от стаи. Хотя принимаю это скорее с радостью, чем с грустью. И один я лучше, и одному мне лучше».

Он даже полагает, что ему придется кончить век Робинзоном.

«Сознанием своим я как-то совсем один, — пишет он 11 февраля 1908 года. — Воля бьется и рвется, как овца, привязанная к пылающему хлеву. Не могу, как вся моя братия, балансировать со страусовым или павлиньим пером, поставленным на носу».

И сама предписанная символистскими канонами иерархия ценностей претерпевает у Балтрушайтиса все более явственные изменения.

Уже в стихотворении «Звездным миром ночь дохнула...» скромный огонек человеческого жилья не проигрывает в самом «высоком» соседстве:

Здесь и там — огонь далекий,
Вспыхнув искрой одинокой,
Кротко зыблет мрак ночной...
Как узор в единой ткани,
Сочетается без грани
Свет небес и свет земной...

Здесь уже пробивается излюбленная впоследствии поэтом мысль о тесной связи и взаимообусловленности всего сущего, о равноценности «будничного» и высокого и в природе, и в человеческом существовании.

Равно достойны света воздаянья —
Суровый пот к земле склоненных лиц,
В огне веков нетленные деянья
И мудрый лепет вещей небылиц...

Мгновенное и длительность без меры,
Объятые смятением и сном,
И зыбь полей, и в поле камень серый —
Живые зерна в колосе одном...

(«Дневное сияние»)

Окружающий мир для него уже не только «паперть земная» у входа в потусторонний край. Он сияет своими, трогательными красками. Поэт, говоря его же стихами, «в слезах, горячими устами, лобзает прах развенчанной земли» и все чаще и любовней обращается к «земному дну».

И малый миг каждой человеческой жизни полон значения, ложится в некое грандиозное, веками воздвигаемое здание. Так, Италия напоминает поэту «некий строгий храм, что строился и строится от века тоскующим напевом пастуха... кривой киркой садовника Тосканы и царственным резцом Буонарроти» («Привет Италии»).

Не изменяя своей религиозности, не отрешаясь ни от веры в «иные миры», ни от своего трагического мировосприятия, Балтрушайтис воспеваает, однако, творческое начало в человеке, значимость его трудов, его зыбкого существования:

Божий мир еще не создан,
Недостроен Божий храм, —
Только серый камень роздан,
Только мощь дана рукам.

(«Ave, cruz!»¹)

¹ «Славься, крест!» (лат.)

Скорбя у грани заповедной,
Сокрывшей неземной пожар,
Хлопочет смертный не бесследно,
И прав Сизиф, и прав Икар!

(«Раздумье»)

Все явственнее слышатся в стихах Балтрушайтиса и демократические мотивы, хотя и специфически христиански окрашенные:

Невольник нивы, древний Божий воин,
Чей каждый миг — лишь дрожь и дрожь в пыли,
Ты средь людей один венца достоин,
Что вырыл плугом солнце из земли!

...на земле лишь вами время крепко,
Из ваших слез возникнут жемчуга.

(«Хвала рабам»)

Балтрушайтису не было свойственно, как, например, Блоку, острое ощущение близящейся социальной катастрофы. Правда, в 1913 году, в пору начавшегося революционного подъема, он опубликовал стихотворение «Видение полудня»:

Была пора борьбы и крови,
Час отягченных зноем век,
Когда слепой игрою нови
Был глухо движим смертный бег...

...предчувствием пожара
Пылала глубь людского сна...

Как влага в кубке, близясь к краю,
Кипел и рос полдневный пир,
И, как железный груз на сваю,
Сверкнув, он пал на старый мир!

Но подобные ослепительные «видения» посещали поэта редко. Он был подвержен иллюзиям о возможности выхода из тупика, в котором очутился «старый мир», посредством некоего духовного преображения человечества через искусство или религию.

«...уже настало время начать *новый мир*, — торжественно писал он Дьяконову 25 февраля 1907 года. — Потому и все часы остановились, что настало время. И ничто не сдвинется, пока пророк не оперится. Я уже говорил Вам: пришло такое время, когда должна быть объявлена какая-то столь же важная истина, правда нравственная, как: Люби ближнего... И это на множество веков вперед».

В 1909 году Балтрушайтис с энтузиазмом принял предло-

жение В. Ф. Комиссаржевской создать новую художественную школу, на которую и актриса и поэт возлагали какие-то особые, исключительные надежды.

«Началась воистину героическая пора моей жизни», — с восторгом сообщал Балтрушайтис Дьяконову 27 сентября 1909 года, принявшись за разработку программы будущей школы. Но эти планы разрушила смерть Комиссаржевской.

Далеко идущие театральные замыслы строил, видимо, Балтрушайтис и со своим близким другом — английским режиссером Гордоном Крэгом.

Имя поэта тесно связано с историей ряда постановок Московского Художественного театра — «Синяя птица» Метерлинка, «У врат царства» Гамсуна, — где он выступал как переводчик и советчик, с Московским Свободным театром К. А. Марджанова, с началом деятельности А. Г. Коонен и А. Я. Таирова.

Не для одной только Коонен Балтрушайтис был тогда «наставником и опекуном». Его «присутствие», если опять-таки вспомнить ее слова, в русской культурной жизни давно стало привычным.

«...Юргис получил очень лестное письмо от Чехова, где тот непомерно расхваливает его как переводчика и поэта...» — сообщала М. И. Балтрушайтис Дьяконову 31 августа 1903 года.

А в 1915 году А. М. Горький отзывается о Балтрушайтисе как о замечательном поэте, деловитом человеке и одном из лучших переводчиков на русский язык. Его произведения, наряду с картинами Чюрлениса, по мнению Горького, свидетельствуют о том, что в будущем «мир будет удивлен литовцами не меньше, чем был удивлен норвежцами».

Мировая война глубоко потрясла поэта. Жалуясь на то, что его новая книга «продвигается что-то медленно», он пишет Вячеславу Иванову:

«От всего, что нынче в мире творится, изменились мои требования к творчеству. Прежде всего к моему собственному. А там и ко всякому. И впредь я должен иначе думать о человеке. Лучше и хуже».

Его родные края снова — в который раз в истории?! — захвачены врагом. Немецкие милитаристы словно хотят оправдать сделанное однажды поэтом предположение:

«Они скоро съедят весь мир, как весьма на их аппетит тощую сосиску. Вместо двух, закованных, как утверждают смелые путешественники, во льды полюсов наденут на беднячку-землю две прусских каски» (письмо к Дьяконову из Германии, 24 июля 1906 года).

Февральскую революцию 1917 года Балтрушайтис при-

ветствовал стихами «Кузнец», «Красный звон», «Зодчим нови». Она для него оказалась понятнее Октябрьской.

«...Уже само мое происхождение из среды малых мира сего, — писал он еще прежде, касаясь своих общественно-политических взглядов, — могло воспитать во мне только одно чувство и одно убеждение, что глубочайшим долгом человека является пожизненная борьба за общую жизнь, одинаково справедливую и одинаково полную для всех...»

Однако конкретные пути и формы этой борьбы представлялись поэту крайне неясно. Характерна его растерянность перед событиями первой русской революции. «Все идет не так, как мне бы хотелось, — писал он Дьяконову 14 февраля 1906 года. — Многое, на чем я строил свои соображения о торжестве жизни, оказывается ей совсем и не присуще».

Так и в октябре 1917 года, свет яростного кровавого солнца, которое вырыл своим плугом из земли «древний Божий воин»-труженик, оказался для поэта неожиданным.

О вешняя, о новая гроза,
Как ты трудна! Как ты слепишь мои,
Усталые от праха дней, глаза! —

сказано в более позднем его стихотворении «Не меркнет солнце в смертном бытии...».

Но Балтрушайтис не только не отшатнулся от нового светила, не только не отвернулся от тех, которые приветствовали революцию, как Блок и Брюсов, но сам принял участие в разнообразных культурно-просветительных начинаниях советской власти — в Театральном отделе Наркомпроса, в организованном Горьким издательстве «Всемирная литература».

Размышляя о будущем искусстве, которому он по-прежнему придает особое, жизнестроительное значение, поэт кратко, но многозначительно говорит о своей политической лояльности по отношению к победившей революции:

«...будем строить наш будущий дом... без чрезмерной жалости о былом и без молчаливых дум о возврате».

Он и в своих стихах стремился осознать, понять совершившееся на его глазах.

Его отношение к событиям в чем-то родственно блоковскому, хотя и не возвышается до высокого творческого накала автора «Двенадцати» и «Интеллигенции и Революции»:

Есть некое святое принужденье,
Насилие, чья пытка благотворна,
Как только благо — горький меч творящих
Новь бытия во славу бытия.

(«Есть некое святое принужденье...»)

Пусть сладки сердцу в мире старом
Его отрада и печаль,
Но ты, смельчак, лишь с новым жаром
От мертвой пристани отчаль!
(«Таков закон судьбы суровой...»)

Вспомним запись в блоковском дневнике тех лет:

«...совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого, но *умирающего и разлагающегося*, в пользу нового, сначала неуютного и немилого, но обещающего свежую жизнь».

С 1920 года положение Балтрушайтиса меняется: он становится сначала заведующим специальной миссии, а затем чрезвычайным посланником и полномочным министром Литвы в Советской Республике. Почти двадцать лет, до переезда в Париж в 1939 году, провел он на этом посту и многое сделал для налаживания добрососедских отношений и культурных связей между нашими народами.

Хотя некоторое время он еще печатает в Москве свои стихи, а переводческая его деятельность продолжается до середины тридцатых годов, государственные дела существенно ограничивают его литературные и житейские связи. Отголоски одиночества слышатся в его стихах 20—30-х годов:

В сокрытом строе мирозданья,
В безвестности его путей
Есть горький подвиг ожидания,
Что подвига борьбы трудней...

(«В сокрытом строе мирозданья...»)

Таким «горьким подвигом» стала вся последующая жизнь Балтрушайтиса, завершившаяся уже во Франции, где поэта застала вторая мировая война, сделавшая его житейские обстоятельства катастрофическими.

Но, несмотря на свою трагическую судьбу, жизнь на чужбине, под игом тех, кого он презирал и ненавидел за намерение нахлобучить на Землю прусскую каску, Юргис Балтрушайтис сохранил свою сумрачную любовь к людям и убеждение в величии их дел. Характерна его «Песня юродивого» — стихотворение, действительно странно звучащее в страшные дни 1941 года, исполненное простодушной, упрямой, детской веры в победу справедливости:

Не быстрее ног ходули,
И не трутням божий улей!
...Петь бездольных побоюсь ли
Ведь на то и гусли!
Я любил ходить на свадьбы —

Ах, еще раз побывать бы!
А бывал я и на тризне,
Но пою я лишь о жизни,
И ни скудости, ни смерти
Вы, как я, не верьте!

Знал я зной и знаю холод,
Стар вчера, а ныне молод,
И за скорбь земли былую
Трижды землю я целую,
И земной былинке всюду
Радуюсь, как чуду...

Юргис Балтрушайтис умер в Париже 3 января 1944 года и был похоронен во время бомбардировки. Спустя три года вдова поэта писала, что на могилу приносят много цветов: «Он и здесь сумел заставить всех себя любить».

Когда-то на Кавказе Балтрушайтис увидел поразившее его кладбище:

«Над кладбищем другой холм, превращающий его в простую ступень одной и той же лестницы из возвышенностей и террас, все вверх, еще вдаль, к мнимой линии горизонта. Первый раз вижу кладбище, которое не производит образа последнего пристанища».

И холмик на парижском кладбище Монруж — не последнее пристанище поэта.

«Горький подвиг ожидания» новой встречи с родиной, с читателями пришел к концу.

В 1967 году в Вильнюсе были выпущены литовские стихи Балтрушайтиса, в 1969 — русские. Настоящее издание включает русские стихотворения Балтрушайтиса и переводы с литовского, сделанные впервые.

Юргис Балтрушайтис как бы снова очутился «среди милых сосен, по которым... совсем соскучился», на свадебном пиру вечно обновляющейся природы, где

Опять шумит веселая волна,
С холма на холм взбегая торопливо,
В стоцветной пене вся озарена.

А. Турков

ЗЕМНЫЕ СТУПЕНИ

Марии Б.

Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...
Вся жизнь моя — стояние над бездной...

Одна загадка — гром и тишина,
И сонная беспечность и тревога,
И малый знак, и в синих высях Бога
Ночных светил живые письма...

Не дивно ли, что, чередуясь, дремлет
В цветке зерно, в зерне — опять расцвет,
Что некий круг связующий объемлет
Простор вещей, которым меры нет!

Вся наша мысль — как некий сон бесцельный...
Вся наша жизнь — лишь трепет
беспредельный...

За мигom миг в таинственную нить
Власть Вечности, бесстрастная, свивает,
И горько слеп, кто сумрачно дерзает,
Кто хочет смерть от жизни отличить...

Какая боль, что грозный храм вселенной
Сокрыт от нас великой пеленой,
Что скорбно мы, в своей тоске бессменной,
Стоим, века, у двери роковой!

ВЕСЕННЯЯ РОСА

Und alles war erquickt
mich zu erquickern ¹.

Goethe

The wind is blowing on the waving reeds,
The wind is blowing on the heart of man ².

William B. Yeats

¹ И все ожило к моему наслаждению.

И.-В. Гете (1749—1832), немецкий поэт и мыслитель.

² Ветер овевает колеблющийся тростник,
Ветер овевает сердце человека.

В.-Б. Йейтс (1865—1939), английский поэт и драматург.

С. А. Полякову

Рассветные волны качают ладью —
Живая хвала бытию!

Безмерные дали — в венчальном огне,
И солнце и море — во мне...

Над глубиью лазурной, не знающей дна,
Я сам — кочевая волна...

Пирую, кружусь на пиру световом,
Как искра в пожаре живом...

Пред чудом сверканья бессмертных зарниц
Я, смертный, не падаю ниц,—

Меж мной и вселенною, в час полноты,
Не стало отдельной черты...

Мир — тихое пенье в редеющей тьме,
Я — пламя молитвы в псалме...

Играют, дробятся на мачте лучи,—
Мой парус — из яркой парчи!

С молитвенным звоном, как хор неземной,
Мелькает волна за волной...

И каждая тихую сказку поет,
Что сердце людское цветет!

Тишь... Безмолвие лесное...
Безмятежен ранний день, —
Лист не дрогнет в ровном зное,
Ни узорчатая тень...

Вдоль тропинки забудки
Притаились в полумгле, —
Золотые промежутки
Протянулись по земле...

Только звонко захохочет
Птица в зелени ветвей,
Только бегаёт-хлопочет
Деловитый муравей...

Чу! Над светлую дремотой
Пробежал веселый свист
И, сверкая позолотой,
Заметался влажный лист...

Вдаль ли глянешь, вглубь ли, ввысь ли,
Всюду — трепет, шелест, дрожь...
Только вникни, только мысли,
Все узнаешь, все поймешь!

Мой светлый храм — в безбрежности
Развернутых степей,
Где нет людской мятежности,
Ни рынков, ни цепей, —
Где так привольно, царственно
Пылает грудь моя
Молитвой благодарственной
За чудо бытия...

Мой тайный храм — над кручами
Зажженных солнцем гор,
Мой синий храм за тучами,
Где светел весь простор,
Где сердцу сладко дышится
В сиянии вершин,
Где лишь туман колышется
Да слышен гул лавин...

Моя святыня вечная —
В безгранности морской,
Где воля бесконечная —
Над малостью людской,
Где лишь тревога бурная
Гремит своей трубой,
Где только высь лазурная
Над бездной голубой...

Как раздумье в сердце мирном,
В светлом море вал встает,—
О великом, о всемирном
Доле будничной поет...

Этой вестью неземною
Утоляется душа,
Точно влагою живую
Из волшебного ковша...

О, блаженство — миг от мига,
В полноте не различать,—
Звенья жизненного ига
Бесконечно размыкать!

I

Живую душу всюду ждет
И яркий миг, и светлый год,
И пламя радостных забот...

Хотя б кругом дышал самум,
Везде найдет свободный ум
Живой источник вещей дум...

Есть искра света в каждой тьме,—
Есть миг свободы и в тюрьме,—
Есть клад и в нищенской суме,—

И много в недрах бездн ночных
Зарниц, мгновенно огневых,
Но их сверканье — для живых...

II

В игре мгновений, в смене лет
Безмерна мощь луча,
Нам жизнь во всем, где вспыхнул свет,
Правдиво горяча,
Нам луч везде поет привет,
Ликующе звуча...

Он вечно падает с небес,
Как весть о знойном дне,
О том, что в мире час чудес
Заискрится вдвойне,
Что к часу жатвы должный вес
Утроится в зерне,—

Он в мире радостно горит
Идущим вдаль — искать,
Он всякий сумрак озарит,
Нам нужно лишь алкать,—
Он даже в сером камне скрыт,
Лишь нужно высекать...

¹ Веселая наука (ит.).

Gloria in excelsis Deo! ¹

Простор! Раздолье дикое!
Безмерна глубь небес...
День — таинство великое,
День — чудо из чудес...

Раскрылись дали знойные,
Как бездны синей тьмы...
Я слышу вихри стройные,
Поющие псалмы...

Как звон, они проносятся
В пространстве без конца, —
Поют, взывают, просят
В мое — во все сердца...

С безмерным ликованием
Сменяются часы,
Весь мир объят сиянием,
Что капелька росы!

Пылает вечной славою
Святыня бытия,
Я в светлом море плаваю,
Мой парус — мысль моя!

¹ Слава всевышнему в небесах! (*лат.*), начальные слова католического церковного гимна, известного с IV века.

Мой день певуче-безмятежен,
Мой час, как облачко, плывет,
И то, что вечер неизбежен,
Меня к унынью не зовет...

В лесу ли вихрь листвою играет,
Иль мчит поток волну свою,—
Все, все мой дух вооружает
Живым доверьем к бытию...

Мой путь — по божьему указу —
Светло направлен в ширь долин,
Где ясен мир, привольно глазу,
Где я с мечтой своей один...

Все выше солнце — тень короче,—
И пусть затем скудеет зной,
Еще не скоро холод ночи
Дохнет безвестной тишиной...

Когда же золотом и кровью
Заблещет вечер в небесах,
Я с тихим жаром и любовью
Благословлю дорожный прах...

И в час, когда волна дневная
Отхлынет прочь, за край земли,
Мой дух заманит тьма ночная
В глубины звездные свои...

Полдень... Меры нет простору!
Высь и доли — круг огня...
Весела дорога в гору,
К золотой вершине дня!

В юном сердце — в знойном небе —
Тишь — сиянье — синева...
Славься, в жизни, каждый жребий!
Звонче, гордые слова!

Грусть ли первой долгой тени
Поразит тревогой нас, —
Друг мой светлый, мы без пени
Встретим каждый тайный час...

Вихрь примчится ль, луг ероша...
Мир — ромашка, ты — пчела, —
Пусть твоя земная ноша
Будет сладко тяжела...

Цветок случайный, полевой,
Я — твой двойник, я — рыцарь твой!

Как ты узор по лепестку,
Свои мечты я в сердце тку...

Тебе я грезами сродни,
И в целом мире мы — одни...

Один на свете труд у нас —
Как жить-цвести в полдневный час, —

Как божьим светом, синевой,
Наполнить малый кубок свой!

Цветок мой, слушай — не дыши,
Мы — две раскрывшихся души...

Одна весна нам в мире мать,
Наш жребий — вместе умирать...

Мы — вся нарядность бытия,
Нас в мире двое: — ты да я!

Миг мелькает — день плывет,
Утро сеет — вечер жнет...
Гаснут искорки росы —
Чередуются часы!

В синий полдень, в поле льна,
Ходит синяя волна,—
Пестрым цветом луг порос,
Жаль, что скоро сенокос...

Светел мирный шелест ржи
Вдоль извилистой межи,
Строен каждый стебелек,—
Точно ль серп еще далек!

День проходит — жизнь идет,
Жребий сеет — доля жнет,—
Зреет малый труд раба,
То-то будет молотьба!

Дымно тает берег плоский...
Весел Кормчий у руля...
Еле видимой полоской
Обозначилась земля...

Вся клокочет ширь морская...
Я — один над синей тьмой...
Вихри пены ввысь взрывая,
Воет бездна под кормой...

Крепче, буря, парус белый
В час венчальный напряги,
Чтоб во славу воли смелой
Разомкнулись все круги!

Шумно, в беге бесконечном,
За волной встает волна...
Я один в их споре вечном —
И покой и тишина...

Без тревоги, без печали
Бродит в сердце новый хмель,
И светло мне снятся дали
Неизведанных земель...

¹ Славься, звезда морская (*лат.*), начальные слова католического церковного гимна, известного с IX века.

Слышу, слышу гул нестройный!
Меркнет божья синева...
Стонут-воют беспокойно
Роковые жернова...

Шум борьбы глухой и тщетной,
Отложи свой горький зов, —
Дай дослушать в час рассветный
Вещий звон колоколов!

Пыль великая, земная,
Не взрывайся близ меня, —
Дай мне ярче, в утро мая,
Осениться светом дня...

Ропот грозный, стон полдневный,
Нескончаемый, — будь тих!
Не смущай тревогой гневной
Мира тайных снов моих!

Тише, тише, вихрь вечерний, —
Милосердие — лучу!
Я несу в обитель терний,
В дом свой, вербную свечу...

¹ Не касайся моих чертежей (*лат.*), слова, приписываемые древнегреческому математику Архимеду; согласно преданию — это обращение ученого к ворвавшемуся в дом римскому солдату.

С. А. Полякову

Кончая день, в вечернем свете,
Гляжу все чаще на зарю
И, как мулла на минарете,
Молитву громкую творю...

Земной поклон стране восточной,
Ее безбрежности хвала,
Что в сумрак мира в час урочный
Живое солнце привела!

Хвала безоблачному югу
За синий полдень, трудный зной,
Что дал цветы земному лугу
И долгий свет борьбе земной...

Хвала, хвала безмерной дали
Великих западных миров
За щедрый дар живой печали
И тишь жемчужных вечеров...

Хвала и звездному простору
Пустынных северных полей,
Что дал тоскующему взору
Огни полуночи своей!

Кончая день, борьбу живую,
Объятый кроткой тишиной,
Я славлю Бога и целую
С земным поклоном прах земной...

В. С. Миролюбову

Чутко спят тополя... Онемели поля...
Раскрывается ночь бесконечная...
Звезд исполнен простор, в их лучистый убор
Наряжается бездна предвечная...

Пробуждается ум для таинственных дум...
Взор стремится в пространство безбрежное...
В тайный час тишины раскрываются сны
И смиряется сердце мятежное...

Чуток бдительный слух, и уносится дух
На бесшумных волнах Бесконечности...
В звездном вихре миров упадет покров
С молчаливого образа Вечности...

ДЫМНЫЕ ДАЛИ

Och fler och fler
gå stjärnor fram ¹.

Wilhelm Ekelund

Nu har jag lodat sorgen liksom lyckan,
nu kan jag ge och ta ².

Per Hallström

¹ Приближается все больше и больше звезд.

В. Экелунд (1880—1949), шведский поэт и эссеист.

² Познал я и боль и радость,
Теперь я могу и дать и брать.

П. Гальстрем (1866—1960), шведский писатель.

Все в смертной доле двойственно,
Случайностью живет,—
Лишь низости несвойственно
Сверкнуть лучом высот.

Нам в мире все возможности
Для подвига даны,—
Стезю осторожности
Влачиться мы должны!

Всем жаром нашей малости
Мы требуем любви,
Но губим все без жалости
И мечемся в крови.

Плывет наш день медлительно
В неведеньи конца,—
Лишь светлый сон недлительно
Баюкает сердца...

В мучительном томлении
Мы ищем полноты,
Но строим жизнь в дроблении
Усилья и мечты...

К. Бальмонту

Вырыты извиристо
Русла бытия,
Где стезею илистой
Мечется струя...

С плеском несмолкающим
Ветер слил свой свист...
Горе погибающим —
Берег каменист!

Ввысь отвесно строится
Зданье темных скал,
Негде успокоиться,
Как бы ни устал!

Только вспыхнет сладостно
В пене яркий луч
Да волеется радостно
Чистый божий ключ, —

Только в ночь бездонную
Звезды с высоты
Бросят в бездну сонную
Искру красоты...

В колыбели илистой —
Светлая струя...
Сумрачны, извилисты
Русла бытия!

Валерию Брюсову

Мой тайный сад, мой тихий сад
Обвеян бурей, помнит град...

В нем знает каждый малый лист
Пустынных вихрей вой и свист...

Завет Садовника храня,
Его растил я свету дня...

В нем каждый знак — хвала весне,
И каждый корень — в глубине...

Его простор, где много роз,
Глухой оградой я обнес, —

Чтоб серый прах людских дорог
Проникнуть в храм его не мог!

В нем много-много пальм, огав,
Высоких лилий, малых трав, —

Что в вешний час, в его тени,
Цветут-живут, как я, одни...

Все — шелест, рост в моем саду,
Где я тружусь и где я жду —

Прихода сна, прихода тьмы
В глухом безмолвии зимы...

Жизнь кого не озадачит,
Кто, захваченный грозой,
Не вздохнет и не заплачет
Одинокою слезой!

Все мы радостно и бодро
Покидаем детский кров,
Верим в полдень, верим в ведро,
В тишь далеких вечеров...

Но с доверчивыми снами
Тень сплетается и — вдруг
Жребий, брошенный не нами,
Нас влечет в свой строгий круг...

Все мы сеем, вверив зною —
Божьей прихоти — свой хлеб,
И с молитвою немую
Точим серп, готовим цеп...

Безмятежен и просторен
Мир в весенней тишине...
Много Пахарь бросил зерен,
Много ль будет на гумне!

Все тот же холм... Все тот же замок с башней...
 Кругом все тот же узкий кругозор...
 Изгиб тропы мучительно-всегдашней...
 Пустынный сон бестрепетных озер...

И свет и тень, без смены и движенья,
 В час утра — здесь, в истомный полдень — там,
 Все сковано в томительные звенья,
 С тупой зевотой дремлет по местам...

Лесной ручей, скользя, дробясь о скалы,
 Журчит докучно целый божий день...
 Изведен в часе каждый вздох усталый,
 Знакома в жизни каждая ступень!

И каждый день, свершив свой круг урочный,
 Вверяет сердце долгой тишине,
 Где только дрогнет колокол полночный
 Да прокричит сова наедине...

И что ни ночь, в тоске однообразной —
 Все та же боль медлительных часов,
 Где только шорох, смутный и бессвязный,
 Меняет глубь одних и тех же снов...

И скорбно каждый в сердце маловерном,
 Следя за часом, жаждет перемен,
 Но льется день в своем движеньи мерном,
 Чтоб обнажить зубцы все тех же стен...

И вновь, тоскливо, с четкостью вчерашней,
 Невдалеке, пустынный видит взор
 Все тот же холм, все тот же замок с башней,
 Один и тот же узкий кругозор...

¹ Отвращение к жизни (лат.).

Мы — туманные ступени
К светлым высям божьих гор,
Восходящие из тени
На ликующий простор...

От стремнины до стремнины —
На томительной черте —
Все мы гоним сон долинный,
В трудном рвеньи к высоте...

Но в дыму нависшей тучи
Меркнут выси, и блажен,
Кто свой шаг направил круче
По уступам серых стен...

Он не слышит смуты дольней,
Стона скованных в пыли,
Перед смелым все привольней
Глубь небес и ширь земли...

Дремлет каплей в океане
Мир немых и тщетных слез,—
Мудр, кто в тишь последней грани
Сердце алчное вознес!

Валерию Брюсову

Из храма гор, из сонной мглы лесной,
В отдельном беге каждый одинокий,
Струятся вдаль, впоенные весной,
Немой земли немолчные потоки...

Все золото зари, весь изумруд
Холмов, весь мир светающего поля
Глядятся в них... Певуч их первый труд,
Светло-шумна их утренняя доля...

Поют валы в тени гранитных стен,
Пока их бег стремителен и силен,
Пока далек великий зимний плен
В безвестности порогов и извилин...

Но день идет, и скорбно в их простор
Теснится тень, как некий сон упорный
О мертвых безднах сумрачных озер,
Что горестно их ждут в свой омут черный...

И, глухо дрогнув, каждая волна
Стремится шумно к далям заповедным,
Туда, где все встречает тишина
Своим лобзаньем сладостным и бледным...

В нашем доме нет затишья...
Жутко в сумраке ночном,
Все тужит забота мышья,
Мир не весь окован сном.

Кто-то шарит, роет, гложет,
Бродит, крадется в тиши,
Отгоняет и тревожит
Сладкий, краткий мир души!

Чем-то стукнул ненароком,
Что-то грузно уронил...
В нашем доме одиноком
Бродят выходцы могил.

Всюду вздохи — всюду тени,
Шепот, топот, звон копыт...
Распахнулись окна в сени,
И неплотно вход закрыт...

Вражьей силе нет преграды...
Черным зевом дышит мгла,
И колеблет свет лампы
Взмах незримого крыла...

Есть среди грез одиноких одна,
Больше всех на земле одинокая...
Есть среди стран заповедных страна,
Больше всех для стремленья далекая...

В радостный миг неземной полноты
Эта греза зарницею светится...
Счастлив, в чьей доле приход темноты
Этой ласкою звездной отметится...

В дальних путях по откосам земным
Все изгладится в сердце, забудется,
Только она, с постоянством живым,
Будто сон утоляющий чудится,—

Только она нас упорно ведет
Каменистой тропой бесконечности,—
Тихо, как мать над малюткой, поет
О ликующих празднествах вечности...

Брось свой кров, очаг свой малый,
Сон в тоскующей груди,
И громады скал на скалы
В высь немую громозди...

Божий мир еще не создан,
Недостроен божий храм,—
Только серый камень роздан,
Только мощь дана рукам.

Роя путь к твердыне горной,
Рви гранит, равняй холмы,—
Озари свой мрак упорный
Искрой, вырванной из тьмы...

Пусть взлелеет сны живые
Отблеск творческой мечты,
И чрез бездны роковые
Перекинутся мосты...

Лишь свершая долг суровый,
В мире лени, праздной лжи,
Ты расширишь гранью новой
Вековые рубежи...

Лишь предав свой дух терпению,
Им оправдан и спасен,
Будешь малою ступенью
В темной лестнице времен...

¹ Славься, крест! (лат.)

И в сердце, как в море, — прилив и отлив...
Я сменю крайностей жив...

То жизнь — трепетание майского сна,
То снова скудеет весна...

Безвестное море баюкает нас —
Нам горько неведом наш час!

Нахлынет — захватит своей глубиной,
Ликующей вскинет волной, —

Отпрянет и — горестно вновь обнажит,
Что в сумрачной бездне лежит...

Кочуют валы — от земли и к земле,
То в трепете дня, то во мгле, —

С забвением к суше, от суши — с тоской...
О сердце, ты — берег морской!

В тебе — вековечный прилив и отлив,
Чьей горькою сменой я жив...

Мне чудятся дали ночные,
Раскрытые в мире ином,
Где дни и заботы земные
Развеянным кажутся сном...

Там кротко сверкают зарницы,
И, в трепете лунных огней,
Бесшумно встают вереницы
Таинственно-светлых теней...

И шествуют призраки с пеньем,
Иному молясь бытию...
И, тайным объятый волненьем,
Средь них я себя узнаю...

И долго и горько мне чужды,
Поникшему в прежней пыли,
Все горести, споры и нужды,
И зыбкое счастье земли...

И часто среди хриплого шума
Борьбой ослепленного дня
Моя одинокая дума
К тем далям уводит меня,—

Где стройно дворцы и соборы
Лучистой встают чередой
И кротко, сплетаясь в узоры,
Восходит звезда за звездой...

Божий мир для нас — как море...
Мы на темном берегу
Глухо плачем о просторе,
Кто на радость, кто на горе,
Каждый — в замкнутом кругу...

Здесь, в истоме повседневной,
Счет изведанных часов...
Там — разгул свободы гневной,
Вечно новой и напевной,
Трепет смелых парусов...

Тщетно нашу мысль уводит
К синим далям дальний дым,
Тщетно кровь кипит и бродит,—
Наша молодость проходит
В споре с сердцем молодым...

Мы живем в плену суровом,
Вечно в той же полумгле,
Где печаль о часе новом
Лишь смущает тщетным зовом
Сон прикованных к земле...

Ослепленными очами
Мы глядим, рабы теней,
В мир, сверкающий пред нами,
Расширяя только снами
Жребий малости своей!

I

И. Н. Худолееву

В вечерний час, в глухую пору,
Плетусь в неверной тишине
И, меря мир, открытый взору,
Дивлюсь великому простору,
И чуток трепет дум во мне...

И, озирая мир широкий,
Где я дышу, где я томлюсь,
Считаю я мгновенья, сроки,
И в час грядущий, недалекий,
Проникнуть разумом стремлюсь...

Но тщетно я в тиши неверной
Витаю в далях прежних лет
И в их кругу, в их смене мерной,
Ищу душою суеверной
Предчувствий вещей и примет.

И мыслю вновь: смешна тревога...
Настанет день — сверкнет волна...
И час и век — во власти Бога,
Их темный бег исчислен строго,
И жребий сбудется сполна...

То плоским берегом, то в гору
Плетусь медлительно во мгле,
И сладко мне, в глухую пору,
С молитвой звездному простору
Припасть тоскующе к земле...

II

Валерию Брюсову

Час покоя! Стелет тени
Дымный вечер среди полей...
Лишь не знает сладкой лени
Вещий жар в крови моей...

Час закатный — час прозренья
В тайну божьей глубины...
Полный темного волненья,
Лунный Рыцарь ждет луны...

Скоро-скоро осенится
Тайным блеском смертный взор,
В час, когда засеребрится
Нескончаемый простор...

Полночь звездная утроит
Глубь небес и ширь земли,
И рассыплет и раскроет
Месяц золото в пыли...

Пусть же сладкая прохлада
Клонит смертное ко сну,
Я один, искатель клада,
Глаз упорных не сомкну...

III

К. Бальмонту

Звездным миром ночь дохнула...
Средь смолкающего гула
В лунном поле я брожу...
И, склоняясь сам к покою,
С просветленной тоскою
В дали звездные гляжу...

Здесь и там — огонь далекий,
Вспыхнув искрой одинокой,
Кротко зыблет мрак ночной...
Как узор в единой ткани,

Сочетается без грани
Свет небес и свет земной...

В поздний час, не помня боли,
Я брожу в пустынном поле,
В чуткой лунной тишине...
Средь дремоты беспредельной
Молкнет трепет мой отдельный,
И оправдан мир во мне!

И в великий миг слиянья
С вечной тайной мирозданья
Кротко мыслю: с бегом дней
Все стройнее, все безгневней
Трепет мира, шорох древний,
Глубже сердце — жизнь ясней...

СБОР ВИНОГРАДА

At morn and even shades are longest...¹

Ben Jonson

Tu, voce sbigottita e deboletta,
ch'esci piangendo de lo cor dolente...²

Guido Cavalcanti

¹ Самые длинные тени бывают утром и вечером...

Б. Джонсон (1573—1637), английский драматург.

² Ты, голос изумленный и слабый,

Исходящий со слезами из скорбного сердца...

Г. Кавальканти (1255—1300), итальянский поэт и ученый.

Угрюмы скал решенные отвесы.
Пространство молкнет... Отдых от труда!
И близко разуму раскрытые завесы...
И кто-то, вещий, шепчет: Навсегда.

Все в мире ясно, понято, раскрыто...
Земля и небо — формула, скелет,
В котором все исчислено и слито,
И прежнего обмана больше нет.

Отсель — бескровность призрачных движений,
Как трепет страсти в сердце мудреца,
Унылая пора оцепенений
И бледный жар печального лица.

Ни голода, ни жажды — только Слово,
Как сумрачный, глухой и праздный звон,
Случайный отблеск пиршества былого,
Воспоминания неверный полусон!

И кончить бы — пока для оправданья
Возможна сила в стынувшей груди,
И только ты, невольница алканья,
Слепое сердце, молишь: Погоди!

На свете так много простора,
Надежд, и гаданий, и грез,
Как тени у темного бора,
Как боли у сумрачных слез...

И часто, в бреду одиноком,
В мгновенье истомы немой,
Мы знаем, что в храме далеком
Готовится пир неземной...

Но дальней и пыльной дорогой
Мы в жизни на праздник идем,
Под трудной грозью-тревогой,
Под серым и долгим дождем,—

Мы радостно в сердце горячем
Приветствуем утренний свет,
А вечером сетуем, плачем,
Что грезам свершения нет...

Долго-долго время длилось,
Долго-долго время шло...
В горьких помыслах склонилось
Бледное чело.

Мыслью, алчущей прозренья,
Я вникал в их беглый миг,
И в высокое ученье
Древних вещей книг...

Приковал я грудь живую
К мертвым сводам рудника,
Где, взрывая тьму глухую,
Искрилась кирка.

Жил, метался, опыт множил
В тишине, средь шума гроз
И в пустом гаданьи дожил
До седых волос!

Все, что век лелеял, сеял,
Все, что годы я поил,
Зыбким прахом час развеял,
Миг опустошил...

Пусть! Скорей другую ношу!
Вновь я гордо восстаю...
Раб мятежный, вновь я брошу
Вызов бытию!

Памяти Н. Л. Тарасова

Вперед, вперед, мой бедный конь,
Исполни свой завет, —
Сквозь холод вьюги, сквозь огонь...
Назад дороги нет!

Наш день не долог, путь далек,
Плетись, пока светло...
Тебе наскучил твой ездук,
Ему — твое седло.

Ни повернуть, ни отдохнуть...
Пустынные края!
Но свой докучный, долгий путь
Придумывал не я...

Свершай, мой конь, свой темный бег,
Где всюду — боль с бедой,
Где лишь однажды был ночлег
С хозяйкой молодой...

Вперед же, вскачь, до той черты,
Где все — покой и мгла,
Где дрогнет грудь моя, а ты
Закусишь удила...

Нас в мире ждет великое алканье
На всех путях...
Нас всех томит угрюмое незнанье
В земных сетях...

Мы молимся о чуде утоленья
И день и ночь,—
Но горечи последнего томленья
Не превозмочь...

Придет гроза, завоюет и нарушит
Земную тишь,—
Но тишины, что наше сердце душит,
Не возмутишь...

Брожу один усталым шагом
Глухой тропинкою лесной...
Певучий шелест над оврагом
Уже не шепчется со мной...

Синеют дали без привета...
Угрюм заглохший круг земли...
И, как печальная примета,
Мелькают с криком журавли...

Плывет их зыбкий треугольник,
Сливаясь с бледной синевой...
Молись, тоскующий невольник,
Свободе доли кочевой!

Пусто, пусто в старом парке...
Каждый угол поредел,
Даже там, где в полдень жаркий
Час прохладный не скудел...

Шире каждая дорожка,
Где теперь хлопочет крот...
Заколочена сторожка
У свалившихся ворот...

Где спускался, зыбля складки,
Вешний груз зеленых риз,
Ныне дремлет в серой кадке
Одинокий кипарис...

Взор печальный отмечает
Прах и тлен со всех сторон...
И осенний вихрь качает
Гнезда черные ворон...

Вот пустынный холм с беседкой...
Грустный кров — теперь сквозной,—
Где с прекрасною соседкой
Коротал я час ночной...

Скорбен вечер в небе хмуром,
Грустен в парке мертвый шум...
И пред каменным Амуром
Я стою, один, угрюм...

Молчанье! Забвенье без срока...
Свой жребий, пустынный, мечи...
Пусть зыблется жизнь одиноко,
Как пламя ночное свечи...

Безмолвие грани последней
Мой дух просветленный зовет...
И глухо на башне соседней
Пустынное время поет...

Ни страха, ни ропота в бое
Вещающих утро часов...
Лишь молится сердце живое
Восходу светящихся снов...

Молчание! С гордым упорством,
Пустынный, таи свой простор...
Пусть люди о хлебе их черством
Ведут нескончаемый спор...

Всем жаром души своевольной
Будь предан иному труду,—
Ты слишком упорно и больно
Метался в бесплодном бреду!

М. П. Чеховой

В вечерней мгле, у берега глухого
Один стою...
Тебе ль, душа, замкнуть в земное слово
Тоску свою!

Пусть даже горько узник прослезится,
Слеза — одна...
Морской простор в волне не отразится,
Ни глубина...

Людская жизнь — мгновенья, годы, сроки,
Счет дней и дней, —
В земной тоске раскрыт весь мир широкий,
Вся вечность — в ней!

Я родился в далекой стране,
Чье приволье не знает теней...
Лишь неясную память во мне
Сохранило изгнание о ней...

Знаю... Замок хрустальный стоял,
Золотыми зубцами горя...
И таинственный праздник сиял,
И цвела, не скудея, заря...

Помню, помню в тяжелом плену
Несказанно-ласкательный звон,
Что гудел и поил тишину,
И баюкал мой трепетный сон...

И средь шума забот и вражды,
Где я, в рабстве, служу бытию,
Лишь в мерцаньи вечерней звезды
Я утраченный свет узнаю...

Оттого я о дали родной
Так упорно взываю во мгле,—
Оттого я, в тоске неземной,
Бесприютно влачусь на земле...

Плывут, дымятся облака
В осенний серый час...
Ни малой искры, ни цветка,
Насколько видит глаз...
Пришла пора пустынная,
Дневной пожар погас!

У темной грани помнят все,
Что где-то был рассвет,
Что яркий день пылал в росе,
Лелеял рост и цвет, —
Гудел живыми вихрями,
Которых больше нет...

И вот — поет осенний шум,
Что полдень оскудел,
И горек трепет поздних дум
Тому, кто даже смел,
Но больше всех — безумному,
Что счастье проглядел!

И вот — раскрылся дым ночной,
Что гасит все не в срок,
Своей беззвездной пеленой
Все небо заволок,
И горько сердцу ведомо,
Что день уже далек...

Отхлынул день, и тщетно взор
Глядит ему вослед, —
Разорван праздничный убор
И шумных пиршеств нет, —
На всякий вздох в безмолвии
Безмолвие — ответ...

Ночные дали в лунном свете.
Гудур — как мрамор при луне...
Гудур в неволе лунной сети...
Гудур с луной наедине...

Гудур в часы неволи бледной,
Вникая в ночь, не зная сна,
В томленьи грезы заповедной
Блуждает в тереме одна...

Гудур в саду из бледных, нежных,
Из лунных лилий... и среди них
Пред нею, в ризах белоснежных,
Ее тоскующий жених...

Она склонилась, и любовно
Луна улыбкой их зажгла,
Немой и бледной, и бескровной,
Как скорбный снег его чела...

И вздох венчает их истому,
И он, склоняя бледный лик,
К ней, как к причастию святому,
Устами скорбными приник...

Есть трещина в стене тюрьмы моей...
В нее я вижу даль родных полей
И синеву родных небес,
Родной ручей, мой шумный лес...
В нем, в свете утренних часов,
Так много птичьих голосов.
Избушка ветхая за ним,
Где я был близок, был любим...
Но узник там давно забыт...
Туда другому вход открыт,
И дева юная все ждет,
Когда-то новый друг придет...
Есть трещина в стене тюрьмы моей...
В нее, в тиши, как отзвук прежних дней,
Плывет ко мне немых видений рой —
Скорей, мой страж, ее закрой!

I

Подходит сумрак, в мире все сливая,
Великое и малое, в одно...
И лишь тебе, моя душа живая,
С безмерным миром слиться не дано...

Единая в проклятии дробленья,
Ты в полдень — тень, а в полночь — как звезда,
И вся в огне отдельного томленья
Не ведаешь покоя никогда...

Нам божий мир — как чуждая обитель,
Угрюмый храм из древних мшистых плит,
Где человек, как некий праздный зритель,
На ток вещей тоскующе глядит...

II

Вечернее зарево меркнет, скудеет,
Ложится туман на поля...
И бедное сердце дрожит, холодеет,
И глухо безмолвна земля...

Ни вдоха о счастье, ни плача о хлебе,
Ни шелеста в темном кусте...
Лишь светлые звезды в синюющем небе
Мерцают, дрожат в высоте...

Меж сердцем усталым и миром безмерным
Распалось дневное звено...
Лишь в памяти, светом случайным, неверным,
С минувшим оно сплетено...

Что было, что будет — все та же дорога,
И пепел и пыль впереди —
Молитва о жизни, алкание Бога
И сумрачный холод в груди...

Вдоль серой дороги, на темных откосах,
Все глухо почило, молчит...
О камень дорожный один лишь мой посох
В безмолвии мира стучит...

В вечерней мгле теряется земля...
В тиши небес раскрылось мировое,
Где блещет ярче пламя бытия,
Где весь простор — как празднество живое!

Восходят в высь, в великий храм ночной,
Недвижных туч жемчужные ступени,
И тяжело нам, на паперти земной,
Сносить тоску изведанных мгновений...

Со всех сторон ночная даль горит,
Колебля тьму пред взором ненасытным...
Весь божий мир таинственно раскрыт,
Как бездна искр, над сердцем беззащитным...

Живой узор из трепетных огней
Сплетает ночь на ризе златотканой,
И страшно сердцу малости своей,
И горек сон и плен земли туманной!

Для нас земля — последняя ступень...
В ночных морях она встает утесом,
Где человек, как трепетная тень,
Поник, один, с молитвенным вопросом...

Как привольно, протяжно и влажно
Одинокие волны поют...
Как таинственно, плавно и важно,
Чуть белея, их гребни встают...

Божий шум так ласкающе ровен,
Божья ласка так свято нежна!
Этот трепет и чист и бескровен,
Эта вещая ночь так нужна!

Только звездная полночь и дышит,
Только смертная грудь и живет,
Только вечная бездна колышет
Колыбель несмолкающих вод!

И безбольно, с отрадною грустью,
Трепетанием звезд осиян,
Как река, что отхлынула к устью,
Я вливаюсь в святой океан...

Бьет полночь... Лишь ветер угрюмый
Бушует в просторе морском...
О, древние, вещие думы,
Ваш гневный призыв мне знаком!

Как отзвуки жизни незримой,
Далекой, вселенски иной,
Вы скорбно проносите мимо
Забывчивой доли земной...

И зовом живым зачарован,
Я долго тоскую во мгле,
Но сердцем я горько прикован
Великою цепью к земле!

Обвеянный стройными снами,
Я снова терзаюсь в бреду,—
От жертвы в таинственном храме
На горестный рынок иду.

И молкнут живые заветы
В бесплодном земном забытьи,—
Лишь к трепетным звездам воздеты
Бессильные руки мои!

БЕЛЫЕ ВИХРИ

O nott', o dolce tempo benche nero,
ben ved'e ben intende chi t'esalta ¹.

Michelangelo Buonarroti

Silent, silent Night,
Quench the holy light
Of thy torches bright ².

William Blake

¹ О ночь, о сладостное время, хоть ты и черна,
Но хорошо видит и слышит тебя воспевающий.

*Микеланджело Буонарроти (1475—1564), итальянский
художник и поэт.*

² Безмолвная, безмолвная ночь,
Погаси святой свет
Твоих факелов ясных.

В. Блейк (1757—1827), английский поэт и художник.

Тихо пело время... В мире ночь была
Бледной лунной сказкой ласкова, светла...

В небе было много ярких мотыльков,
Быстрых, золотистых, майских огоньков...

Искрами струился месяц в водоем,
И в безмолвном парке были мы вдвоем...

Ты и я, и полночь, звездный свет и тьма
Были как созвучья вечного псалма...

И земля и небо были как венец,
Радостно замкнувший счастье двух сердец...

Онемело время... В мире вновь легла
Поздняя ночная тишь и полумгла...

Искрились пустынно звезды в тишине,
И пустынно сердце плакало во мне...

Был, как сон могильный, скорбен сон долин,
И в заглохшем парке плелся я один.

На глухих дорогах мертвенно белел
Пылью гробовую бледный лунный мел...

В небе было много белых мотыльков,
Медленных, холодных, мертвых огоньков...

Под сонное пенье фагота
 Усталые пары скользят...
 И холод, и боль, и забота
 В блуждающих взглядах сквозят...

Плывут-чередуются пары,
 Испанец, венгерец и лях,
 И юноша томный, и старый
 Усач, поседелый в боях...

Своею игрой бесконечной
 Суровая прихоть сплела
 Рассеянность доли беспечной
 И скорбную бледность чела...

Мелькает-скользит вереница
 Гонимых на пир пустоты —
 Борьбой искаженные лица,
 Клейменные жизнью черты...

И длится веселье без срока
 В чертогах, не знающих сна,
 Где в сумрачный час одиноко,
 Срываясь, рыдает струна,—

Где, гостя из далей бездонных,
 Колеблется ночь по углам
 И светится в нишах оконных
 Крестами белеющих рам...

¹ Грустный вальс (фр.).

Я в беге часа не один...
Со мной простор немых равнин,
Земная пыль, земная даль,
Их круг бессменный, их печаль...

Со мною был весенний свет,
Моих лугов роса и цвет,
И трепет вод, и шум листвы,
И пламя летней синевы...

Как был покой осенних дней,
Простор развенчанных ветвей,
Холодный пепел, прах, зола
Костров, что ярко жизнь сожгла...

Со мною будет сон зимы,
Печаль и холод белой тьмы
И — в краткий полдень — блеск снегов
Без рубежа, без берегов...

Как будет бодрствовать со мной
Глухой и дикий вихрь ночной,
И долгий вой, и свист его,
И скорбь сиротства моего!

Кругом весь день стояла тишина...
И, будто в муке трудной замирая,
Кляня свой жребий, стыла грудь живая,
И каждый миг был миг мучительного сна.

К пустынным небесам струился дым долин,
Слагаясь в смерчи, в сумрачные зданья,
И каждый был в слезах, и каждый был один,
И трепетал от страха и незнанья...

Порою лист на землю упадал,
И, точно в час подкравшейся недоли,
С безумием в глазах, дрожал и стар и мал
В глухом огне своей последней боли...

И в ужасе, сковавшем все сердца,
Оцепенелый мир алкал освобожденья,
Разъятия железного кольца, —
Но не было ни смерти, ни рожденья.

Над докучной серой тканью,
Ткач упорный, я поник...
Верный темному алканью,
Тку — сплетаю с мигом миг...

Часто-часто за работой,
Чуть замедлишь, рвется нить...
Даже краткою дремотой
Страшно сердце осенить!..

Сир мой труд, узка основа...
Мой челнок проворен, скор...
Вспыхнул день, и тку я снова
Незатейливый узор...

Долго ль мне в докучной доле
Тратить трепет слабых сил,
Знает только Тот, Кто в поле
Льну и рост и цвет судил...

Вечереет, и невольно
Тень сдвигается к станку...
Что-то грустно, что-то больно —
Уж не саван ли я тку?

Среди людей, я средь — чужих...
Мне в этом мире не до них,
Как им, в борьбе и шуме дня,
Нет в жизни дела до меня...

В дороге дальней им, как мне,
Тужить, блуждать наедине...
Мне в мой простор, в мою тюрьму,
Входить на свете одному...

Пока в пути не встанет грань,
Нам всем томительную ткань
Рукою сирой в жизни ткать —
Душою замкнутой алкать...

Звучит по-разному у всех
Один и тот же стон и смех, —
На всех ткачей один станок,
Но каждый сир и одинок...

Мысль в разлуке с вещим сном...
Сердце — в сумраке ночном...
Дождь пустынный за окном...

Свист за дверью, вой в трубе...
Век прожив в пустой борьбе,
Вспоминаю о себе...

Меркнет цвет и гаснет свет...
Ни тревог, ни мира нет...
В миге — много тысяч лет...

Точно я уж вечность жил,
Вечность сетовал, тужил,
Тайне вечности служил...

Ночь... И только мысль во мне,
С тьмой ночной наедине
Тускло тлеет в глубине...

Тьма... Лишь воет за окном
Все о том же, об одном,
Ветер в сумраке ночном...

Tuba mirum spargens sonum
Per sepulchra regionum².

Памяти Н. Л. Тарасова

В снежной пустыне, при бледной луне,
Мечется Витязь на белом коне...
Скачет с угрюмым Своим трубачом,
Машет в пустыню тяжелым мечом...

Глухо и скорбно серебряный рог,
В мертвом безмолвии белых дорог,
Будит полуночный дремлющий мир,
Сирых и скорбных зовет на турнир...

Дико и сумрачно конь Его ржет,
С дрожью таинственной клич узнает,
Рвется, трепещет, встает на дыбы,
Ждет не дождется разгула борьбы...

Глухо ответствуя, льется в простор
Пение труб, повторяющих сбор...
Искрится, зыблется лунная мгла,
Дрогнула полночь, вся ночь ожила...

В снежной пустыне, средь лунных огней,
Белые всадники гонят коней...
Слышится с запада посвист лихой...
Близится с севера топот глухой...

Мчатся-сдвигаются с пеньем рогов,
В скорбном побоище вихри врагов...
Снежным туманом дымятся поля...
Белым пожаром объята земля!

Только темнеет луна в небесах,
Только взрывает серебряный прах,
Грозно сойдясь — лезвием к лезвию —
Белая Конница в белом бою...

¹ Героический марш (ит.).

² Отзовется страшная труба и пронесется над могилами земли (лат.), слова католического церковного гимна XII века («Dies irae, dies illa»).

Проходит жизнь в томлении и страхе...
Безмерен путь...
И каждый миг, как шаг к угрюмой плахе,
Сжимает грудь...

Чем ярче день, тем сумрачнее смута
И глуше час...
И, как в былом, солжет солжет минута
Не раз, не раз!

Мой дом, мой кров — безлюдная безбрежность
Земных полей,
Где с детским плачем сетует мятежность
Души моей, —

Где в лунный час, как ворон на кургане,
Чернею я,
И жду, прозревший в жизненном обмане,
Небытия!

Склонись с тоскою всякое чело —:
Пасется Мир в равнине Ватерло!
Где до небес рычал сраженный лев,
Стоят теперь корыто, ясли, хлев,
Шумит трава, и, в час иных забот,
Проходит плуг, и бродит мелкий скот...
Где грозно смерть гнала свою метель,
Теперь пастух поет в свою свирель...
Что в гордом сне замыслил Человек,
Смела гроза, суровый меч рассек!
Что ж, сердце, с болью мечешься в груди!
Тужи, но знай — Пустыня впереди...
Умолкнет в мире всякая молва...
На все прольет свой скорбный шум трава,
Склонив к покою каждое крыло —
Как этот мир в равнине Ватерло!

С. А. Полякову

Своенравным Зодчим сложен
Дом, в котором я живу,
Где мой краткий сон тревожен,
Где томлюсь я наяву...

Много в нем палат огромных,
Ниш пустынных и зеркал,
В чьих углах, в чьих безднах темных
Отблеск солнца не сверкал.

Много в нем — среди мрачных келий, —
Масок, каменных зверей,
Лестниц, мшистых подземелий,
Ложных окон и дверей...

Скорбен в доме день короткий...
Скорбно месяц, зыбля мглу,
Черный крест моей решетки
Чертит в полночь на полу...

Низки сумрачные своды
Над твердыней серых стен —
В замке, где и дни и годы
Я влачу свой долгий плен...

Аминь! Аминь! Закончен круг дневной,
Наш малый круг...
Почил и звон и гул борьбы земной,
И серп и плуг...

Скудеет в небе светлая лазурь,
Прошла волна!
Лишь в темном сердце отзвук дальних бурь
Не знает сна...

Далекий вихрь увел свой пестрый шум,
И блеск и цвет,
Оставив нам печаль бессильных дум
И звездный свет...

Раскрылась ночь с безмолвием своим,
В ее тени,
Толпа детей, без крова мы стоим,
Одни, одни!

Рабы одной галеры в блеске дня,
Уходим мы,
С отдельной болью жребий свой кланя,
В отдельность тьмы...

Как дымный вечер, скорбен я...
Как шорох ночи — речь моя!

Бессильный трепет грез во мне,
Что лунный блеск в морской волне...
Порядок вещей дум моих,
Что звездный свет, печально-тих...

Моих часов докучный бег —
Как в час затишья плавный снег...

Глухая боль в груди моей,
Как стужа северных полей...
В моем пути поет метель...
Моя душа — ее свирель!

Час полночный... Миг неясный...
 Звездный сумрак... — Тишина...
 Слабых крыльев взмах напрасный,
 Мысль — как колос без зерна!

Весь свой век, как раб угрюмый
 В опустелом руднике,
 Пролагаю ходы, трюмы
 С тяжким молотом в руке...

Много в мире нас стучало,
 Вскинув горестный топор,—
 Мы не знаем, где начало
 В лабиринте наших нор...

Все-то знанье — что от века
 Миллионы слабых рук,
 Точно сердце человека,
 Повторяли тот же стук...

Весь удел в тюрьме гранитной,
 В сером храме древних скал:
 Чтобы молот стенобитный
 Одиноко упал...

Дни идут — пройдут их сотни —
 Подземелью края нет...
 Только смерть — наш День Субботний,
 Бледность искры — весь наш свет!

¹ Ноктюрн (фр.).

Памяти М. А. Морозова

Венчальный час! Лучистая Зима
Хрустальные раскрыла терема...

Белеет лебедь в небе голубом...
И белый хмель взметается столбом...

Лихой гонец, взрывая белый дым,
Певучим вихрем мчится к молодым...

Дымит и скачет, трубит в белый рог,
Роняет щедро жемчуг вдоль дорог...

В венчальном поле дикая Метель
Прядет-свивает белую кудель...

Поют ее прислужницы и ткут,
Тебя в свой бархат белый облекут,—

И будешь ты, на вечность темных лет,
Мой бледный княжич, щеголем одет...

Твоих кудрей веселых нежный лен
Венцом из лилий будет убелен...

И в тайный час твоих венчальных грез
Поникнешь ты среди белых-белых роз...

И трижды краше будешь ты среди них,
Красавец бледный, белый мой жених!

Как Молот, вскинутый судьбой,
Ночных часов пустынный бой
Поет, что будет новый день,
Иной рассвет, иная тень...

Но Тот, Кто мигам бег судил,
Их в нить таинственную свил,
В своей великой тишине
На роковом веретене...

Часы на башне полночь бьют,
Сказанье древнее поют,
Одно и то же в беге лет
И там, где тьма, и там, где свет!

Умолк двенадцатый удар...
И что же — старый столь же стар,
И нищий нищ, как в прежний срок,
И одинокий — одинок...

Правдиво время — верен счет!
Но жизнь проходит, жизнь течет,
Клоня-склоняясь в прах и тлен
Без новизны, без перемен...

В тягостном сумраке ночи немой
Мерно качается Маятник мой,
С визгом таинственным, ржаво скрипя,
Каждый замедливший миг торопя...

Будто с тоской по утраченным дням
Кто-то, по древним глухим ступеням,
Поступью грузной идет в глубину,
Ниже, все ниже, — во тьму, в тишину...

Будто с угрюмой мольбой о былом
Сумрачный Кормчий упорным веслом
Глухо, размеренно гонит ладью
Вдаль, в неизвестную пристань мою...

Призрак Галеры плывет да плывет...
Дальше, все дальше, все глуше поет
Скорбный и мерный, отрывистый звон —
Шествие Часа в пустыне времен...

ГОРНАЯ ТРОПА

Марии Б.

Indi un altro vallon mi fu scoperto¹.

Dante

To see a world in a grain of sand...²

William Blake

Af klarsynt dröm, af matt förnuft,
af eld och vatten, jord och luft!³

Per Hallström

¹ Тогда мне открылась другая долина.

Данте Алигьери.

² Увидеть мир в песчинке...

В. Блейк.

³ Из отчетливого сна, из утомленного ума,
Из огня и воды, земли и воздуха!

П. Гальстрем.

По высям снегами
Увенчанных гор,
Как в радостном храме,
Блуждает мой взор...

По склонам их вечным,
С межи на межу,
С напевом беспечным
Я стадо вожу...

На светлых откосах
Все глубже мой хмель...
От неба мой посох,
От неба — свирель...

Вне смертной тревоги,
Как ясность ручья,
От Бога — о Боге —
И песня моя...

Он тайною вечной
Мой разум зажег
И зов бесконечный
Вложил в мой рожок...

И свят над горами
Звон плача его,
Как колокол в храме
Творца моего...

А. Скрябину

Все, что трепещет иль дремлет
В тайном кругу бытия,
Строго от века объемлет
Мера моя.

Слитность и вздох одинокий,
Колос и цвет на лугу —
Смертные грани и сроки
Я стерегу.

Тот, кто в незнании беспечен,
Тот, кто прозреньем томим —
Каждый незримо отмечен
Знаком моим...

Правя земною игрою,
Вскинув-смиряя волну,
Я разрушаю и строю,
Сею и жну.

Солнце в светающем небе,
Искра в ночной тишине —
Каждый раскрывшийся жребий
Замкнут во мне.

Грянув, как молот суровый,
В вечном и тщетном бою,
Я расторгаю оковы,
Цепи кую.

Мука влекомых на плаху,
Ласка мгновений людских,
Все умолкает по взмаху
Крыльев моих!

To Edward Gordon Craig Esq.¹

Вначале был лишь сон весенний
И тишина,
И не вскрывался трепет тени
В судьбе зерна...

И в час расцвета, в час зачатий,
Вступая в путь,
Еще без плача об утрате
Вздыхалась грудь...

Еще в кругу забвенной неги
Текли часы,
И пили стройные побеги
Алмаз росы...

Но рог, зовущий тайну к яви,
Все звонче пел,
И дрогнул мир в лазурной славе,
И день вскипел...

И — лишь дремавшая у Бога —
Глухой волной,
Вошла великая тревога
В простор земной...

И, тень познав, сквозь трепет боли,
Вилась тропа —
Туда, где меркнет стебель в поле
И ждет серпа...

¹ Эдвард Гордон Крэг (1872—1966) — выдающийся английский режиссер, художник и теоретик театра, некоторое время работавший в России, близкий друг Ю. Балтрушайтиса.

А. Скрябину

Плетусь один безлюдным перевалом,
Из света в свет — сквозь свет от вечных стен...
Неизреченно пламя в сердце малом,
И тайный жар в душе неизречен!

Мгновения — как молнии... В их смене
Немеет вздох отдельности во мне...
И в смертной доле выше нет ступени,
И ярче нет виденья в смертном сне!

Ни жалобы, ни боли своевольной...
Ни ига зыбкой радости людской...
Лишь кроткий свет молитвы безглагольной,
И знание без мысли, и покой...

И снова дух, как пилигрим опальный,
Восходит в храм пророческой Молвы,
Где ширь земли — как жертвенник венчальный
Под звездным кровом Бога синевы, —

И где, вне смерти, тает в кротком свете,
В жемчужных далях бездны золотой,
Вся явь вещей и бранный труд столетий,
Как легкий дым кадиланицы святой...

С. А. Полякову

Забвенья, забвенья! Всей малости крова!
Всей скудной, всей жалкой отрады людской —
Усталым от дали пути рокового,
Бездомным, измученным звездной тоской!

Мгновенья покоя средь вихря мгновений —
Свершающим заповедь зыбкой волны,
Во мраке без искры, средь зноя без тени
Всей смертною кровью питающим сны!

Убежища бедной душе, осужденной
На горестный подвиг томленья в пыли,
И жребий изгнанья, и трепет бессонный
На вечном распутье в пустынях земли!

Ночлега влачащим свой посох железный
И боль и убожество смертной сумы,
И ждущим забвенья от выси, от бездны,
От горькой повторности света и тьмы!

Валерию Брюсову

Близится ночь к рассвету...
Ясен шелест листвы...
Строится стебель к цвету,
Цвет лишь ждет синевы...

Ширит заря тревогу,
Зыбко искрясь в пыли...
Тянется сердце к Богу
С темным вздохом земли...

Льется, как пламя, в воды
Синий, радостный день —
Холит земные всходы,
В полдень, светлая тень...

Все, что цвело-боролось,
К часу тайного сна
Вскинулось ввысь, как колос,
С малой данью зерна...

Клонится путь к ночлегу,
Меркнет и тень и зной...
Слава дневному бегу!
Слава тайне ночной!

С. А. Полякову

Стелет, зыблет лунный прах
Тишь вечерняя в горах,
В сонном царстве вечных льдов,
Белых замков, городов...

Лишь среди каменных оград
Глухо воет водопад,
И белеют вдоль скалы
Пыльно взрытые валы...

Дремлют башни и зубцы...
Глухи храмы и дворцы,
И обходит их порог
Суета людских дорог...

У ворот их, строясь в ряд,
Стражи белые стоят,
И сверкает их броня
Зыбью лунного огня...

Стелет звездный свой простор
Тишь вечерняя среди гор,
Где раскрылся под луной
Мир и холод неземной...

К. Бальмонту

Мыслю все чаще
В свете мгновенья —
Выше и слаще
Путь отреченья!

Замыслы ломки,
Счастье хило...
В серой котомке —
Правда и сила...

Думы безродных
В мире утраты
Знаньем свободных
Будут богаты...

В далях вселенной
Встретит бездомный
Мир неизменный,
Свет незаемный...

В пору недоли
В сердце усталом
Будут без боли
Слезы о малом...

Горечь тревоги
Воля осудит —
В смертной дороге
Смерти не будет!

Валерию Брюсову

Высился, в славе созвучий,
С песней венчально-святой,
Колокол вещей, могучий,
В пламени утра литой...

В звоне на версты и мили,
В зове за смертный предел,
Сильный, гремел он о силе,
Тайный, о тайне гудел...

Много надежд заповедных,
Чаяний света во мгле
В трепете уст его медных
Стройно звучало земле...

Но, раздаваясь все строже,
Часа тоскующий крик
Отзвуком суетной дрожи
В вечное пенье проник...

Тайная горечь без срока
Утренний звон облекла,
И — зарыдав одиноко —
Стала проклятьем хвала...

К. Бальмонту

Знаю цепи, помню крылья,
Миг победы, час господства,
Век бесплодного усилья,
Вечность пени и сиротства...

Помню золото рассвета,
Знаю дым и кровь заката,
Помню пламя, пламя цвета,
Трепетавшее когда-то...

Знаю, знаю кубок желчи,
Горечь смертного томленья,
Смертной жажды облик волчий,
Бледный призрак утоленья...

Знаю трепет солнца в пене,
Знаю гаснущие очи
И великие ступени
В беспредельность звездной ночи...

Alla Donna Eva Kühn-Amendola¹

Лишь высь и глубь!.. Лишь даль кругом... Напрасно
Дерзаю взглядом, в полдень, в час безгласный,
Хотя б на миг измерить круг земной
И все пыланье неба надо мной...

Лишь глубь... Лишь даль, где вьется путь мой малый,
Что я свершал, карабкаясь на скалы,
Хоть часто круты были грани их
Для слабых сил, для смертных ног моих...

Вот серый склон изведанный, откуда
Глядел я в ширь, возникшую, как чудо,
Чей пестрый мир уже неразличим,
Как все, что я читал в пути большим...

Вот часть стези, где слышал я впервые,
Как билась смерть о скалы вековые,
Сметая в дол, от грани облаков,
Утесы, зданья, кости смельчаков...

И снова даль! Мой взор уже бессилен
Проверить смену срывов и извилин,
Которых я почти не узнаю,
В безмолвии, где в полдень я стою...

И тщетно дух, от мига отрешенный,
За кругом круг, вскрывает мир бездонный,
Куда нельзя проникнуть светом в тьму
Тоске людской, гаданью моему...

И сколько б дум сознание ни включало
В свой детский счет, их мера — лишь начало
Безмерности, где молкнут времена,
Как легким вихрем взрытая волна...

¹ Ева К ю н - А м е н д о л а — итальянский литератор родом из Литвы, жена литератора, общественного деятеля, сотрудника «Весов» Джованни Амандола (1882—1926), переводчица стихотворений Ю. Балтрушайтиса на итальянский язык (см.: *Baltrusciaitis J. La Scalla Terrestre. Firenze, 1912*).

А. Скрябину

Сквозь пыль и дым, и шум и звон
Взвивайся, Дух, прервав свой сон,—

И, весь — дыхание зари,
Над смертным жребием пари!

Над суетой сердец людских
И чахлою любовью их,

Над всем, что — горечь, трепет, бой,
Теряйся в бездне голубой,

И в синеве, где меркнет цвет,
Где ни луны, ни солнца нет,—

У зыбкой грани смертных дней,
За рубежом ночных теней

Увидишь Ты запретный край,
Где зреет звездный урожай,—

И — только пламя, только дух —
Рождаясь вновь, рождаясь вдруг,

Войдешь, тоскуя и любя,
Во храм Изгнавшего тебя!

А. Скрябину

Мелькает некий Храм святой
Сквозь дым времен...
От мира огненной чертой
Он отделен...

Его святыне алтари —
Как звездный щит,
Где ярче утренней зари
Потир горит...

Все пенье наших дум и слов,
Наш смертный жар,
В хвале его колоколов —
Один удар...

От слуха скованных в пыли
Их звон далек...
И ропот дня и гул земли
Его облек...

И вечность горьких ступеней,
Сквозь пыль, сквозь тьму,
Из мира скорби и теней
Ведет к Нему.

И лишь ценою всех тревог,
Всех слез, потерь,
Увидит мир Его порог,
Откроет дверь...

*A Giovanni Papini*¹

В полдневный час, целуя алчно землю,
С молитвенной и трепетной тоской
Я славлю мир, и жребий свой приемлю,
И всякий долг, и всякий крест людской...

И знаю: свят труд молота и плуга,
И праздный цвет, и важный звон серпа,
И свет росы средь утреннего луга,
Как вся земная пестрая тропа...

Все та же явь: осенний вихрь над нивой
И стройный стебель в стройный час весны,
Седые думы старости ворчливой
И юных дней несбыточные сны...

Равно достойны света воздаянья —
Суровый пот к земле склоненных лиц,
В огне веков нетленные деянья
И мудрый лепет вещей небылиц...

Мгновенное и длительность без меры,
Объятые смятением и сном,
И зыбь полей, и в поле камень серый —
Живые зерна в колосе одном...

¹ Джованни Папини (1881—1956) — итальянский философ и писатель-авангардист.

*A Giuseppe Vannicola*¹

Желтеет колос — пробил срок!
Угрюмый раб, готовь оброк...
Кончая труд, и стон и дрожь,
Богатства Бога приумножь!

С молитвой руки ввысь воздень,
И что поил ты в долгий день,
И что лелеял в час зари —
В земную меру собери...

Свой вечный вздох, свой горький пот,
И трепет всех твоих хлопот,
Твой долг Небесному Царю,
Неси к святому алтарю...

И вспыхнув сам в костре твоём,
Твой дым над жертвенным огнем,
Как малый дар твоих полей,
В вечернем зареве разлей!

¹ Джузеппе В а н н и к о л а — итальянский литератор, сотрудник «Весов».

Смыкая две ели,
То быстро, то плавно,
Мелькают качели
В игре своенравной...

То вправо, то влево,
Со скрипом подбросят,
И юношу с девой
Из мира уносят...

Светло и раздольно
Паденье с размаха...
И сладко и больно
От счастья, от страха...

В волне заповедной
Грудь девы чуть дышит,
И юноша бледный
Не видит, не слышит...

Их носят качели
И в вихре и в дыме —
И солнце средь елей
Качается с ними...

A Giovanni Amendola

Кончил в далях Бога
Вал свой шумный бег...
Зимняя дорога
Стелет тихий снег...

Миг и миг — две тени...
Равен часу час...
В их жемчужной смене
Искрится алмаз...

День и ночь средь снега —
Два глухих звена,
Два немых побега
Белого зерна...

Вскрыла в далях Бога
И в груди людской
Белая дорога
Белый свой покой...

Кротче вздох угрюмый
В блеске зимних дней...
Усыпляет думы
Ровный скрип саней...

Смутно и безбольно
Снится даль весны
В веяньи раздольной
Белой тишины.

Тянутся ветви к области горней,
К звездам в бестрепетной мгле...
Скрыты глубоко темные корни
Тайною сетью в земле...

Не потому ли в пору недоли
Светит душе синева —
В свете беспечном, не оттого ли
Сумрачно шепчет листва!

В вешнюю пору, в час быстротечный,
В сладостный миг полноты,
Пир преходящий, пир вековечный,
Ярко пируют цветы...

В зимних сугробах скорбны побег...
В зимних ветвях — тишина...
Сказка о солнце, сказка о снеге —
Два неразгаданных сна...

То-то с тревогой, в час изумрудный,
Зыблет сиянье росу!
То-то порою больно и трудно
В божьем великом лесу!

В ярости бурь, в океане,
Старец седой у руля
Держит в бестрепетной длани
Жребий и бег корабля...

В строгом служении дали,
Вечны в случайности дней
Древние пальцы из стали,
Пламя под снегом бровей...

В беге сквозь пену, сквозь брызги,
Взрытые синею тьмой,
Строен в их свисте, в их визге,
Кормчий глухой и немой...

Только в смятении диком
Вскинутых к небу валов
Чудится, слитый с их криком,
Хохот проклятья без слов...

Волею, с бурей союзной,
Мчит молчаливый Старик
Утлый, громоздкий и грузный,
Дрожью охваченный бриг,—

Мощью, не знающей меры,
В море, не знающем дна,
Гонит Он трепет Галеры
К берегу мира и сна...

А. Скрябину

В древнем храме Жертвы вечной,
Пред волхвом седым,
Ярко пламя, бесконечно
Реет легкий дым...

Точно зыбкий и ленивый
Бег часов и лет,
Льются синие извивы,
Зыбля тьму и свет...

Миг и век, струя святая
Длит свой ток живой,
Строясь к солнцу, рея, тая,
Слившись с синевой...

Носит в пламя Жрец упорный
Смолы и елей,
Воск и чаши крови черной,
И цветы полей...

В древнем храме вечной Дани,
Точно зыбь в волне,
Тает плоть, теряя грани
В жертвенном огне...

Реет пламя, неустанно
Зыбля свет и тьму,
Завершая мир, венчанный
В жертвенном дыму...

С. А. Полякову

Брожу опять по старым ступеням
И — только в миг иной —
Шепчу привет и свету и теням,
В далекий день мелькавшим предо мной...

Как новый сон, воскресла явь в былом,
Сплетая жизнь, ее покой и спор
В таинственный, таинственным жезлом
Начертанный, узор...

И явен в часе жребий дней и лет,
И меря вновь их дрожь,
Я узнаю, что гроба в мире нет,
И чувствую, что призрак смерти — ложь...

Как лик луны средь бега облаков,
Пылая, хмурясь, зыбок миг во мне,
Но дремлет быль в бессмертии веков,
Как новый цвет в зерне...

Из вихря в вихрь, в просторе ледяном
Скользит мой дух живой,
И я на час, на явь, что будет сном,
Беспомощно качаю головой!

Час — как легкая стрела...
Миг в нем — будто взмах крыла...
Вспыхнул свет, и снова мгла!

Ярки искры, век их мал!
Взрылся лист, что вихрь сорвал,
Покружился и — упал...

Час забвенья и беда,
Бег их, след их, череда —
Как на мельнице вода...

Хлынул вал, ударил в грудь,
Ослепил, и снова в путь,
Не успеешь зачерпнуть!

Как бы ни был сон глубок,
Оскудеет в малый срок —
Размотается клубок...

Как средь зыби бытия,
К солнцу взрытая струя,
Распадется жизнь моя!

E quindi uscimmo a riveder le stelle ¹.

Dante

Bring me my chariot of fire! ²

William Blake

Hear the loud alarum bells —
Brazen bells! ³

Edgar Poe

¹ Тогда мы вышли, чтобы увидеть звезды.

Данте Алигьери.

² Дай мне мою огненную колесницу!

В. Блейк.

³ Слушай, как гудят колокола тревоги —
Медные колокола!

Э.-А. По (1809—1849), американский поэт и новеллист.

В безбрежность дня
Один плыву —
В кольце огня,
Сквозь синеву!

В лихих валах
Дороги нет...
Их зыбкий прах
Замел мой след...

Весь с мигом слит,
Мой легкий челн
Легко скользит
По воле волн...

Рассветный хмель
Над синей тьмой,
Моя свирель
Да жребий мой, —

Да гордый ум
Вне смертных уз,
Да прихоть дум —
Вот весь мой груз!

Простор валов,
Их зыбкий снег —
Мой верный кров
И мой ночлег...

Все — свет, покой
В моем кругу,
И дым людской
На берегу!

Текут, текут песчинки
В угоду бытию,
Крестины и поминки
Вплетая в нить свою...

Упорен бег их серый,
Один, что свет, что мгла...
Судьба для горькой меры
Струю их пролила...

И в смене дня и ночи
Скользя, не может нить
Ни сделать боль короче,
Ни сладкий миг продлить...

И каждый, кто со страхом,
С тоской на жизнь глядит,
Дрожа над зыбким прахом,
За убылью следит, —

Следит за нитью тонкой,
Тоской и страхом жив,
Над малою воронкой
Дыханье затаив!

Жизнь мельницы в движенье вихрь приводит,
А смертный жребий — боль...
Блажен, кто в ней, служа судьбе, находит
Свой скудный хлеб и соль!

Весь мед цветка в свой дом пчела уносит,
А цвет души — любовь...
Блажен, кому она свой трепет бросит
В пустынный дух и кровь...

Над бездной ночи властвует зарница,
А сердцем правят сны...
Блажен, блажен, чья полночь осенится
Сверканьем их волны...

Пучину вод приход весны вскрывает,
Глубь мира — горечь дум...
Блажен, кто снег познания призывает
На праздный жар и шум!

Спят вечные горы... И немы
Их выси... И строен их ряд...
Лишь ярко их снежные шлемы,
Забрала и копыа горят...

И молкнет в лазурном их дыме
Весь трепет долинный и гул...
И полдень, раскрытый над ними,
В их раме зубчатой уснул...

Лишь плавно, цепляясь за кручи,
Где строит свой храм тишина,
Плывут, чередуются тучи,
Как звенья их белого сна...

И в область томленья и пени,
К порогу тревоги людской
Нисходят их строгие тени,
Их светлая тишь и покой...

И в мире бессменной недоли
Я снова молюсь бытию,
И клятву безропотной боли
Безмолвным вершинам даю...

Памяти Н. Л. Тарасова

Жертву живую
Ведут к алтарю...
В сумрачном храме
Не я ли горю!

Грозно мелькает
Сквозь жертвенный дым
Древняя жрица
Со взглядом седым...

Тянется к жертве
Костлявой рукой —
Горестный камень
Ждет крови людской!

Мечется пламя
И блещет, дрожа,
Алым пыланьем
На стали ножа...

В храме пустынном
Безмолвен и строг,
Каменноликий,
Неведомый Бог...

Зарево Смерти
Над зыбким огнем
Красной улыбкой
Пылает на Нем...

Жребий свершился,
И глухо легла,
Жизнь замыкая,
Великая мгла...

Смерклось, и в храме
Таинственно пуст
Жертвенный кубок
У каменных уст!

¹ Неведомому богу (*лат.*).

В час пустынный, в час метели,
В легком беге карусели,
В вихре шумном и лихом,
В вечер зимний, в вечер серый,
Мчатся дамы, кавалеры,
Кто — в карете, кто — верхом...

Зыбля прах, взрывая иней,
Князь с маркизой, граф с княгиней,
То четою, то сам-друг,
Длинной цепью, пестрой ротой,
Кто в раздумье, кто с зевотой,
Пробегают малый круг...

И поет им непрерывно
Зов шарманки заунывной,
Хриплой жалобой звеня...
И от песни однозвучной
Часто-часто, в час докучный,
Рыцарь валится с коня...

Часто-часто рвутся звенья,
Иссякает нить забвенья
И скудеет свет в очах,
Но вплетенных в вихрь случайный
Строго гонит ворот тайный,
Им невидимый рычаг...

Из лунных снов я тку свой зыбкий миг,
Невольник грез, пустынный дум моих...

И в лунных далях близится межа,
Где молкнет гул дневного мятежа...

И призрачны, безмолвствуя вдали,
Дневная явь и пестрый круг земли...

И в звездный час разъятия оков
Я весь — пыланье лунных облаков...

И длится тишь, и льется лунный свет,
Вскрывая мир, где смертной боли нет...

И тих мой дух, как сладостен и тих
Пустынный цвет пустынных снов моих...

И молкнет мысль, и меркнет, чуть дрожа,
Все зарево земного рубежа...

И, будто тая, искрится вдали
Немой простор в серебряной пыли...

И в тайный миг паденья всех оков
Сбывается алкание веков...

Все — сон, все — свет, и сам я — лунный свет,
И нет меня, и будто мира нет!

Как в мой разум беспокойный
Входит светом пенье грез,
Дикий тополь век свой стройный
В мир дробления принес...

Я свирелью многодумной
Слаблю солнце в майском сне,
Он своей листвою шумной
Повествует о весне...

Если я теряю в плаче
Ясность сердца моего,
Той же грустью, лишь иначе,
Дышит шелест, речь его...

В час смятенья грозового
Стойко встретит свист и вой,
Он, как я, качает снова
Непреклонною главой...

В нем — во мне — все тот же жребий,
Долг опальных, долг живых —:
Лишь тянуться к солнцу в небе,
К звездам в далях мировых...

У входа в храм венец из терний, —
Святая Тень — померк в тени...
И в шуме площади вечерней
Мелькает люд, снуют огни...

Пронзая мглу струями света,
Дробятся кольца и круги,
Шипя, взвивается ракета
Изгибом огненной дуги...

И в мире звезд, в тиши их вечной,
Пылает пестрый вой и звон,
И каждый ярко, в час беспечный,
Мгновенной искрой ослеплен...

Дробясь, сплетая в ожерелье
Весь малый клад людской сумы,
Скользит полночное веселье
В безмолвной тьме, не видя тьмы...

И дышит-дышит грудь земная,
Забыв полдневную вражду,
Своей судьбы еще не зная
В ночном скудеющем бреду...

Дышит полночь тенью жуткой...
Тьма в окне и в сердце тьма...
Сладость — малая минутка...
Горечь — долгая зима...

Чуткий дух в тоске бессменной
Внемлет ночи у окна...
Велика, неизреченна
Неземная тишина...

Но с годами понемногу
Тают тайные круги,
И к последнему порогу
Приближаются шаги...

Слышен звон освобожденья
В бое медленных часов,
И сдвигает бег мгновенья
Неразгаданный засов...

Будет час, и дрогнут петли,
Дверь глухая задрожит,
И узнаю, тьма ли, свет ли
Смертный выход сторожит!

Люблю среди леса, в час осенний,
Под грустный шум,
Внимать волнению и пени
Пустынных дум...

Распались замки, тлеют своды
В глухом огне,
Чей тонкий дым венчает годы
И сны во мне...

Прошли зеленые потемки,
Их звон утих...
И гнется с треском стебель ломкий
У ног моих.

Пустынны в гаснущем наряде
Ряды берез,
Где зыблет ветер мох, как пряди
Седых волос...

И блеск и звон, цветы и травы
Судьба сожгла,
И в дымном храме вешней славы —
Зола, зола...

Кланяйся, смертный, дневной синеве!
Кланяйся листьям, их вешней молве,
Кланяйся — ниже — осенней траве!

Звонко в горячей молитве хвали
Алую розу, нарядность земли,
Звонче же — ветку в дорожной пыли!

Падай пред солнцем, раскрывшим свой зной,
Славь и величие бездны ночной,
Празднуй и малость песчинки земной...

Кланяйся звездам, что ярко зажглись,
Жарко сверканью зарниц умились,
Жарче на малую искру молись!

А. Скрябину

Thine are these orbs of light and shade ¹.

Tennyson

В рассветную пору,
Сулившую ведро,
Отцветшей, далекой весной,
Беспечно и бодро —
По древнему бору —
Бродил я тропюю лесной.

Был сон... Лишь на елях
И соснах, чьи ветки
Сплетались в шатры, в купола,—
Как трепет их редкий,
На плавных качелях
Качалась зеленая мгла...

И шел я... И долог
Был час беззаботный,
Что сладко баюкал меня...
И сумрак дремотный
Тянулся, как полог,
Меж мной и безмерностью дня.

Лишь в полдень, неожиданно,
Сквозь зыбь на осине —
От вихря, объявшего лес —
Полоскою синей,
И жутко и странно,
Мелькнула мне бездна небес...

Так снилось — так было...
И полдень и лето
Погасли у края стези...

¹ Эти сферы света и тени — твои (англ.).
Альфред Теннисон (1809—1892), английский поэт.

И тщетно их цвета
В тревоге унылой
Ищу я вдали и вблизи...

Лишь слышу я шорох
Осенней печали,
Немолчной в заглушем кругу...
И листья опали,
И мертвый их ворох
Встречаю на каждом шагу...

И в мертвом просторе,
Над серой дорогой,
Где глухо седеет трава,
Безмолвно и строго,
Как сонное море,
Раскрыла свой мир синева...

Светает близь... Чуть дышит даль, светая...
Встает туман столбами, здесь и там...
И снова я — как арфа золотая,
Послушная таинственным перстам...

И тайный вихрь своей волною знойной
Смывает бред ночного забытья,
В мой сонный дух, в мой миг еще нестройный,
То пурпур дум, то пурпур грез струя...

И длятся-длятся отзвуки живые,
Возникшие в запретной нам дали,
Чтоб дрогнуть вдруг, волшебно и впервые,
Как весть из рая, в жребии земли...

И вот мой дух, изгнанник в мире тленья,
Бессменный раб изменчивых теней,
Тоскующе слезами умиленья
Встречает сказку родины своей...

В даль из перламутра
Кинув трепет звона,
Развевает утро
Синие знамена...

У рассветной двери,
В песне о просторе,
Славлю в равной мере
Капельку и море...

Вспыхнул полдень яркий
Красными кострами...
Сердце — трепет жаркий!
Дух мой — пламя в храме!

Серым покрывалом
Вечер пал на землю...
С дрожью в сердце малом
Жребий тьмы приемлю...

Труден путь над бездной
К неземному краю...
К вечной тайне звездной
Руки простираю!

Истекает срок за сроком,
Гнется стебель, меркнет цвет —
Пена, взрытая потоком
Устремленных в вечность лет...

В смене тени и сверканья
Дышит время, миг поет...
То же темное алканье
Часу час передает...

Входит в круг борьбы немолчной
Тишь, меняющая сны,
Где лишь звонче ропот желчный
Обделенной седины...

В неизменности и в смене
Храм беззвездный строит мгла,
Где лишь светится среди тени
Бледность скорбного чела...

Как бы ни цвел неизмеримо
В пылани мира каждый миг,
В нем, тайным страхом одержимо,
Трепещет сердце, дух поник...

И все встречают вихрь мгновенья
Холодным взглядом сироты,
И что ни доля, то — дробленье
Невозвратимой полноты...

И каждый-каждый, судя строго,
Своим случайным часом жив,
Отторгнув грудь свою от Бога,
Себя от мира отделив!

Как будто в жизни не от века,
Хвалою майскою звеня,
Сверкает в доле человека —
Живое пламя — чудо дня!

И будто, звездными волнами
Баюкая безгранно нас,
В безмолвных высях не над нами
Плывет-цветет полночный час!

Древним плугом поле взрыто,
Будут зерна в глубине!
Ширь пустынная открыта
Зеленеющей весне...

В древнем поле, над оврагом,
Вековой своей тропой,
С зыбкой ношей, мерным шагом
Бродит Сеятель слепой...

Он бессмертною десницей,
Строго помня свой завет,
Сеет плевелы с пшеницей,
Хлеб людской и божий цвет...

Будет год ли урожайный,
Иль бесплодье ждет зерно,
Приговора вечной тайны
Старцу ведать не дано...

Он лишь мерно, горстью полной,
Рассыпает вдоль межи
Летний трепет, шелест, волны,
Звон и пенье в поле ржи...

Из лукошка рокового
Он лишь сеет дар Творца —
Скудный свет людского крова
И проклятие жнеца!

Блажен, чей день лазурным кругом
Облек поля, венчал простор...
Блажен, чей путь проходит лугом,
Где пестрый цвет встречает взор...

Блажен, кто, жизнью ослепленный,
Весь предан мигу, с мигом слит,
По краю пропасти бездонной
Без дум и ужаса скользит...

Блажен, в ком слиты воедино
Случайность жизни и судьба,
Кто с гордым сердцем господина
Свершает горький труд раба...

Блажен, кто, жребий вверив зною,
Избранник Солнца, гаснет с ним,—
Блажен, кто силой неземною
От смертной горечи храним...

¹ Счастливы имущие (*лат.*).

Входит под сирую кровлю
Вечер... И тесен мой кров!
Малое сердце готовлю
К таинству звездных миров...

Явное в свете и в зное
Призрачно в лунной пыли...
Лживо томленье дневное,
В мире не стало земли!

Реет в ночном океане
Дух мой свободной волной...
Огненно зыблясь без грани,
Тайна — лишь тайна — со мной...

День — его крики и лица —
Бред обманувшего сна!
Каждая дума — зарница,
Каждая мысль — тишина...

Радостен детский мой лепет
Богу, представшему вдруг...
Весь я — молитвенный трепет
К звездам протянутых рук!

Стою один на перекрестке
Средь шума улиц городских,
Вникая праздно в пыль и блески,
В покой и важность лиц людских...

Какое хитрое сплетенье —
Без явной связи и межи —
И сна и горького смятенья,
Слепой правдивости и лжи!

Снуют наряды, перстни, бусы,
И жадность уст и алчность глаз,
Ханжи бродячие и трусы,
Тщета и глупость напоказ.

И видны-видны сквозь румяна
Земного счастья кроха,
Печать корысти и обмана,
Клеймо позора и греха...

Ползет чудовищем стоногим,
Чей темный голод глух и нем,
Толпа, довольная немногим,
Не утоленная ничем...

И каждый носит в сердце сонном
Свободу, ставшую рабой,
Случайность, ставшую законом,
И жребий прихоти слепой...

И жуток свет во взглядах смелых,
И грозен всюду знак судьбы
На пальцах, горько загорбелых,
На спинах, согнутых в горбы...

И всех равняет знаком сходства,
Приметой божьего перста,
Одно великое сиротство,
Одна великая тщета!

Луг желтеет — сад роняет
Вешний цвет, убор листвы...
Только небо не меняет
Первозданной синевы...

Молкнет гром, и вихрь, и даже
Вечный вздох людского сна...
Мир венчает всюду та же,
Вековая тишина...

Дан предел и время смены
Тени ночи, часу бурь —
Лишь горит века среди пены
В море зыбкая лазурь...

Пестрый мир клоня к покою —
Мысли, подвиги, слова —
Правит долею людскою
Цельность, вечность, синева...

En lo cerrado salida...¹

Cervantes

The spell should break of this protracted dream².

Byron

O navicella mia, com' mal se' carca!³

Dante

¹ В замкнутом кругу...

М. де Сервантес (1547—1614), испанский писатель.

² Чары этого затянувшегося сна должны развеяться.

Д.-Г. Байрон (1788—1824), английский поэт.

³ О кораблик мой, как тяжело ты нагружен!

Данте Алигьери.

А. Н. Лебедевой

В радостной силе,
В утреннем свете,
Брошены были
Легкие сети...

В ясности вала
Искрилось море...
Гордо пылала
Вера во взоре...

Пела вне тени
Доля земная,
В трепетной пене
Бездны не зная...

Длится и длится
Лов запоздалый...
Ждет и томится
Старый и малый...

Сумрачны речи,
Взгляды туманны...
Врезался в плечи
Крест конопляный...

В меркнушем свете,
К мели пустынной
Близятся сети
С илом и тиной...

То-то услада
Смелым, что с криком
Ищут лишь клада
В море великом!

Искрятся мгновенья
В ранней тишине...
Миг прикосновенья
К дремлющей струне!

Свет в тиши ленивой
Зыблет в сердце тень —
Вечное огниво
Бьется о кремень!

В час зари безбурной,
Ширя синий зной,
Льется звон пурпурный
С неба в круг земной...

Льется в час безбольный
К небу от земли
Отзыв колокольный
Алчущих в пыли...

Реют два сиянья,
Ширя день-деньской
Вихри, чье слиянье —
В радости людской!

Вьется аллея
Вниз под откос,
Вся пламенея
Алостью роз...

Тишью и зноем
Парк усыплен...
Тянутся строем
Тополь и клен...

Кровь земляники...
Мшистые пни...
В полдень великий
Сладко в тени!

Шаг и — все реже
Полог лесной.
Листья все те же,
Шелест — иной...

Солнце за тучей...
Хмурится дол...
К иве плакучей
Путник пришел...

Длится аллея
Под гору, вниз,
Где, лишь чернея,
Спит кипарис...

Все мы с проклятием бродим
В замке неведомой тьмы...
Все мы с тоскою подходим
К двери из смертной тюрьмы!

Горек в тиши бесконечной
Топот усталых шагов —
Жуток сквозь сон быстротечный
Шелест нездешних лугов!

Все мы на тайном пороге,
В вещем сверканьи зарниц,
С болью о смертной тревоге
Горестно падаем ниц...

Чада земного распутья,
В час, расторгающий сон,
Алчно скрепляем мы прутья
В ржавой ограде времен...

Страшно нам в глубь роковую
Взглядом пытливым взглянуть —
Страшно на тайну живую
Смертной рукой посягнуть!

Пляшет в меркнувшем пожаре
Рой вечерних комаров...
Сколько в мире брэнной твари,
Богом замкнутых миров!

Как и я, служа мгновенью,
Протянувшись ввысь столбом,
Вьются мошки легкой тенью
В небе бледно-голубом...

Пусть все тем же смертным бредом
Ослепил их беглый миг,
Но их жребий мне неведом,
Как и жребий дней моих...

Только вижу вечер сонный
И печаль стоячих вод,
Где толчется ослепленно
Комариный хоровод...

Только знаю, что до срока
Длиться суетной игре,
Устремленной одиноко
К догорающей заре...

В тиши ли гор пространство озираю,
Иль глухо слит с волной,
В земную даль я руки простираю,
В простор земной...

Везде, везде, где искрилось мгновенье
Иль дымно день скудел,
Я с тайною тревогой умиленья
На мир глядел...

В безмолвии и в дни борьбы докучной
На все, в чем жизнь цвела,
Готовила свой отклик полнозвучный
Моя хвала...

Но как душе тоскующей ни любы
Цветы, чье имя — миг,
И пламя дня, и даже трепет грубый
Страстей людских, —

Я все же с тайной грустью разделяю
Их вечный пир дневной
И алчный взор все чаще устремляю
За круг земной...

Дитя судьбы, свой долг исполни,
Приемля боль, как высший дар...
И будет мысль — как пламя молний,
И будет слово — как пожар!

Вне розни счастья и печали,
Вне спора тени и луча,
Ты станешь весь — как гибкость стали,
И станешь весь — как взмах меча...

Для яви праха умирая,
Ты в даль веков продлишь свой час,
И возродится чудо рая,
От века дремлющее в нас, —

И звездным светом — изначально —
Омыв все тленное во мгле,
Раздастся колокол венчальный,
Еще неведомый земле!

Долго время в Замке Страха,
Где я в полночь света жду,
Где мелькает только плаха
В нескончаемом бреду...

Пробуждая мертвый шорох,
Срок за сроком бьют часы...
Призрак черепа в узорах,
В беге линий — знак косы...

В пестроте дневного звона,
На случайный смутный звук
Отвечает горечь стона,
Бледность лиц и трепет рук...

В долгий час ночного круга
Скорбно смотрит в лунный прах
Мука детского испуга
В отуманенных зрачках...

В древнем замке — безысходно —
Боль всегда и боль везде...
И душа — как цвет бесплодный
Белых лилий на воде...

Я светлой доли знал немало,
И трудной скорби ведал много...
Не раз, не раз весна пылала —
Не раз метель дымилась строго...

Час гордой силы вел истому...
Сменял неволю час свободный...
И ждал я счастья по-пустому,
И чах и цвел поочередно.

И пели дни от смены к смене,
И в миг, смирявший пламя в гимне,
Я знал, что будет зной без тени,
Я знал, что будет холод зимний...

И светел взор мой, в даль вперенный,
И — полный кроткости и веры —
Я с думой мудро-примиренной
Встречаю день и вечер серый...

Изведав пламя, таю, тлею
И цветом нови оживаю —
О прежних днях не сожалею,
Погасших снов не призываю...

Н. А. Подгорному

Затмила полночь тайну яви —
Раскрыла полночь тайну сна,
Но смертным грезам, их забаве,
Моя душа не предана.

В пустынной мгле, где сердце тонет
И будто вскрыта грудь моя,
Мой детский ужас мысли гонит,
Мой дух не знает забытья...

Средь бездны, преданной дремоте,
Расторгла ночь мой смертный плен,
И вот — во мне не стало плоти,
Вокруг меня не стало стен!

И горстью праха с тьмою слитый,
Не зная яви, чуждый сну,
Я без опоры, без защиты,
В полночном омуте тону...

И бледной искры жду, как блага,
И жду рассветного крыла,
Познав, как в мире сердце наго,
Как ночь земная тяжела!

То опьяненный синевой
Плетусь стезею кочевой...

То вновь, в докучной полумгле,
Влачу свой жребий на земле...

Из света в тень, из тени в свет,
Иду, свершая свой завет...

Из тени в свет, из света в тень,
Меня уводит краткий день —

От блеска утренней росы,
От цвета вешней полосы,

От детских игр — в кровавый бой,
В пыланье выси голубой —

К печали молкнущих полей,
К тоске и плачу журавлей —

И к тайной грани сна в снегу,
На неизбежном берегу!

Полоска дня все уже, уже
И все бледней...
И так тревожит ум досужий
Приход теней!

И тлеет, тлеет, без пыланья,
Дневной покров
От безглагольного дыханья
Ночных миров...

И лишь дымится, в час отлива,
Земное дно,
Где все живое сиротливо
Обнажено...

И дышит сердце вздохом тени —
Слепой игрок —
Растратив свет своих томлений
В столь малый срок!

Лишь искры звезд, смиря вздохи,
Зовут меня,
Горя, как солнечные крохи
От пира дня...

Версты и версты, мили и мили...
Трепет средь зноя, слезы от пыли,
В мире обманчивых вех —
Все же в скитаньи, начатом в силе,
Ясен и звонок мой смех!

Все же я сердцем, гордым до срока,
В пестром сияньи нивы широкой,
Верю дневному лучу
И, отгоняя тень, без упрека
Посох железный влачу...

Сияясь, шагая — долго, далече —
В мире без крова, в доле без встречи,
Любо мне мерить холмы —
Пусть оттянула бедные плечи
Бедная ноша сумы...

Пусть средь истомы жажды палящей
Темному сердцу снится все слаще
Близость пути к рубежу —
Все же с любовью в дым предстоящий,
В тайную даль, я гляжу...

За древнею Прялкой с куделью косматой
Бессонная Пряха, с утра до заката,
В таинственном замке, на пыльном граните,
Хлопочет-свивает непрочные нити...

То бледная дева, среди тени светлицы,
Перстами весталки, перстами блудницы,
С тоскующей песней, с алканьем во взгляде
Срывает-ровняет волшебные пряди...

То годы и годы, безмолвно и глухо,
В кругу заповедном слепая старуха
Угрюмо хлопочет о нити неровной
И сумрачно водит рукой хладнокровной...

Сверканье ли, тьма ли дымится сквозь окна,
Заклятая Прялка свивает волокна,
Готова упорно, без лада, без связи,
Лохмотья на нищем, наряды на князе...

И древняя Пряха без меры, без грани,
Средь майского цвета, в осеннем тумане
Бессонные пальцы за пряжей торопит,
Непрочные нити бестрепетно копит...

О. Л. Мелконовой-Езековой

Знание людское
Странно расчислено —
Важно в покое,
В горе бессмысленно!

В яркий и строгий
Свет упования
Входит в тревоге
Смута гадания...

В утреннем храме —
Арфа Эолова,
Сердце с годами
Грузно, как олово!

Молкнет от страха
Дума бессонная,
Жребием праха
Обремененная.

С каждою ложью
Все суевернее
Смотрим мы с дрожью
В небо вечернее...

Чудо прозренья
Нам не даровано,
Пламя стремленья
Сковано, сковано!

Опять, венчая круг суровый,
Зажглась вечерняя заря,
И — верный жрец — до жертвы новой
Я отхожу от алтаря.

Хвала и мир свершенной грани!
Хвала и мир пустым садам!
Живой тоске каких алканий
Мой вещий дух я вновь предам?

Повторна ночь, и свет повторен.
Неисчерпаем трепет лет...
И вся безмерность тайных зерен
Еще раскроется, как цвет...

Еще в великом зное Бога
Не все пылание зажглось,
И в далях праха много, много
Никем не вспаханных полос...

И солнце пламенным восходом
Сверкнет над новью снов и мест...
Лети, пчела, за новым медом!
Прими, невольник, новый крест!

ЛИЛИЯ И СЕРП

Марии Б.

Paa livsens natvej gennem frygten ¹.

Henrik Ibsen

Это суть две маслины и два светильника, стоящие перед Богом Земли.

Откровение св. Иоанна, 11,4.

Есть хмель ему на празднике мирском.

Е. Баратынский

Nu har jag svalt
den bittra drycken som gör vis ².

Per Hallström

En lefnads sorg, en lefnads längd ³.

Per Hallström

Sunt lacrimae rerum ⁴.

Dies Rückwärtsdenken, Vorwärtsgrübeln ⁵.

N. Lenau

¹ Тревожно следуя дорогой жизни.

Г. Ибсен (1828—1906), норвежский драматург.

² Проглотил я горький напиток мудрости.

П. Гальстрем.

³ Грустная жизнь, долгая жизнь.

П. Гальстрем.

⁴ Иногда и вещи плачут (*лат.*).

⁵ Мысли о прошлом, думы о будущем.

Н. Ленау (1802—1850), австрийский поэт.

Des tiefen Meers vergänglich bunter Schaum.
Und zeugt der Mensch, wie Faust, ein Kind,
Ein Traum dem andern sich entspinnt...
Und schlägt ein, wie Faust, den andern tot,
Ein Traum den andern nur verwischt ¹.

N. Lenau

Sin el cielo y sin la tierra,
Entre la tierra y el cielo ².

Tirso de Molina

Christo confixus sum cruci ³.

S. Paulus

¹ И пестрой пеной преходящей
Над морем вечным и великим
От сна родится сон летящий,
Когда рождается дитя,
В ребенке каждом с новой силой
Творит фантазия, шутя
Своей свободой легкокрылой.

Н. Ленау. (Перевод А. Анянтина-Луначарского.)

² Без неба и без земли,
Между землей и небом.

Тирсо де Молина (1584? — 1648), испанский драматург.

³ Я сораспялся Христу.

Новый завет, Послание Св. Павла Апостола к Галатам, 2, 19.

In hoc signo vinces ¹.

Витязь Тайной Дали,
Сток я в бою —
Древний щит из стали
Кроет грудь мою...

В поясе средины
Выкован на нем
Строгий лик орлиный,
Дышащий огнем...

И над ним чеканно —
Мой старинный герб —
Свиты вязью странной
Лилия и Серп.

И вокруг них, вдоль края,
Как венец литой,
Тянутся, сверкая
Огненной чертой —

Ярче, чем средь мрака
Ожерелье звезд,
Три великих знака —
Молот, Посох, Крест.

¹ Этим знаком победишь (лат.). Согласно раннехристианской легенде, перед взором римского императора Константина во время сражения с Максэнцием (в 312 г.) на небосклоне возник крест с такой надписью вокруг него.

Своеволен в вечной смене жребий дня,
Сочетавший тайну тени и огня...

Дышит миг, тужит, как может, весь в цвету,
Весь — дробленье, реет, множит пестроту.

Но в рассветных безднах Бога коротка
Беззащитная дорога мотылька!

И в рассветном море цвета бирюзы
Безмятежно утро лета до грозы...

Длится час, струит, торопит водомет,
Сеет, строит, жнет и копит воск и мед.

Но Строитель дней исчислил не на век,
Что содеял, что замыслил человек...

Вот и молкнут, рвутся струны в тишине,
И все ближе трепет юный к седине.

Вот и зыбок свет, раздвоен, мысль слепа,
И непрочный стебель строен до серпа...

Будто ломкий стебель в поле,
Что желтеет в краткий срок,
Шатки веги смертной доли
В сокровенности дорог...

Весь объят тревогой худшей
Дух, познавший тайну дней —
И беспечен ум заблудший
Средь блуждающих огней!

Ищут бури мир и нега.
Стонет вихрь о благах сна,
Точно скрыты два побега
В темном жребии зерна.

Час заката, час рожденья
Тесно слит в волне времен —
В каждом миге утоленья
Миг алканий заключен...

Снятся кормчим в час недоли
В море нивы, их роса,
Где, в бреду иной неволи,
Светят сердцу паруса!

Средь шума дня все чаще знаю
Дыханье горней тишины,
В чей вещий миг к земному краю
Плывут зиждительные сны...

И вместо горечи и страха —
Унылых вех стези людской,
Я различаю в смуте праха
Лишь свет отрады и покой...

И в воплях жалобы суровой,
В проклятьи брошенных во мглу,
Отсель вскрывает слух мой новый
Благословенье и хвалу...

Сквозь пестроту юдоли зримой,
В прибрежном камне и в волне,
Один чертеж нерасторжимый
Все чаще четко снится мне...

И вот, средь всех различий яви,
Что длится век, что дышит миг,
В пыли земной — в лазурной славе,
Я вижу тот же знак и лик...

И бренный свет, звезде подобный,
В любви прозренья, мысль моя
Венчает всякий жребий дробный
В едином чуде бытия!

Цветет восторг, как вал. Как вал,
Уходит прочь...
И все, что к звону день призвал,
Заглохнет в ночь...

Приходит боль, как снег. Как снег,
Растает вновь...
Недолго дней весенних бег
Объемлет кровь...

И свет и цвет — на миг. На миг —
Игра всех смен...
И все, что смертный пыл воздвиг,—
Зола и тлен...

Вся явь, вся дрожь — волна. Волна —
Весь труд людской...
И жнет земные семена
Покой, покой!

¹ Как те волны (*исп.*).

Была пора борьбы и крови,
Час отягченных зноем век,
Когда слепой игрою нови
Был глухо движим смертный бег...

Текли мгновенья ровным звоном,
И были мерой дум дела,
И в сердце, жаждой напряженном,
Лишь дрожь свершения цвела...

И ноше, принятой на плечи,
Усилю сжавших молот рук,
Равнялась твердость краткой речи,
Сталь мышц, натянутых, как лук.

И знак венчального удара
Был дан — судьба была дана!
И лишь предчувствием пожара
Пылала глубь людского сна...

Как влага в кубке, близясь к краю,
Кипел и рос полдневный пир,
И, как железный груз на сваю,
Сверкнув, он пал на старый мир!

Случайны сны и пыл ума...
Обманчив миг и подвиг лет...
Не знает день, что будет тьма, —
Не верит ночь, что будет свет!

Сверканье искры, блеск в огне,
Готовит пепел под костром,
И звон подвластен тишине —
И тишину взрывает гром...

И пыльный дол, и выси гор,
И час весны, и час седой
Сплетаются в один узор
Непостижимой чередой.

И цвет и тлен — в одном кругу...
По мертвым веткам вьется хмель —
На том суровом берегу,
Где рядом — гроб и колыбель!

В полночный час, в моем уме холодном,
От бега лет покорном и бесстрашном,
Чуть дышит явь в броженьи первородном,
Вплести в свой вихрь мой темный дух
невластный.

В полночный час, в моей груди звериной,
В проклятии желанья ненасытной,
Дробятся сны, как пламя сказки длинной,
Средь вихрей праха горько беззащитной...

И в ровной мгле все глуше мир неясный
Струит свои невидимые волны,
Рождая отзвук, смутный, но согласный,
В моей душе, немого плача полной.

И бьется сердце, маятник железный,
Творящий волю двух различных граней,
В дыму земли сияньем тайны звездной,
В покое знанья трепетом гаданий...

И в смутном вихре яви первородной —
Двойным огнем томится дух мой пленный,
И должен разум, сетуя бесплодно,
И жизнь и смерть сознать одновременно!

Пробил час зеркальной глади,
И беспечный сон речной
Заметался в водопаде,
Став дрожащею волной!

Вместо легкой, светлой зыби,
Что, качая день, текла,
Хлынул вал, от глыбы к глыбе,
В глубь гранитного жерла...

Дрогнул строй прибрежных елей
Рвутся, делятся стволы
В вихре снежных ожерелий,
В дымных взрывах белой мглы.

И разбился на иголки
Отблеск солнца в небесах
Дробным блеском, искрой колкой,
Озаря шумный прах.

Только грохот и тревога,
Вой поверженной волны —
Что же так хрупка у Бога
Чаша сна и тишины!

Сладко с годами смертную нить
В солнечном храме солнечно вить!

Веет сквозь звенья бранных оков
В вихре мгновенья мудрость веков...

Падают грани в беге сквозь зной —
Светится в длани посох земной...

Ярко над нами, зыбля наш сон,
Брызжет лучами утренний звон...

Вот в их пожаре зреют поля —
В синей тиаре дремлет земля...

Сердце воздето — древний кремень —
Мало от света разнствует тень...

Ринься с восходом в солнечный путь,
Солнечным медом пьяная грудь!

А. Скрябину

Пора признать! Не путь от тризны к тризне,
Где боль утрат меняет бледный страх,
Не плен в тени — великий жребий жизни,
А поздний день, светающий в веках...

В бреду страстей, в обмане их свершенья,
Людской душе, распятой в их игре,
Уже не раз потир Преображенья
Являл свой свет на звездном алтаре...

Еще велик раздор неутомимый
В земной пыли, где слышен лязг меча
И стон раба, в его неволе мнимой,
Где жажда смерти в слабом горяча...

Но миг борьбы в сердцах, до срока пленных,
И дрогнет прах, приемля звездный зов,
Предсказанный в пророчествах священных
И в трепетном наитии певцов...

Посеян день, взошла и зреет нива,
И пенится несущий вечность вал —
Не жизнь лгала, сознание было лживо,
Не зов был слаб, а смертный слух солгал...

Средь пеня волн, в часы их зова,
Горька прибрежная роса,
И от тщеты труда земного
Уносят сердце паруса...

В час бранных дум и боли праздной,
Мои испытанных подруг,
От их игры однообразной
Нагорный звон влечет мой слух...

Нежданный миг иль вихрь случайный
Приблизит сердце к забытью,
В простор своей суровой тайны
Уносят звезды мысль мою.

К кресту земли, во львиной яме,
Мой дух тоскующий, ты весь
Прикован древними цепями,
Но в вечной жажде ты — не здесь!

Сквозь тишь зимы трудна дорога к маю,
К лесной свирели, к пению садов,—
Но я метель любовно принимаю,
 Как дали льдов...

Ниспавшей капле долго ждать возврата
В полдневный пояс радужных полос —
Но тверд мой дух, пусть глухо грудь объята
 Приливом слез...

Пред бездной мира разум безоружен
И ткани дум в сознании нет —
Лишь знаю я, что праздный колос нужен,
 Как нужен цвет...

Не скоро взмах ответного огня
Сольет творенья в пламени одном —
Но в вихре яви сердце искрой живо
 И кратким сном...

В игре теней не скоро в смертной доле
Искупит Солнце алчущих в бреду —
Но я горжусь венцом суровой боли
 И чуда жду...

Миг торопит, час неволит,
День заходит — кубок пролит!
Чуда крови сердце молит.

Хлынул-сгинул трепет вала...
Снова, снова, как бывало,
Грудь от радости отстала...

Блеск был ярок, звон был ясен!
Вечерея, час безгласен...
Вечер тенью опоясан.

По суровому завету,
Как ни ратуй, как ни сетуй,
Бродит серп от цвета к цвету.

Точит силу червь бессилья,
От сиянья, от обилья
В сумрак, в сумрак реют крылья!

Уводит душу час в тени
Назад, назад,—
Туда, где ярки были дни
И цвел мой сад...

Пестро менялись звон и цвет
В моих лугах,
И дрогнул в сердце с бегом лет
Бессильный страх.

И вот железный крест готов
Давно, давно —
И плачет сердце среди цветов,
Одно, одно.

Кто мерой мига сердце мерит
И тайный жребий смертных дней,
Тот горько слеп, тот в жизнь не верит,
Тот в ней — как тень в игре теней!..

И всех зовущий сон забвенья,
Пред строгим подвигом веков,
Объяв людей, лишь множит звенья
Их дух унизивших оков.

Кто в свете часа дом свой строил,
В величьи мира будет мал,
Зане он жизни не утроил
И бытия не оправдал...

Пусть ярк трепет искры зримой,
Но он лишь миг владеет тьмой,
Где человек — как сев озимый,
До утра майского немой!

И пусть свята молитва слова
В устах восставшего раба,
Но строят высь пути людского
Лишь тяжкий молот и борьба!

Предвижу разумом крушенье
Всех снов — солгавший мир в пыли!
И вновь предчувствую свершенье
Всех тайных чаяний земли...

Пусть смешан пепел с каждым жаром,
Пусть тлен венчает каждый цвет,
Но миг минувший цвел недаром,
Недаром в пламя был одет.

Весь подвиг дней в борьбе упорной,
Как след случайный на песке,
Но бьется сердце плодотворно
В слепом алканьи и тоске...

Влача свой крест, в пути к утрате.
Где каждый сетует, сам-друг,
Всем даром терний и распятий
Преобразится смертный дух.

И зыбкой искре, слитой с тенью,—
Глухому воплю и слезе
Дано быть каменной ступенью
В людской светающей стезе!

Весь преданный жару тоски ненасытной,
Плечусь я по звездам, ночной пилигрим,
Приемля их холод душой беззащитной,
Взывая к их пламени сердцем нагим.

Мерцает их слава, то кротче, то строже,
Великая полночь их сменой полна,
Но сердце, как тайна, все то же, все то же,
И боль кочевая все также одна.

Лишь вижу: напрасна молитва в пустыне,
Что с бледною дрожью слагают уста,
И горек мой посох — доньне, отньне —
Где выкован череп под знаком креста!

Лишь знаю, что в мире — две разных ступени:
Средь высей зацветший покой
И в дольней дороге от тени до тени —
Заблудший в смятении разум людской!

Скользнул закат по высям отдаленным,
И вновь шепчу я сердцу моему:
Познав весь свет, равно неутоленным,
Падешь во тьму...

На всех стеблях, чья стройность длится хрупко,
Зажжется свет, затмится и пройдет...
И лишь полынь — на дне живого кубка,
Где будто был налитый на пир мед...

В миг пламени веков седая Пряха
Роняет прах, и меркнет вдруг игра,
И каждый раз для холода и страха
Влачусь я от костра...

Смыкает день стоогненные сроки
В полях земли — лишь в небе облака
Цветут, горят... Но искры их далеки!
И дрожь близка...

Полдневный лен и розы отцвели...
В последний раз, чуть зыбля свет в пыли,
День шелестом касается земли...

И где сливалась ткань земного сна
Из зыбкого цветного волокна,
Немая даль немых теней полна...

И где пылал о разном миг и миг,
Весь призрак яви, как единый лик,
У звездного порога вдруг возник...

Мир пестроты, свершившей свой завет,
Облекся в прах без знаков и примет,
И на земле у сердца крова нет...

В твой звездный храм приотворилась дверь,
И ты, душа, раскрытая теперь,
Всю нищету отдельности измерь!

Как срок дан искре, срок — волне,
Так сердце мечется во мне...

Вот, алчное, в твоей тени
Зажглись нежданные огни!

Их трепет праздный, но живой
Своим забвением удвой...

Твой жребий вплет в их знойный миг
Пыланье всех надежд твоих...

Умей беречь, умей продлить
Из молний сотканную нить...

Их цвет пустой возьми в свой путь,
Скитанью преданная грудь, —

Их цвет, что цвел лишь раз вблизи,
Сквозь слезы в далях отрази, —

И всю их пламенную ложь,
Тоскуя, в памяти умножь!

В тревогах жизни, в час непрочный,
Свой жар лишь вешним снам предав,
Молись, душа, тропе восточной
И шелесту росистых трав...

Дышать тревогой переменной
Всему, что в яви, суждено,
И все, что было — колос тленный,
Отдавший Пахарю зерно...

И Суд веков замыслил строго,
Чтоб был лишь мигом беглый миг,
Чтоб билось сердце у порога
Свершений и надежд своих...

Но Зодчий дней, в любви суровой,
Торопит каждый взмах крыла,
Чтоб мука смерти жизнью новой
И новой юностью была...

И вечно-вечно свет поющий
Венчает тьму приавших прах —
Молись, душа, заре грядущей,
Забрезжившей в твоих слезах...

В глухом кругу пустынных дней
Будь тверд, будь скор,
Ведь много трудных ступеней
К вершинам гор...

В забвенных вихрях полноты
Замедли шаг,
У их смолкающей черты
Ты будешь наг...

И, исчерпав их хмель и шум,
В закатный миг
Ты не узнаешь гордых дум,
Ни снов своих...

И пусть прекрасен вешний луг
Росой цветов,
Их стройность древний грузный плуг
Измять готов...

И вдруг поникнет смертный сев,
Что цвел, как кровь,
И ты, светло на мир прозрев,
Ослепнешь вновь...

Где было пламя, тень падет
Вблизи, вдали,
И горько в грудь твою войдет
Вся скорбь земли.

В моей судьбе все царство праха было...

В моей судьбе

Так часто сердце падало, и стыло,
И знало вновь миг пламени в себе.

В рассветный час мне дан был кубок дрожи...

В рассветный час

Я принял посох смертных бездорожий,
Где пыль и зной равно встречают нас...

И в полдень мой — я с солнцем пламенею...

И в полдень мой

В полях земли упорствую и сею
С надеждою и верою немой.

А ввечеру я встречу тень в покое...

А ввечеру

Я в звездный храм свершение людское,
Как жатву праха, кротко соберу!

Чуть внятно дышит вечер поздний
И, дольний довершив предел,
Последний миг из часа розни
Отсталой искрой догорел...

И в слитной яви мир всечасный
Сошел на смертную межу,
И к звездной тайне, в Храм безгласный,
Я в думах праха восхожу.

И сердце, что в бреду боролось
И было в тлен облечено,
Вплетает ночь в свой звездный колос,
Как полновесное зерно...

И грудь, дрожавшая без крова
Средь смуты дня, — в дневном плену,
От чар ночных приемлет снова
Согласие и тишину...

Спеши ж расторгнуть чудом Тени
Всю боль и горечь дольных слез,
Кто в вещей час ночной ступени
Свой жребий к вечности вознес!

Credo quia impossibile¹.
Gregorius VII, PM

Знаю я в яви вселенной
Плач на рассветном пороге,
Путь человеческий в зное,
Длящийся ложно —
Знаю, как сердце земное
Хило во сне и в тревоге,
Немощно в радости брэнной,
В скорби ничтожно...

Вижу я в смертной истоме
Годы, заботы и крохи
Блага, блаженство и рядом
Горе у двери —
Юность с седеющим взглядом,
Старость с проклятьем во вздохе,
В нищем и княжеском доме
Те же потери...

Снится мне в жизни, однако,
Цвет человеческой доли,
Сила души беспечальной
В мире и в споре,
Верую в жребий венчальный,
В царствие часа без боли,
В посох, ведущий из мрака
Вечные зори...

Верую, верую, Боже,
В сумрак, о звездах поющий.
Свет беззакатный, сулящий
Чудом страданья...
Верую в молот разящий,
В пламя и в меч создающий,
В жертву зиждительной дрожи,
В мощь упования!

¹ Верую, ибо невозможно (*лат.*).
Григорий VII, папа римский (1073—1085).
Pontifex Maximus — верховный жрец.

Едва колебля пламя жизни пленной
Сквозь легкий сон души,
Плывет-струится час обыкновенный,
Как дым в тиши...

Немого сердца тень не ранит...
Мысль, как пчела
Из цвета в цвет, в былые дни заглянет.
И вновь дремота, как была...

И с каждым мигом длится безраздельно
Облекший явь покой,
Как смутный отзвук песни колыбельной
В судьбе людской...

И греет грудь пустыми снами
Насущный свет,
Как если б бездны не было пред нами,
Как будто тайны несказанной нет...

И дремлет ум. Ленив и своенравен
Его слепой досуг,
Как если б был всей бездне мира равен
Наш смертный круг...

Учись у пламени живого,
Как в час ущерба вспыхнуть снова,
И в гранях полноты заметь,
Как в пепле часа должно тлеть...

Чтоб было время снова ало,
Исполни жребий искры малой,
И, пав на трут, обманешь тень,
И будешь весь — как красный день...

И в сонных гранях тьмы полночной,
Когда приспее час урочный,
Змеись к дубраве в тишине,
И встанет дерево в огне...

А там, с шипеньем, в беге метком,
Струясь, звеня, по сучьям, веткам,
Сжигая боль твоих оков,
Ты расцветешь до облаков...

И дрогнув вдруг, над сном и тенью,
В просторе, преданном смятенью,
Земле поведает набат,
Как ты прекрасен и богат!

Ты принял крест земного ига,
Весь свет и боль его постиг,
Когда впервые к чаше мига
Устами бледными приник...

Отведав сладости короткой,
Ты сеял слезы, пролил кровь,
И сам влачил невзгоду кротко,
Чтоб бледный призрак встретить вновь...

Безумным сном о капле блага
Ты был в степях земли гоним,
Не замедлял над бездной шага,
Спускался в рудники за ним...

Тянись, спеши с тоской и дрожью
За зыбкой искоркой во мгле,
Что смертной истиной и ложью
От века стала на земле,

И, миг познав, плетись от пира
Своей неверною тропой,
Как мудрый царь с державой мира
И прозревающий слепой...

Жар снов людских — как маков цвет,
Вес дел — горчичное зерно,
И быть их часу в славе лет
Не суждено.

Плывет сквозь бред в земном плену
Рассветно-стройный звон веков,—
Но сердцу, преданному сну,
Чуть слышен зов.

Где вечный жребий завещал
Упорству плуга шелест нив —
Хоть длинен стебель, колос мал,
И жнец ленив...

Где гнет пыланье мести взрыл,
Рука восставшая слаба,
И свет лишь сказкой мига был
В груди раба...

Просторен парус, ветер тих —
И у руля — всечасный страх,
И водит душу смертный миг
Из праха в прах...

В борьбе веков велик ваш долг суровый,
Влачащие ярмо земли сердца,
Бездольные избранники христовы,
В цепях труда — сподвижники Творца!

Невольник нивы, древний Божий воин,
Чей каждый миг — лишь дрожь и дрожь
в пыли,
Ты среди людей один венца достоин,
Что вырыл плугом солнце из земли.

Раб молота, кующий мечь в кинжале,
Как в славе часа жребий твой ни мал,
Свое упорство слив с упорством стали,
Ты строил век и мудрость дня ковал...

И ты, пастух, что меришь в жизни сроки
Безлюдием звериного пути,
Благословен твой жребий одинокий,
Твой Посох будет в вечности цвести!

И пусть ваш долг в кругу неволи цепкой
И сир, и строг, как ваша скорбь строга,
Но на земле лишь вами время крепко,
Из ваших слез возникнут жемчуга.

Свершится мера трепета и бега,
И вы, изведав тень земной зари,
Войдете в свет на брачный пир Ночлега —
Поденщики, жнецы и косари!

Средь яви пепла и огня
У сердца смертного — две доли,
Как есть и цвет, и жатва в поле,
Как две зари — у дня...

Светает тишь, редет тень,
Взрывая звон и гул нестройный,
Объемлет землю полдень знойный —
Вот первая ступень!

И вновь у дымной грани сна
Уходит пламя, догорая
В безмолвных далях, — вот вторая
Всевластная волна!

Так будет утро вновь, и так
На смену солнцу многократно
Прольется дым поры закатной
И новый звездный мрак.

Так вновь придется грудь открыть
Тому же миру и тревоге,
В чей вечный круг, в чей трепет строгий
Вплетен, — и час не быть...

В свой темный путь иди без страха,
Подвластный часу человек —
Твое томленье не от праха,
Не от земли — твой краткий век...

В час роковой, как в миг случайный,
На всех распутьях жизни ты —
Слепой участник вечной Тайны,
Грань сокровенной полноты...

Цвет дней твоих в их пестрой славе,
Пылал иль тлел Ее огнем —
Как вечный Лик взалкавшей яви
В скудельном образе твоём...

И ты, в игре пустых мгновений,
И в поте всех твоих трудов,
Лишь ткал всевластной тайной тени
Несовлекаемый покров...

И пусть свершенье яви шумной —
Лишь плен, но вечность — грань его,
И в ней твой разум многодумный
И смута сердца твоего...

Ее дыханием бессменным
Цветет в тебе, как сон и дрожь,
Все, что ты метишь знаком бранным
И смертным именем зовешь...

Весь смертный жар — от первых детских слез,
Всю мощь мою — от детских малых сил,
Я в Вечный храм в живой тоске принес,
На жертвенник суровый возложил...

Что добыл молот, что взлелеял плуг,
И что вспоила тишь садов моих —
Тревога дум и дрожь усталых рук, —
Все было в жизни пламенем на миг...

И вся борьба, завещанная мне
В игре мгновений, в долгий век труда,
Цвела лишь с тем, чтоб был мой дух в огне,
Пока пройдет земная череда.

И на костре, где сердце сожжено,
Средь пыток жертвы понял я не раз,
Что долг огня — единое звено,
В ткань Вечности вплетающее нас.

Вот почему, прозрев в людском бреду,
Свой тайный свет, как каждый час былой,
На жертвенник суровый я кладу,
Чтоб стал мой жребий дымом и золой...

Море и капля, как колос и цвет,
Дышат, свершая все тот же завет,
В мире прядущий зиму и зной,
Вихрь и дремоту ветки лесной...

В ткани предвечной людские дела...
Чудо — наш Кормчий, мы — взмахи весла...
В трепете вечном — трепет минут...
Благости вечной годы цветут...

Час человека подобен волне...
Знаешь ли, смертный, в ночной глубине,
Встретив молитвой звездную тишь,
Чьими устами ты говоришь?

В блеске полудня, где час полноты
В мире Голгофы вскрывает цветы,
Знаешь ли, странник, в труде и борьбе
Чья неземная дума в тебе?

Все строже мыслю я, вникая
В бег дней с их гордой суетой,
Не праздный колос мысль людская,
Людские сны не цвет пустой!

Скорбя у грани заповедной,
Сокрывшей неземной пожар,
Хлопочет сметный не бесследно,
И прав Сизиф и прав Икар!

За рабство, слезы и истому
Час воздаянья брезжит нам —
Есть глубь лазури дню людскому,
И звезды есть земным ночам!

Вскрывались дни, часы цвели —
И брел я, в поте и в пыли,
На зов Отца, межой земли...

И был я в смертных думах смел...
И труд пути, святой удел,
Не раз в любви преодолел...

И строя миг по мере сил,
Я лишь упорным словом жил,
О всходах вечности тужил...

И сердцем, вверенным весне,
У летней грани я втройне
Горю молитвой о зерне...

Я цвел с Творцом в Его цвету,
И знаю: в божью полноту
Свой смертный колос я вплету.

Падает с лязгом Молот стальной
В смертной, упорной руке,
Грузно взрывая мерной волной
Гул вдалеке...

Строя, чеканя темный свой сплав
В горестной малости сил,
Слепо ковал он, слепо создав,
Зданье дробил...

И, содрогаясь в трудных лучах,
Тратя во тьме ли свой жар,
Знал ли, что Богу каждый был взмах,
Каждый удар?

В мире взрывая искры сквозь тень,
С грохотом Молот стальной
Грузно готовит часу ступень
В храм неземной...

Дробность во прахе замкнутых руд
(Смертное сердце, заметь!)
Должен средь смуты времен его труд
Преодолеть...

Должен он славу дня Твоего
Трепетом сирым обнять,
Боже! Но вечность — бремя Его,
Миг — рукоять!

Час изменил — цветы солгали,
Звон пламени заглох в дыму...
Но сердце не стезей печали
Влачится, онемев, во тьму...

Забвенный миг и срок тревоги,
Столь часто острой, как игла —
Два знака у земной дороги,
Два ввысь подъемлющих крыла...

Но как ни сладок праздник тощий,
Раскрывший весь свой цвет мечты,
Лишь в пытке — мера смертной мощи
И в ней — даянье полноты.

И в мире вижу я все чаще,
Что, гордо строя беглый час,
Слаб дух, над благом дня дрожащий,
И скорбь стократ достойней нас.

И я в людском порыве к раю,
Тоске утраты грудь учу —
Безбольный жребий отвергаю,
Венца без терний не хочу!

Зыбля дым свой сизый
В поле, в тайный срок,
В пламенные ризы
Вечер даль облек...

В час их кроткой славы,
Искрясь, ввысь простер
Огненные главы
Огненный собор...

Во врата святыя
Шествуют толпой
Митры золотые
К службе мировой...

И в святыне горней
Светится потир —
И поник соборне
Вещий звездный клир...

И воскресла в Боге,
Лаской звезд дыша,
На земном пороге
Смертная душа...

Пламя разрешило
Плен ее в пыли —
Вскинуло кадило
К небу дым земли!

Лишь тот средь звезд венчает землю,
Кто, встретив сумрак и зарю,
Бесстрашно молится: Приемлю!
В смирении твердит: Горю!

В одной и той же тайной воле,
Раскрывшей свой вселенский сад,
Возник и стройный стебель в поле,
И век его пресекший град...

Людскому сердцу дан на благо
В тиши и в бурях трепет дней,
Но где оно пред пыткой наго,
Там смертная стезя верней...

Вот льются солнечные волны,—
Баюкая забвенно нас,
И каждый миг — как кубок полный...
Благословен цветущий час!

А вот, меняя безмятежность,
Срок дрожи тень свою принес —
Благословенна неизбежность
Борьбы упорной, трудных слез!

(Отрывок)

I

Немного пестрых красок надо,
Чтоб занести на полотно
Ворота, двор, забор вдоль сада,
Мой домик, выцветший давно,
Кривую длинную аллею
Из лип столетних и за нею,
Чуть видимый сквозь полумглу,
Изрытый стадом, спуск к селу,
И дальше — поле за дорогой,
Где пожелтел уже овес,
И над оврагом ряд берез,
И купол сосен, темный, строгий,
И снова поле за рекой —
Простор безлюдья, сон, покой...

II

Еще есть церковь возле парка,
Прибежище святое, где
Поникший дух в молитве жаркой
Вновь обретает мощь в беде
И, к чьей ограде здесь, как всюду,
Влачится боль, взывая к чуду,
И блудные на божий суд
Свое терзание несут...
Как есть и сельское кладбище,
Чей неминуемый порог
Приемлет бремя всех дорог,
Открыв последнее жилище,
Где молкнет смех средь мшистых плит
И горе беспробудно спит...

III

Таков убогий мир, в котором
Живу, сквозь призрачный покров
Стараясь вникнуть в часе скором
В недвижимый замысел веков...
Но, дав мне в жизни мир мой малый,
Не боль изгнания и опалы
Вложил Создатель в грудь мою,
А славословье бытию —
Коль славен русский жребий трудный,
Мох ветхих крыш, гнилой плетень,
Дым нищих сел, где дремлет тень —
И да святится колос скудный
В полях, объятых тишиной,
Как нежный лик страны родной...

IV

Она теперь в глубоких ранах
И вся в запекшейся крови,
Но зреет в северных туманах
Срок искупительной любви,
И в темную обитель дрожи
Войдет, как пламя, отрок божий,
И будет ярко горяча
В руках невольничьих свеча —
И в щедрый дар за крест суровый,
Где было бремя всех забот,
Наш древний посох расцветет
И дивный трепет жизни новой
Молитвенно в победный час,
Как чудо солнца, вспыхнет в нас...

Памяти А. Н. Скрябина

Был колокол на башне, в храме вешнем,
Где явь земли свой жертвенник зажгла...
И он был отлит звону о нездешнем,
И пела в нем вселенская хвала...

И он пылал сердцам, как весть живая,
О тайнах мира в звездном их цвету,
Своим псалмом впервые разрешая
Слепой земли глухую немоту.

Но в час, когда огонь преображенья
Коснулся праха всех земных дорог,
Не кончив чуда нашего рожденья,
Для райских песен колокол заглох...

Но нет, лишь ткань из тлена онемела,
Лишь бранный цвет увял средь смертных нив!
А вещий дух, не знающий предела,
В своем твореньи вечно будет жив...

И вновь, и вновь, лишь в строе звездно-новом,
Воскреснет в людях в каждый вещий час
Пророк, что был для нас небесным зовом
И Вечности отвечивал за нас.

Стучись, упорствуя, Кирка,
В глухую грудь земли, пока
Не зацветут тебе века...

Пусть горек, сир и мал твой труд,
Но есть у грани тайных руд
Рубин живой и изумруд...

Но, роя прах, дробя пласты,
Не сетуй с болью, что не ты
Войдешь в сверканье полноты...

И ты лишь знай, лишь кротко верь,
Что в мире плача и потерь
Твой трудный трепет — только дверь...

Твой древний звон — твой жребий весь,
А сбудется средь звезд, не днесь,
Что ты упорно строишь здесь...

В тюрьме, где были низки своды
И каждый стебель цвел в тени,
Я ткал из брэнной жажды годы,
Прял из пустых забвений дни...

И в трепете о звездном свете
Лишь в искрах мира сны любя,
Я, как слепой паук, в их сети
Безрадостно ловил себя...

И там, где сон скудел и даже
Был мертв в плену зацветший миг,
Я, узник, сам стоял на страже
Скрепленных мной оков моих...

И, точно камень, время было,
И мерной тенью дни текли
В неволе прихоти постылой
На замкнутой меже земли...

И жил я в прахе у порога
Творца тщетой слепых минут,
Как будто свет и бездна Бога
Не сердцу смертному цветут.

Не называй далекой бездной
В тоске твоих насущных снов
Неизмеримость ночи звездной
И темный вой морских валов...

Ведь все пыланье яви мира,
Час восхода, стебель, цвет, зерно,
Как бы ни билось сердце сиро,
С ним первожданно сплетено...

И слиты в круг нерасторжимый
Различья, грани и межи,
И ты пред всей их далью мнимой
В дороге праха не дрожи.

От краткой песни колыбельной
До гроба, тайной бытия,
Цветет векам твой миг отдельный,
Их глубь великая — твоя!

И в час смятенья, и в покое,
Звезда средь звезд, творит твой дух
Одно свершенье мировое —
Хоть ты лишь слеп, хоть ты лишь глух!

Кузнец упорный, что куешь?
— Затвор на склеп, где тлеет ложь,
Глухую цепь, стальной засов
На рабство дел и рабство снов,
Несокруσιμο-крепкий щит
От слез, насилья и обид!

— Отныне взрыл мой звонкий труд
В земле безмерность божьих руд,
И юной мощью рук моих
Я должен выковать из них,
Как мне назначил мой Творец,
Державу, скипетр и венец.

— Уже красна в моем огне
Вся сталь, что Зодчий вверил мне,
Но, груз полос моих дробя,
Я впредь венчаю сам себя,
И с гордым трепетом кую
Свой миг и час, судьбу свою!

Аминь! Из пепла мир возник!
Он весь, как девственный рудник,
Открыт упорству твоему,
И пусть твой горн, служа ему,
Цветет в веках, как свет живой,
И — да святится Молот твой!

Всем пасынкам земли родной

СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ

Нисходит свет Преображенья
На беглость часа и века, —
Свершилось вещее томленье,
Сбылась великая тоска!

Свободный Плуг, а не ленивый
Яремник отошедших лет —
Взрыл всю дремоту темной нивы,
И светит небу дольний цвет.

Пыланье жизни невозбранно!
Еще ступень, еще межа —
И даль Земли Обетованной
Раскроется без рубежа...

И, восходя на царство шири,
Возносит мощь свободных рук
Лик солнца в солнечном потире
В тот храм, в чьей славе — звездный круг...

Расторгла сумрак жизни тесной
Русь, вся распятая, в былом,
И в час Заутрени Воскресной
Поет вселенский свой псалом!

В день чуда в русском бездорожья
Идите, каменщики божьи,
Поправ навек свой долгий плен,
Дробить гранит для гордых стен...

Идите, плотники христовы,
Свершая кротко подвиг новый,
Тесать с молитвой горный дуб,
Чтоб рос в лазурь за срубом сруб.

И зданье света скоро-скоро —
Дыханьем русского простора,
Воздвигнет свой надежный кров
На счастье всех его сынов...

Оденься, Храм, в стальные скрепы
На миг лихой, на час свирепый
И — грань векам — в веках живи
Упорством Жертвы и Любви...

Твой первый камень врыл глубоко
В родную почву заступ рока,
И первые венцы легли
Вкруг сердца Матери-Земли...

И ты красуйся величаво,
Гордясь своей земною славой,
Но ввысь до звездного чела
Вскинь неземные купола.

А ты, могучий Зодчий Бога,
Страхни у светлого порога
Весь прах недоли вековой,
И — да святится Молот твой!

Он жил средь нас, тая в груди горячей
Святое пламя песни, в чьей тоске
Нерасторжимой тканью сочетались
Земные сестры, Горе и Надежда,
Звон вечера и утренней зари...
Сын горечи, он шел со светлым сердцем,
Предчувствием врачуя боль пути,
И дух его, пекущийся о правде,
Сквозь страх за жизнь лелеял веру в жизнь.
Вот почему, у тайной грани гроба,
Как сеятель в полях земли родной,
Принес он кротко к житнице вселенской,
В дар бытию, горсть зерен полновесных.
Суровый рок вложил в его свирель
Печаль армян в недоле вековой,
И дух его возникнет вновь, как цвет,
В тот час, когда из пепла вновь воскреснет
Армения, тот жертвенник, куда
Он возложил всю любящую душу
И грустный звон напева своего.

I

Вся явь земли живому Богу
 И звездной Вечности цветет...
 Час, обреченный на тревогу,
 И миг, что тишь забвенья пьет,
 Раскрыты тайною одною...
 Вскипев неожиданною волною,
 Восторг и боль, вражда, любовь
 Поют в крови и молкнут вновь...
 Восторг — на миг, и скорбь — на годы!
 Сиротство сердца в смене лет,
 Упорный сев и чахлый цвет,—
 Вот неизбывный чин природы,
 Где беглый час ведет в века
 Неутомимая тоска!

II

Здесь все тоскующее знанье,
 Что я собрал на нивах дней,
 Влачась, один, стезей изгнанья,
 Среди снов, обманов и теней...
 Но я приемлю жизнь без пени
 И, слава трепет всех мгновений,
 Их скудный дар в груди храню
 И, зная слезы, верю дню...
 И уповаю непреложно,
 Что, как суровый час ни глух,
 К пыланью зорь восходит дух,
 И песня радости возможна,
 Хоть мне среди всех псалмов милей
 Призыв бездомных журавлей!

III

Есть в этом зове весть живая
Всему, что здесь, в слезах, в пыли
Под ношей жизни изнывая,
Не знает торжества земли!
Вот почему в осеннем поле
Грудь разрешается от боли
И реет дух — из мира лжи —
За неземные рубежи...
И пусть напевный плач вечерний
Прольет на трудный путь людской
Свет умиления и покой,
Что в мире праха, мире терний
Раздумье скорбного чела
Цветами юность обвила.

IV

Но полно мудрствовать лукаво...
У жизни много светлых чаш,
Где слита вся земная слава,
И наше утро, полдень наш,
Как знойный вихрь, взрываясь, рея,
Лелеет нас, не вечера.
Пылает время, жизнь пестра,
И в звездных искрах дым костра,
Где мчит забвенью хороводы,
И миг, что шумная волна
У скал морских, не зная сна,
Поет молитвенные оды,
Как я, бездомный пилигрим,
Как я, наперсник снов людских,
Молюсь — пою у ног твоих.

(Отрывок)

Чу! Ширь глухая вдруг завыла!
Вот зыбкий вихрь мелькнул в кустах,
И, будто с жалобой унылой,
Клубясь, гудя, взрывая прах,
Как белый призрак, мчится, пляшет,
Вдруг длинный саван распояшет
И обовьет им кровли хат,
И глухо-глухо бьет в набат...
Но сладость есть и в диком вое
Вдруг вострепнувшей зимы,
Как жутко-сладок шелест тьмы,
И любо сердцу роковое,
В чьем сумраке безвестный час
Над грозной бездной водит нас!

Я гордо мудрствовал когда-то,
Что беглый жар в людской душе —
Лишь вечной цельности утрата,
Лишь шелест вихря в камыше...

И сердце билось и черствело,
Себя отняв от бытия,
И вот в груди осиротелой
Лишь боль проклятья мерил я...

А ныне я молюсь: Нетленно
Все, что приемлет праха лик,
И всей повторностью вселенной
Мой жребий смертного велик...

У людской дороги, в темный прах и ил,
Сеятель безмолвный тайну заронил...

И вскрываясь в яви, как светает мгла,
Острый листик к свету травка вознесла...

Вот и длились зори, дни и дни текли,
И тянулся стройно стебель от земли...

И на нем, как жертва, к солнцу был воздет
В час лазурной шири малый алый цвет...

Так и разрешилась в пурпуре цветка,
Все немотство праха, дольная тоска...

И была лишь слава миру и весне —
Вот что скрыто, братья, в маковом зерне!

Когда пред часом сердце наго
В кровавой смуте бытия,
Прими тревогу дня, как благо,
Вечерняя душа моя.

Пусть, в частых пытках поникая,
Сиротствует и плачет грудь,
Но служит тайне боль людская,
И путь терзаний — божий путь.

И лишь твоя свой долг средь тени,
Мы жизнью возвеличим мир
И вознесем его ступени
В ту высь, где вечен звездный пир.

И вещей трепет жизни новой
Взрастит лишь тот, скорбя в пыли,
Кто возлюбил венец терновый
И все изгнание земли.

Я в жизни верую в значенье
Молитв, сокрытых тишиной,
И в то, что мысль — прикосновенье
Скорбящих душ к душе родной...
Вот почему я так упорно
Из тесноты на мир просторный,
Где только пядь межи — мой дом,
Гляжу в раздумии немом...
И оттого в томленье духа,
Благословляя каждый час,
Что есть, что вспыхнет, что погас,
Безмолвный жрец, я только глухо
Молюсь святыне Бытия,
Где мысль — кафельница моя...

Цвети, душа, пока не сжаты
Зной дней отбившие поля,—
Пока не плачет боль утраты,
Как зов бездомный журавля...

А там, в угрюмый час ущерба,
Сквозным скелетом встанет верба
Средь пустоши без рубежа,
Где лишь протянется межа,
Шурша редеющей щетиной

И рая слух, волнуя кровь —
Средь мертвой чащи вновь и вновь
Зловещим звоном крик совиный
При бледном зареве луны
Пронзит пустынность тишины...

Раскрылся к цвету хмурый север,
И снова зимний сон далек...
То в синий лен, то в красный клевер
Свои холмы простор облек,
И грудь, дышавшая лишь болью,
Дивясь полдневному раздолью,
Его лазурь и зной, как мед,
В забвеньи детском жадно пьет...
Пусть кубок пламени и звона
В час жизни пенится полней
У уст, познавших горечь дней,
И час ущерба, жребий стона,
Преобразится в полноту —
Как май, как яблоня в цвету!

В седых веках шумели воды Тибра —
 Векам веков их пляску петь и впредь
 О славе жизни, в духе непрерывной,
 Хотя и разной, в пестрой яви дней...
 Средь бурь, чьи вихри щедро гонит время,
 Не дрогнула таинственная нить,
 Связавшая в один великий жребий
 Меч Цезаря и белый крест Савойский,
 И средь лавин, что зиждут мир и рушат,
 Не пресекалась вещая стезя
 От Пестума к святым садам Ассизи...
 Волшебным плугом, видно, к цвету взрыт
 Весь Лациум, раз жертва не скудеет,
 И оттого незыблем Капитолий,
 Что мудрый зодчий клал его ступени...
 И от него, по замыслу его,
 В святое имя истины вселенской
 Воздвиглась в мире, в глубь земли и к звездам,
 Италия, как некий строгий храм,
 Что строился и строится от века
 Тоскующим напевом пастуха
 Среди безлюдья пущи Апулийской,
 С душою Данте, думою волхва,
 Кривой киркой садовника Тосканы
 И царственным резцом Буонарроти,
 Безбольною молитвою Франциска,
 А — тоже — грузным молотом Арнальдо
 И темной кровью в поле боевом...
 Велик в красе дворцов своих и башен
 Бессмертный Рим, но выше Рим незримый,
 Тот Дух, что двигал кистью Леонардо
 И тайным чудом звездного огня
 Пылал в живых виденьях Галилея...

Италия, как в сердце Гарибальди,
Он дышит в воле всех твоих сынов!
И только в нем ты обретешь упорство
В своих трудах, свершеньях и надеждах
И верный щит величью твоему,
Тот щит, что был с тобой на древнем Рейне
И не изменит ныне на Пиаве...
И не его ль, не дух ли вещей Рима,
Далекие, мы чтим благоговейно
В часы, когда, волнуя сердце, снится
Твой кипарис и серый ряд олив,
И пиния, как жертвенная чаша,
Воздетая за даром солнца к небу
И врытая глубокими корнями
В земную грудь, как вечный образ твой?!

Есть жизнь и смерть лишь в мнимых гранях праха.
Есть только жизнь в пылании времен...
Не для зерна зерно — для восхода и расцвета,
Равно, как цвет опять цветет зерну,
Чтоб Тайна мира вечно колосилась,
И, строясь к Солнцу, были непрерывны
Ступени праха Богу своему.
Кто мыслит так, кто верит так, тот знает
Свет истины. Его людское сердце
Дрожит в слезах у гроба. Но, как дух,
Ушедшему он вслед глядит безбольно
В сознании, что вечен дар зари...
Аминь! Бессмертен Дух его, зовущий
От детских слез и счастья наших дней
Туда, где грудь людская вновь воскреснет
Из скудости в богатство полноты...
Звучит векам певучий дар его,
Преображая жребий человека,
Чтоб стал он частью в чуде бытия
И в нашей жизни, тайно ускоряя
К иному дню светающее время...
В устах земли три имени ему:
Пифийский жрец, Пророк и вновь Пророк,
Что станет светом нового Синая.
Он учит нас доверью ко Вселенной,
И мы приемлем вещей зов его:
Земные братья, пробил час крещения!
Бросайтесь слепо в воды Иордана,
И будет в мире молодость души!

Раскрылась ночь своей великой тьмой...
Подходит час полуночи немой!

Простор земли во мраке утонул...
И мир свои пределы разомкнул...

И над душой, не ведающей сна,
Горят лишь звезд святые письма,

Свой тайный блеск таинственно дробя.
Мой бедный ум, мне страшно за тебя!

В глухой тиши, среди глухих долин,
Пред бездной мира в мире ты один!

Тебе видна дневная ложь,
Нездешнего ты все же не поймешь.

В зловещей тьме ты — тень среди теней,
С проклятием отдельности своей!..

Здесь — лишь грохот, хаос, зной...
Там, у грани неземной,
Царство тайной тишины,
Где лишь пение струны...

В этом царстве тайных снов
Это пенье — вещей зов,
Чтобы в звездный час в тиши
Вскрылось пение души...

Третий раз поет петух!
И воскрес поющий дух...
Веет ангельским крылом...
Весь — молитва, весь — псалом...

Вновь у безвестного порога,
Людское сердце, бьешься ты —
Но пусть цветет твоя тревога
Лишь часу новой полноты...

Плетишь сквозь ночь по звездам жизни,
Не мешкая в угрюмой мгле,
И снищешь ты стезю к отчизне,
В веках завещанной земле...

В минувшем небе — солнце ржаво,
Без пламени его огни —
И ты, венчанный новой славой,
На роковое посягни!

Таков закон судьбы суровой,
Что вдруг раскрылся час зари,
И стали в горной жизни новой
Золою царства и цари.
Пусть сладки сердцу в мире старом
Его отрада и печаль,
Но ты, смельчак морей, лишь с жаром
От мертвой пристани отчалъ!
И там, где в жизни будут крепки
Сны старых стен, былая глушь,
На их оплот могильно-цепкий
Железный молот свой обрушь!

Раскинуло свой звездный невод Время
В полночный омут яслей и могил,
И дольний мир, как благостное бремя,
Безвестной чашей сердце обступил.

И не уйти всей яви дней от ловли,
Что в безднах мира длится век и век,
Взошел ли миг, погас ли век, готов ли
Стать трепетной добычей человек.

Скользит челнок вдоль смертных побережий,
Где час вспоил свой краткий цвет в пыли,
Чтоб вдруг вовлечь в таинственные мрежи
Все прихоти, все жребии земли.

Когда твой час в земной тени
Ночь облечет в свои огни,
Безмерность жизни оцени...

И нищим сердцем молви: Днесь
Мир полноты открылся весь
Нам, мукой сна объатым здесь.

И все, что мы, как смерть, клянем
Всегда, всегда живым огнем
Наш жребий осеняет в нем.

Вот отчего, сковав века,
Несет на вольность их тоска,
И оттого нам боль сладка.

По праху, в смертную обитель
Нездешние следы легли,
Но смертный дух не небожитель,
И мы не странники земли...

Пусть боль, и ропот, и тревога
Объемлют нас в земной глуши,
Но нет изгнания у Бога
И нет опалы у души...

Средь смуты дня и ночи звездной
Сплетают вихри с тишиной,
Венчают нас одною бездной
И миг небес, и час земной.

Мне голос был среди смертной яви —
Свой Посох крепче обойми,
Ведь ты лишь гость в земной забаве,
И плачешь в мире не с людьми...

Твой путь бездомный не отсюда,
Один мужайся и бреди,
И обретешь рожденье чуда
В твоей тоскующей груди...

Сквозь свет, сквозь слезы в час метельный,
В скитаньи мужествуй, доколь
У грани дали беспредельной
Не станет вешним цветом боль.

I

Как трудно высказать — нелживо,
Чтоб хоть себя не обмануть —
Чем наше сердце втайне живо,
О чем, тоскуя, плачет грудь...
Речь о мечтах и нуждах часа
В устах людей — всегда — прикраса,
И силен у души — любой —
Страх наготы перед собой, —
Страх истины нелицемерной
Иль, брат боязни, хитрый стыд,
О жалком плачущих навзрыд,
Чтоб точным словом, мерой верной
Того случайно не раскрыть,
Чему сокрытым лучше быть...

II

Но есть и час иной напасти,
Когда мы тщетно ищем слов,
Чтоб с тайны помыслов иль страсти
Хотя б на миг совлечь покров, —
Чтоб грудь, ослепшая от муки,
Явила в знаке, или в звуке,
Иль в скорби молчаливых слез,
Что Бог судил, что мир принес...
И, если пыткой огневою
Весь, весь охвачен человек,
Он только холоден, как снег,
И лишь с поникшей головою
В огне стоит пред тайной тьмой,
Вниманью чуждый и немой.

Мне шепчет Ночь в тиши унылой,
Смущая ум, волнуя кровь —
Твое грядущее уж было,
Твой час былой цветет, как новь...

И все смятенье яви брэнной
В удел людскому дню дано —
И ты живешь, одновременно,
Как корень, стебель, цвет, зерно...

И пусть лишь каплей сердце дышит,
Но миг твой равен Бытию —
Весь океан, не вал, колышет
Твою заблудшую ладью!

Есть волшебные улыбки,
Вещий взгляд безмолвных глаз —
Как немое пенье скрипки,
Уводящей в вечность час!

Есть в согласии вселенной
Стройность северной сосны —
Свет, прядущий в смуте брэнной
Сказкой-нитью явь и сны.

Есть в земных пределах тесных
Предстающий вдруг простор —
Как полна светил небесных
Полночь северных озер.

Вот он — взрыл перед тобою,
Сердце, пленница тоски,
Зыбля тихую волною
Ожерелья — огоньки.

Вот он — льется в мир твой зыбкий,
Грудь, толкующая сны —
Зов заклятью, пенье скрипки,
Шорох северной сосны...

Изведав тишь, познав тревогу,
Земли земную череду,
Я снова изгнан в путь-дорогу,
И вновь я, в пламени, бреду...

Как крестным знаком, огневица
Коснулась моего чела.
Я знаю, день испепелится
И будет сердце, как зола...

Но как ни горек путь мой ясный,
Я донесу до первых звезд
Живой огонь тоски безгласной,
Скорбь-ликованье, цветокрест!

Дышат бездной сумерки и зори,
Две ответных тайны, ночь и день,
В том немом и благостном просторе,
Где земля — лишь малая ступень!..

Для истомной сладости ль, для бед ли
Ты пришло во прах земных степей,
Сердце, здесь, в пыланьи дня, помедли
И полночной горечи испей!

Полдень ранит, полночь лечит...
Полночь — полдень — чет и нечет...
Час добычи, час потери,
Все по прихоти и мере...

Было лаской, станет болью —
Взмахи крыльев — по раздолью...
В небе — солнце, тень — в груди —
Меру тени пережди!

Лист и цвет на ветке голой —
С ношей сладкой вьются пчелы...
Цвет и мед в их доле скудной
Иссякают обоюдно...

Вот уж, странник запоздалый,
В мертвой роще пусто стало —
Цвел и ты, и прах еси —
Прах с молитвою снеси!

С верой в груди упорной,
Знающей колос пустой,
Сейте озимые зерна,
Ночь зари золотой...

Только предавший плугу
Слезы, молитвы и сны
Смутно услышит сквозь вьюгу
Звон грядущей весны...

Только тревоге трудной,
В сумраке роющих прах,
Вспыхнет, как день изумрудный,
Свет на майских холмах...

Слава солнцу, честь земле,—
Снам и думам на челе!
Жил я, был я на пирах,
Ведал цвет, как знаю прах...

Должно жить и нужно вить
Миг и миг — живую нить —
На немую смену лет —
Цветопрах и прахоцвет...

Нужно быть и нужно ткать
Бремя зол и благодать,
Чтобы выткалась парча
Из теней и из луча...

Юный вздох и стон седой —
Ткутся тайной чередой,
Мрак и свет, покой и страх —
Прахоцвет и цветопрах...

Не меркнет солнце в смертном бытии...
О, вешняя, о, новая гроза,
Как ты трудна! Как ты слепишь мои,
Усталые от праха дней, глаза!

Вся — пламя с дымом, дрогнула лазурь —
И нет границ, не стало берегов!
Тебя я знаю, песня древних бурь,
И, сам — огонь, в огонь иду на зов...

Я знаю жребий этих древних волн,
Что, как прибой, объемлет грудь мою,
Но грудь моя — как нищий утлый челн,
В котором я себя не узнаю...

Грохот мига... Тишь столетий...
Вешний час, воскресший вдруг...
Сладко сердцу быть на свете!
Все же мир — как вечный луг...

Чередуются покосы...
Цвету кашки нет конца...
Не беда, что люди босы,
Что беспомощны сердца!

Не беда, что люди нищи
И что каждый часто сир —
На великом пепелище
Воскресает майский мир!

С молитвой Солнцу встретил я зарю,
С молитвой свету провожаю день —
По мере часа бытия горю,
По мере рока погружаюсь в тень...

В вечернем небе — золото и кровь,
В вечернем поле — тишь, зола и дым —
Но те же бездны снятся вновь и вновь,
Что снились в утро крыльям молодым...

Чем дальше жизнь, тем кротче круг тревог,
И тень вблизи, и зыбкий свет вдали —
Благослови, душа, земной порог
И горькое изгнание земли...

* * *

Молись в ночи без плача о заре,
Всей нови дней и всем векам седым,
Где Млечный Путь сквозь сумрак взрыл свой дым
На жертвенном вселенском алтаре...

* * *

Длятся — тлеют глухо
Дни в немых стенах,
Где о царстве Духа
Молится монах.

Вещей полночной порой,
Алчное сердце, раскрой,
Книгу Времен и Мест —
Alea jacta est!

Чу! Океан бытия!
Быль не пристань моя!
Трепетный парус вскинь —
В море, в смятенье! Аминь!

Вот она, древняя дверь
В царство утех, потерь —
Сирий, в вещей ночи
В дверь роковую стучи!

Перешагни порог
В дали земных дорог,
Где и впредь, как досель,
Будет цвет и метель...

В тяжбе с собой, с людьми,
Темное сердце, прими
Миг ликованья и крест —
Alea jacta est!

¹ Жребий брошен (*лат.*). (Досл.: кость брошена.) Слова, приписываемые К. Юлию Цезарю при переправе через реку Рубикон в начале гражданской войны 49 г. до н. э.

Ты все ходишь, маятник железный,
То с суровой кротостью, то гневно —
Над сокрытой вековечной бездной,
Над земной былинкой однодневной...

Вот кукушка, раскрывая дверцу
В мир, прядущий смертный страх и веру,
Возвещает трепетному сердцу
В круге жизни приговор и меру...

От удела скудости — к избытку,
От расцвета — в прах и снова к цвету —
Ты влечешь на пиршество и пытку
По укладу жизни и обету...

От свободы — к плачу доли пленной —
Так! Аминь цветам земли и горю —
В них я тайной благодати вселенной
Песней сердца, песней Духа вторю...

Вновь День свершил свой пестрый круг...
И вновь — во мгле — со мной сам-друг —
Мне, ослепленному борьбой,
Поет о Вечности прибой...

Стоцветный миг, рассветный час,
Раскрывшись молнией, погас —
И будет сумрак, как ни спорь,
До петухов, до новых зорь.

За тенью свет, за светом — тень —
К полночным звездам дух воздень
И в смуте, в час твоей тоски,
Лишь в кротость душу облеку.

Люблю я этот домик с садом,
С оградой и крыльцом, откуда
Дивлюсь я на дневное чудо,
Раскрытое так щедро рядом...

Долина, холм, а там за ними
Опять сады по горным склонам,
Крест дальней церкви в тонком дыме
И плечи гор в плаще зеленом...

Но в узкой и глухой аллее,
Вот здесь, вблизи благого крова,
Стократ мне ближе и милее
Зеленый конус стройной ели,
Напоминая о метели,
Пришлец с приветствием былого...

Но жребий дал мне эти ставни,
Как дал калитки скрип железный,
Чтоб позабыть тот мир недавний
И душу отделить от бездны...

Так! Крепче доброе забрало,
Чтоб сердце вдруг не опознало
И не изведало той сути,
Что дышит вечностью в минуте.

¹ Вилла ля Тур (*фр.*).

Как снег, повторен цвет полей —
Отсохшей ветки не жалея,
Ни зыбких снов, ни трудных слез —
Всего, что в жертву ты принес...

В метели бытия познай: —
В день воздаянья, в должный срок —
Взойдя, вернет далекий май
Всей щедрой мерой полноты
Все, что у жизни отнял рок,
Все, от чего отрекся ты...

В сокрытом строе мироздания,
В безвестности его путей
Есть горький подвиг ожидания,
Что подвига борьбы трудней...

Без дум, без снов, без слез и смуты,
Как бы в плену у стен глухих,
Какая боль считать минуты
И мерить веком краткий миг...

Так, точно на меже осенней,
Не шепчет ветер в камыше,
И лишь стоят немые тени
В изнемогающей душе...

* * *

Пустыни, дебри — дни и дни —
Здесь в хижине повремени!

Грозой иль вьюгой дышит путь —
Прикрой измученную грудь!

Дик, нелюдим простор степей —
Хоть каплю забытья испей!

* * *

Сердце, миг от вечности наследуй
В час, когда по зову бытия
Собрались на древнюю беседу
Звездный мрак, морской прибой и я!

Когда в твоей слепой дороге,
Предав твой дух огню тревоги,
Твой час над сердцем меч занес,
Проси у жизни дара слез...

Их сирой горечью омытый,
В груди, не знающей защиты,
Ты полночь боли в свет и в тишь
Свое смятенье обратишь...

* * *

Как бы все те же дни и зори,
Но каждый миг, едва взойдя, уже
Горит-цветет в другом просторе
И гаснет на иной меже...

* * *

Зачем, мой Рок, для жизни бренной
Ты дал мне темную межу,
Где двум мирам одновременно
Я, блудный раб, принадлежу?

* * *

Молкнущий вечер во мгле —
Яко земля еси —
Темной и алчной земле
В жертву себя принеси!

* * *

Только грани и оковы
Солнцу вешнему и цвету —
Помолись, монах суровый,
За Ромео и Джульетту...

* * *

Сладко часу звездно цвель!
На земле ступени есть
К неземному рубежу —
Ввысь, куда я восхожу.

ПОЭТУ

Ты в жизни был на высях гор
И — клад заоблачный — простор
Для дум и снов в долину слез
Душе изгнанника принес.

Средь бега дней моих порой
Не своенравною игрой,
А тайной волей бытия
Взрывается вся жизнь моя.
И вновь, как явь, цветут кругом
Деяния и сны в былом —
Как, вдруг, уже цветет в груди
Все то, что будет впереди...

Подаждь мне, Боже Всемогущий,
В час тишины и в час тревожный,
Вступив в твои сады и пущи,
Найти в изгнании путь неложный,
Стезю живую в час грядущий...

Чем дальше путь, тем чаще нужно
Брести слепцом сквозь мрак нежданный,
Лишь ты подашь душе недужной,
В обманах праха безоружной,
Свет истины обетованной...

Вновь, вновь зажегся в должный срок
Стоцветным пламенем восток.
Радеет плуг вблизи, вдали —
Хвала поденщикам земли!

В лазурном зное, в вихрях гроз
Зеленый стебель к солнцу рос,
Луга и нивы зацвели —
Благословенны сны земли!

Поблек в полях зеленый шелк,
И шелест трав уже умолк,
И отлетели журавли —
Блаженной пленники земли!

Не быстрее ног ходули,
И не трутням божий улей!
Все мы в далях правды ищем,
Правда здесь, в уделе нищем —
Петь бездольных побоюсь ли —
Ведь на то и гусли!

Я любил ходить на свадьбы —
Ах, еще раз побывать бы!
А бывал я и на тризне,
Но пою я лишь о жизни,
И ни скудости, ни смерти,
Вы, как я, не верьте!

Знал я зной и знаю холод,
Стар вчера, а ныне молод,
И за скорбь земли былую
Трижды землю я целую,
И земной былинке всюду
Я молюсь, как чуду...

Дан простор земных распутий,
Чтоб цвели века в минуте —
Воет в поле час метели,
Чтоб звучал лишь май в свирели,
Дремлет ночь в земном просторе,
Чтоб всходили зори...

Высокопочтимой Матери Марии

Знак неразгаданного рока
Равно клеймит и прах и цвет,
Но наши пытки лишь до срока,
Как сумрака без меры нет...

Лишь смерч и смерч нам ныне ведом,
Где мирные сады цвели,
И Демон Тьмы кровавым бредом
Сковал сурово грудь земли...

Но благодатные созвездья
Прольют сквозь мрак свой свет на нас,
И близок, близок час возмездья
И щедрый воздаянья час...

Вот Он — грядет рассветный Витязь
В венце из радуг и зарниц —
Гонимые земли, молитесь,
Заблудшие, падите ниц!

ВЕРНОМУ ДРУГУ МАРИИ В ДЕНЬ
ЕЕ РОЖДЕНИЯ

В твой добрый день весь мир кругом
В огне, в крови —
Но ты с молитвой о благом
И впредь живи!

Ты много ведала тревог
В твоём пути
Твой дух их пытку превозмог,
И ты цвести!

Твой дух незыблемо был смел
Средь мрака лет
И в то лишь веровать умел,
Чье имя — свет...

Стремись доверью к бытию
Не изменить,
Чтоб свет и дальше вил твою
Земную нить!

М. А. Ефремовой

Цветам былого нет забвенья,
И мне, как сон, как смутный зов —
Сколь часто! — чудится виденье
Евпаторийских берегов...

Там я бродил тропой без терний,
И море зыбью голубой
Мне пело сказку в час вечерний,
И пел псалмы ночной прибой...

В садах дремала тишь благая,
И радостен был мирный труд,
И стлался, в дали убегая,
Холмистой степи изумруд...

С тех пор прошло над бедным миром
Кровавым смерчем много гроз,
И много боли в сердце сиром
Я в смуте жизни перенес.

Еще свирепствует и ныне
Гроза, разгульнее стократ,
И по земле, полупустыне,
Взрывая сны, гудит набат...

Но сон не есть ли отблеск вечный
Того, что будет наяву —
Так пусть мне снится, что беспечный
Я в Евпатории живу...

**ИЗ НЕ ОПУБЛИКОВАННОГО
ПРИ ЖИЗНИ**

Уже вечереет... Спустился туман.
У берега тише шумит океан...
Рыбак, утомленный дневною тревогой,
Плетется с добычей к избушке убогой,
И, полный признанья, бросает он взор
На моря родного туманный простор...
И берег уснувший угрюмо лежит,
Одна лишь высокая ива не спит...
Покорная ветру, над шумной пучиной
Качает надломленной бурей вершиной
И шепчется тихо с прибрежной скалой
О вихрях промчавшихся ночи былой.

Передо мной все тот же шум глухой,
Дитя знакомого смятенья,
Все тот же яростный прибой,
Упорный, как огонь сомненья,
Все тот же сон на берегах...
Все те же сосны вековые
Стоят, как стражи на часах,
Все тот же прежний ряд холмов,
Волной сметенных океана,
Все тот же давящий покров
Осенней ночи и тумана.

ОТРЫВОК, НАПИСАННЫЙ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ
С УМИРАЮЩИМ ИБСЕНОМ

...Едва они уйдут, борцы и властелины,
Как юрко проползет по их следам, как тать,
К орлиным гнездам карлик из долины —
И кто поможет бремя жизни приподнять?!
Их голос громовой умолкнет глухо, жалко...
Живую весть с наджизненных высот
Людская память, сонная весталка,
Как праздное сказанье переймет...
И скоро вздорный внук, весь в дедовском наряде,
На чахлый лоб надвинув шлем его,
Пойдет расхаживать на пошлом маскараде...
Великий, — вот удел величья твоего!..

Нарядно выстав дол, взбегая на холмы,
Красуйся, шелести, зеленый океан!
Твой радостный простор мой дух освобождает
От горькой слепоты незнания моего,
И в полноте восторга сердце постигает
Премудрость Пахаря и Замыслов Его.
Всю горечь дней моих и боль душевных ран,
Поникнув пред Творцом, смиренно забываю
И с шелестом твоим свой тихий вздох сливаю.
Красуйся, шелести, зеленый океан!

Как водопад, дробящийся о скалы,
И громок и красив наш пламенный порыв...
И всяк из нас, как путник запоздалый,
Подходит к торжеству угрюм и молчалив.
День подвига, желанный миг победы,
Едва прошел, мы горько жаждем сна —
Добыча же другим... Мы слишком домоседы,
Чтоб вдаль идти, пока нам жизнь красна.
Одно усилие, и человек бессильный
Исчерпан весь, ни сил, ни жажды нет...
О, снизойди скорей, огонь плавильный,
И переплавь расслабленный наш свет!

Пока наш день и светел и росист
И ум пылает замыслом рассветным,
Мы всей душой, как вешний нежный лист,
Впиваем луч с упорством беззаветным...

В уступах Утра много ступеней,
И много сил у жизненного чуда,
Чтоб нам уйти от ужаса теней,—
Не спрашивать, зачем, куда, откуда...

И вот бегут певучие часы,
Вот пламя в сердце, звучность в каждом слове,
И свой расцвет у каждой полосы,
Как если б мир раскрылся к жизни внове...

Но в каждый миг мы ближе к высоте,
Где ждет нас полдень, отдых перевала,
Где на раздельной каменной черте
Иных морей зеркальность задрожала...

Здесь в первый раз простор необозрим,—
И в первый раз, у грани поворота,
Над всем, что было-будет, мы парим
На краткий миг, как капли водомета...

Но миг прошел, и нам уже нельзя
Внимать речам полуденного звона,
И видим мы, как падает стезя
В томительных извилинах уклона...

Вдали, внизу,— на темном горном дне,—
Как серый желоб, тянется ущелье,—
И трудно нам на каждой крутизне,
И молкнет крик недавнего веселья...

* * *

В полдень мы были высоко в горах —
Вместе забыли мы рыночный прах.
Все мы имели: простор впереди,
Гордую веру в груди!
В этот святой, торжествующий час
Мир был наряден и светел — для нас.
Миг торжествующий нас приобщил
Богу живому мечтаний и сил.

* * *

Я светлый оникс — я лежу в земле —
В мучительной и мерзостной темнице,
А ты, мертвец, обрадовался мгле
И траурной дешевой колеснице.
Я свет свой жаждал жизни расточить,
Навеки замкнутый под слоем чернозема,
И силюсь в темноте сорвать его печать,
А ты, зарю забыв, лежишь в земле, ты — дома.

Я видел надпись на скале:
Чем дальше путь, тем жребий строже,
И все же верь одной земле,
Землей обманутый прохожий...

Чти горечь правды, бойся лжи.
Гони от дум сомненья жало
И каждой искрой дорожи —
Цветов земли в Пустыне мало...

Живя, бесстрашием живи
И твердо помни в час боязни:
Жизнь малодушному в любви
Готовит худшую из казней.

Одиноко пробегает
В поле пыльная тропа,—
Грузно землю попирает
Утомленная стопа...

Под холодным серым небом
Только вспаханы холмы,
Кто ж навстречу выйдет с хлебом
Для скитальческой сумы?!

Поле... поле... Мир просторен!
Всюду пашни в стороне,—
Много Пахарь бросил зерен,
Много ль будет на гумне?!

Ждут посевы всхода, роста...
Скоро ль грянет летний гул? —
С отдаленного погоста
Наклоненный крест мелькнул...

Извиваясь одиноко,
Там кончается тропа,—
Кто же там почил до срока,
Кто не дожил до снопа?!

Уже в долинах дрогнул трепет томный...
Как изумруд, сияет мурава...
И дольше день зиждительно-истомный,
И светлым зноем пышет синева...

И снова жизнь могуча и нова!
И человек, забыв о грани темной,
Слагает в песню светлые слова,
Чтоб славить жизнь и труд ее поземный...

О, нежный ландыш! Божий василек!
Кто вас таким сиянием облек,
Чтоб усыпить людской души сомненье!..

О, вешний луг! Пошли и мне забвенье
И, дрогнув тайной радостью в груди,
Ко мне дыханьем силы снизойди!

Весна не помнит осени дождливой...
Опять шумит веселая волна,
С холма на холм взбегая торопливо,
В стоцветной пене вся озарена...

Здесь лист плетет, там гонит из зерна
Веселый стебель... Звонка, говорлива,
В полях, лесах раскинулась она...
Весна не знает осени дождливой...

Что ей до бурь, до серого томленья,
До серых дум осенней влажной тьмы,
До белых вихрей пляшущей зимы?!

Среди цветов, средь радостного пенья
Проворен шаг, щедра ее рука...
О, яркий миг, поверивший в века!

Наши севы, наши всходы
Смерть пожнет своей косой,—
То, что мы слезами годы
Поливали, как росой...

Средь полей необозримых
Туча с неба водит тень...
Мир — простор хлебов озимых...
Все — на некий дальний день.

Звонко их весна разбудит,
Будет в жатву жизнь красна,
Только пахаря не будет
На святом пиру зерна...

Твой знак пред жизнью — вереск гор.
Из синевы его убор...
Его лазурный, долгий век
Красив в росе, красив сквозь снег...
Пыланье розы, цвет гвоздик
Угрюмо чахнет в серый миг...
А он упорно, дни и дни,
Стократ наряднее в тени —
Зане он в мире знак живой
Того, кто явлен синевой.

PELEGRINAGGIO ALLA MADONNA ¹
DEI MONTI

Немая грусть все беспредельней,
Загадочней тоска в мольбе —
В моей душе, в твоей часовне,
Где все молитвы — о тебе...

И с бегом часа все бескровней
Живая жажда полноты —
В моей душе, в твоей часовне,
Где в снах и думах — только ты...

¹ Паломничество к Мадонне деи Монти (ит.).

Когда, дрожа, я мерю зачастую
Всю дрожь свою,
В тебе, поэт, все ту же боль святую
Я узнаю...

И полно сердце ревностным приветом
Душе твоей,
Чтоб был твой жребий красен пестрым цветом
Часов и дней, —

Чтоб ты умел, в дороге дольней мира,
Скорбь превозмочь,
Когда, в пыли, друг друга встретят сироты —
Душа и Ночь!

Дрогнул и грянул безбрежно,
Землю сзывая на вече,
Колокол силы живой, —
Будут от вести мятежной
Сталью невольничьи плечи,
Скованный дух — тетивой!

Вот оне, грозные стрелы,
Реют и ранят смертельно,
Молния — красный их след!
В каждой груди оскуделой
Всходит заря беспредельно,
Вечное солнце и цвет...

Пепел проклятья на старом:
Горькая быль — на погосте,
Темное время — в гробу!
Славьте новь жизни! И с жаром
Славьте бессмертные кости
Павших за зов на борьбу!

Прахом распались оковы,
Русь, как единая грудь,
С верою в жребий свой новый
Ринься в свой солнечный путь!

В рабстве служили невзгоде
Все твои степи, края,—
Будет отныне в свободе
Грозная сила твоя!

Трижды Бог помочь державе —
Родине в пору забот...
Царствуй в величье и славе,
Русский свободный народ!

14 апр. 1917 г

Живой тоске не нужно больше слез...
Глухим прибоем дышит у могилы
Ушедшего теченье пестрых дней,
Но вещий дух, как радуга живая
В росе земли, цветет бессмертно в нас...
С тех пор, как плакал колокол угрюмый,
Уже глубоко мир преобразился
И трепетно — до сердца своего —
Земля свои законы изменила,
И правит жизнью новая судьба.
Но в Нем, чья доля — прах в глухом гробу,
Не больше ли могучего деянья,
Чем в нас, свой жребий алчно создающих,
Тоскующих по солнцу беззакатном,
Чтоб наконец был долог русский день?
И если б кто был послан отвалить
Тяжелый камень, гроб Его замкнувший,
Он в темном прахе Смерти не нашел бы...
Почивший Зодчий в вечности воскрес
И ширит в жизни звездное сиянье,
Стезю бессильных в мощь преображая...
Он с нами был средь трудной тени утра,
Он нам предрек лазурь и глубь полудня,
Он будет нам вечернею звездой —
И в сиром сердце нет ненужных слез!

I

Пока ты, весь средь славы горной,
Всегда на новь вещей глядишь,
Я с грустью тку свой день повторный,
Влачу в тоске ночную тишь.
Нам, братьям, жребий дан различный:
Твой каждый час — что хлеб пшеничный,
И с ним ты крепок, с ним ты — царь...
А мне мой миг — кроха, сухарь,
Не в меру жесткий, слишком черствый!
Но как бы я ни звал порой
Цвет дня ненужною игрой,
Храня в груди завет: «Упорствуй»,
Приемлю скудость, боль, суму
И верю часу моему...

II

И как не веровать смиренно,
Что в суете путей людских
Есть звездный знак на яви брэнной,
И входит вечность в беглый миг...
И если нужно божьей воле,
Чтоб застонала грудь от боли,
Пусть жребий мой волной огня,
Как ризой, облечет меня...
Привет земным слезам и горю!
И в терниях, служба кресту,
В простор веков да возрасту
И в трудных пытках да ускорю
.....
.....

III

Кто жрец? И кто — огонь суровый?
Чьи дни — как плавный воск полей?
Не знаю... В храме жертвы новой
Я весь — и пламя и елей...
И всей душою обделенной
Я пламенею умиленно —
На свет и боль тоски святой —
Неугасимой полнотой...
И как судил мне жребий строго,
Та власть, в чьей воле — все пути,
Я буду жертвенно цвести
У заповедного порога,
Где сердце ждет полдневный зной
И весь безмерный круг ночной...

Есть некое святое принужденье,
Насилие, чья пытка благотворна,
Как только благо — горький меч творящих
Новь бытия во славу бытия.
Так нужно нам, так вечной правде нужно,
Чтоб тайна мира вечно колосилась,
И в божьем мире были непрерывны
Ступени праха к Богу своему.
Иначе кровь и смерть не перестанут.
Кто принял боль, кто весь приемлет жертву,
Тот благостно познает навсегда
Живое чудо нового Крещенья.
Земные братья, близок час рассветный,
Кончайте же пустынную тропу,
Бросаясь слепо в воды Иордана,
И будет в мире молодость души.

Открылось солнце бытию —
И вновь, венчая грудь мою,
Цвел миг, и в нем я был в раю...

И были в сердце все цветы,
И вдруг возник, на зов мечты,
Час неизбывной полноты...

Взошла полночная волна,
И звездным светом в глубь без дна
Была душа облечена...

И был бездомный дух в огне...
Отсель лишь тлеет в тишине
Зовущий душу сон о сне...

Земной поклон земле былой,
Где свет зари сменился мглой
И зной полудня стал золой!

Нездешний миг уже вдали...
Но были звезды, сны цвели
В безмолвных омутах земли!

Велик был в жизни клич его громовый
К восстанию униженных земли —
И вот уже от молний правды новой
Венцы — во прахе, скипетры — в пыли!

И вот уже от дум его бессонных,
Где пестовал он славу бытию,
Светло восходит солнце обделенных
И закален час истины — в бою!

Он жил в плену, но в мире всепобедней
Рать малых мира шла на торжество,
И в час возмездья Первым стал Последний
И не придет царствие его!

Пусть с верой в солнце правды беззакатной
В глухом гробу он ранее остыл,
Чем пал на мир тот молот благодатный,
Что им впервые грозно вскинут был.

Но вещей дух и сердце на чужбине
На жертвенник свободы возложив,
В свершении надежд своих отныне
Ликующе он в нас пребудет жив...

Пройдут века, погаснет срок за сроком —
Не ответут зацветшие поля!
Он победил в гробу своем далеком...
Свят прах его, легка ему земля!

Андрею Белому

Вот вновь нам знак, вот вновь зарницы —
Слепое сердце, только верь —
Исполнилось, что праху снится,
В плену приотворилась дверь!

Аминь! Цветет венец терновый
Вселенской Вечере отсель,
Благослови свои оковы,
И будет время — колыбель...

Исходит в мире бремя горя
И мера скудости земной,
Чтоб ты, ручей в безмерность моря,
Стал утренней его волной!

Чем больше в мире я живу,
Тем меньше знаю слов —
Дух — звездный призрак наяву,
Дух — звон колоколов...

И оттого в житейском сне,
Творя вражду и спор,
Молюсь безмолвно тишине,
Немым обрываю гор...

Цветет ли свет моей тоске,
Иль миг приемлет тьму —
Аминь! На смертном языке
Нет имени ему...

Весь мой напев — как бездны вечной ночи
Средь вечных льдов...
Он — там, где жизнь гнетет всего жесточе
Сирот и вдов...

И где судьба разит своей лавиной
Людей, как мух...
На зов же кроткой песни соловьиной
Я — нем, я — глух...

Мой дух к певучести не клонит
Весенний хмель,
Он — там, где Смерть глухие смерчи гонит,
Грозу, метель...

Он — там, где света-счастья — искры-крохи,
Где — жизнь: терпеть,—
А про цветы, про блески, грезы, вздохи,—
Не стану петь!

Вере Риттер

Предав свой жребий бездорожью,
Невольник в стороне чужой,
В тоске безлюдья, спелой рожью
Я брел пустынною межой...

И брел я и шептал невольно:
Хлеб наш насущный даждь над днесь...
Зачем, творец, душе так больно,
Зачем так сиротливо здесь?!

И вдруг зажглось, как факел в храме,
Мое поникшее чело...
Блажен, чье сердце васильками
В пустыне жизни зацвело!

Вере Георгиевне Риттер

Хоть все равно по воле рока,
Где странствовать, куда идти,
Но ты тропюю одинокой
Плестись по свету предпочти...

Ведь быть, как все — служить минуте,
Цвести и вянуть в тот же миг,
И лишь сквозь мрак и боль распутий
Тень вечности твой дух постиг...

Плетись же вдаль с пустою грудью,
С немим крестом земной тоски —
И, гордо радуясь безлюдью,
В согласье хаос обними!

Нет в круге бытия отдельно
Ни звездных далей, ни земли —
И ты прими час жизни цельно,
Огня на искры не дели...

Судьба не ждет, являясь с даром,
И ты не мудствуй и не жди —
Или не вспыхнуть зорям-чарам —
И молнии не цвествь — в груди!

На краткий миг — земное благо,
На миг — восставшая волна...
Блажен, кто с алчною отвагой
Свой кубок осушил до дна!

Бери от часа все, что можешь, —
Так, в смуте, учит жизнь меня...
Прихода ночи не отложишь
И не ускоришь грани дня...

Пел я Мэри, пел я Вере
И Густаву пел, любя,
Отчего же в той же мере
Не пропеть и про себя?

Я любил свой путь среди зноя,
Снов и бедствий череду.
Но открой мне, Боже, кто я
И куда, в пути, бреду?

Пел на утреннем пороге,
Буду петь я и в ночи.
Только кротости в дороге,
Боже, сердце научи!

Ценнее речи — час без слов,
Где даже вздох неразличим...
Мир от него как будто нов —
И Рок так явственен за ним.

Грудь, обреченная на тьму,
И сердце, отданное мгле,
Приблужишь к Року своему,
В безмолвии припав к земле.

Безгласный час есть дню венец,
Безмолвие в глазах раба,
Безмолвен тайный жар сердец,
Но всех безмолвнее судьба...

* * *

Людское слово ведь находит
Лишь имя пустоцвету дел,
И лишь безгласье нас уводит
За человеческий предел...

* * *

Мы часто понимаем сами,
Что, звоном слова тишь дробя,
Мы лишь стараемся словами
Скрыть роковое от себя.

* * *

Пока дитя не знает речи,
Оно не говорит и лжи —
Ты взрослый, в час житейской встречи
Язык немного придержи...

* * *

Как в круге бытия суровом
Ночь следует за днем
Иль холод за огнем,
Так час безгласья следует за словом...

* * *

Одна есть мудрая наука —
Презренье к часу и покой!
Вы хоть не верьте близоруко —
Как я не верю — в суд людской...

ЖЕРТВЕННЫЙ ДЫМ

Перевод с литовского

Взлетев из гнезда родного,
Быстро подросшая птица,
Взмывает снова и снова,
Кружа, в поднебесье резвится.
Раб, печалься в подвальной мгле.
Ты — бескрыл, ты — в земле.

Тень по лугам убегает
В потоках косога света;
Облако проплывает,
Гонимо волею ветра.
Друг, в тоске оброни слезу;
Ты — земля, ты — внизу.

Где Путь раскинулся Млечный,
В бездну веков — дорога,
Сияет жертвенник вечный,
Роятся созвездия Бога.
Ты один лишь во мгле,
Ты — лишь грязь, ты — в земле.

Сонет

Твой канклес — не для пламени сраженья.
Пой о Вселенной, славь небесный свод,
Сады, пустыни, звезд полночный ход,
Загадочное вечное круженье.

Яви не к алой розе восхищенье —
К простой траве, шумящей у ворот.
Событий, дел и дум круговорот
Приносит обновленье, очищенье.

Песнь жизни пой, чтоб радость зацвела
Для тех, кто жатву скудную собирает
И клад веков не принял в мире зла.

Пускай надежда в сердце обитает
И весть о солнце, что во сне пришла.
Чу, петухи поют... Уже светает!

После горестей зимы
Вновь весну встречаем мы —
Гостью светлую из тьмы.

Снег, мороз, сугробы — прочь!
Пусть расплавит нашу ночь
Солнца пламенная дочь!

А приданое у ней —
То, что с первых в жизни дней
В мире нам всего родней.

Замелькают чудо-дни,
Как волшебные огни.
Каждый день и час цени!..

Будет ярким свет вокруг.
Пусть и буря грянет вдруг.
Не опаздывай, мой друг!

На лугах до темноты
Будут люди рвать цветы.
Жалоб не услышишь ты.

Канклес — речь поэта,
Песнь — язык волхвов.
Чувствующий это
Видит даль веков.

Пусть загадок полон
Мир огней, теней,
Путь предвидеть волен
Жрец бегущих дней.

В звуках звонких, легких,
Что с небес пришли, —
Сказки звезд высоких,
Жалобы земли...

Песня совершает
С нами вечный путь.
Канклес утешает:
— Веселее будь!

Звуки мягки, сладки;
Песнь миров иных
Разрешит загадки,
Исцелит больных.

Хоть полна страданья
Чаша бытия,
Небывалой данью
Одарю вас я...

Дар великий Бога
Песнь передает.
Рухнет сон убогий,
Роза расцветет!

В высях звук рождается,
В нем — незримый свет.
Песнь подхватит птица,
Допоеет поэт.

О ромашка, цветик нежный,
Путь мой скрасила не ты ли?..
Повстречалась — в шапке снежной,
Белая средь серой пыли.

В сжатом поле — дар случайный.
Чудо доброе, живое.
Одинокий шел, печальный,
Но теперь нас в бездне — двое.

Изменился мир окрестный,
Унялась тоска былая.
Я расстался с ношей крестной —
Миновала доля злая.

Кубок солнца полон света...
А душа вдруг стала смелой.
Ранит грудь дыханье лета —
Пение ромашки белой.

Стоит среди поля,
Всегда зелена,
Литовская доля
С ней сплетена.

В весенней одежде
Иль в зимний простор,
Лишь ель, как и прежде,
Хранит свой убор.

Такой и явилась
Из дальних веков,
Главой не клонилась
Средь бурь и ветров.

Нежна и сурова,
Способна колотьяся;
К защите готова,
Как сердце литовца.

Печаль и смятенье
Сердце таит:
Голгофы виденье
Его бередит.

В лаптях бедолаги —
Литовцы окрест
Пронесят в отваге
Тяжкий свой крест.

Кривыми путями
Приходят враги.
Спешат, под лаптями
Скрыв сапоги.

Сквозь все испытанья
Литовцы пройдут.
В борьбе их страданья
Лишь сил придадут!..

И ель, что под солнцем
Пребудет всегда,
Подобна литовцам —
В стремленьях тверда.

Как ива возвращает листья,
У солнца взятые займы,
Своим богатством поделись ты
С друзьями в горький час зимы.

Подобное для скряги — гибель,
Но чутким сердцем ты поймешь:
Такой дележ — прямая прибыль;
Отдав, ты многое возьмешь.

Дай другу хоть бы горстку зерен
И свой надел засея потом.
Спеши и будь в труде упорен.
И горсть зерна взойдет снопом.

Из пылинок малых скалы.
Пойте славу им, цимбалы!

Морщит лоб гора сурово —
Дажемышь спасти готова.

Сотни лет скала стояла,
Угнетенных заслоняла.

В пропасть сброшены вандалы.
Пойте славу, о цимбалы!..

Облака пылинок в камни —
Сжаты, сплавлены веками...

Вечный трон не станет прахом,
Всем врагам грозит он крахом...

Очи горя видят лишь мечту.
Искорка, ты гаснешь на лету!

Молнией нежданной освети
Путь нам, заблудившимся в пути...

Час великой бури Богом дан.
Я молитвой встречу ураган...

Горе учит нас возмездья ждать,
Не дождавшись — Бога проклинать...

Но огня небес не вижу я,
Полузрячий нищий бытия...

Может, ночь уже зарей цветет?
Помолись, и утро вновь придет...

Средь огней земных во тьме бреду —
Вновь от солнца милостыни жду.

Разум слеп, но сердце может вдруг
Разгадать все таинства вокруг.

Станет ель доской тесовой, но
Щепкам, стружкам — жизни не дано.

Лепесток, увянув, отшумит;
В капле океан не загремит.

Солнце, синева, вечерний свет —
По отдельности их в мире нет.

Ветер, туча — сами по себе.
Буря их соединит — в тебе.

Смерть с рождением разделить нельзя.
Нет их — значит, нет и бытия...

Станет человек самим собой,
Если сладкой будет сердцу боль.

Хвалу воздай Искорке —
Легенде живой!
Пращурьы высекли
Огонь вековой.

Прекрасно умение
Былое ценить.
В каждом мгновении —
Вечная нить.

А кто полагается
На блеск мишуры —
Невеждой останется
Средь вечной игры.

Хвалу воздай Искорке,
Будь в жизни толков —
Иди к вечной истине
Дорогой веков.

Звук свирели в отдаленье...
То вечернее моление,
Всем усталым — умиление.

Пой, свирель, чтоб замолчали
Все, что плакали, кричали.
Расскажи про их печали!..

Ночь давно глядит из сада.
Тайна — грустному услада.
Но не спит он, вот досада...

А уснет, и страхи бденья
Заползают в сновиденья,
Бродят, будто привиденья.

Тонок, нежен звук свирели.
Укачай, как в колыбели;
Пой, чтоб люди подобрели...

Чтоб не знавшие привета
(Голод, тяжкий голод этот!)
Позабылись до рассвета.

Сон укачивает нас.
И, как вор в полночный час,
Горе в дом находит лаз.

Там, где тлели сны, мечты —
Сто забот и боль тщеты...
Мир познал сегодня ты!

Что ж, терпи, хоть горек суд.
Новые мечты придут,
Новые цветы взойдут.

Словно нивы по весне,
Ты шумел вчера — при мне,
Розу счастья рвал во сне.

А теперь: в руке — клюка,
В сердце — боль, зима близка.
Быль земная коротка!

Таить именье —
Не стать богаче.
Лишь отреченье —
Залог удачи!

Мы ищем где-то
Клад заповедный.
А чудо это —
Под крышей бедной...

Под ношей гнется
Скупец, качаясь.
Пылинка вьется,
Не истончаясь...

Богач сгорает
В огне от страха.
Бедняк теряет
Лишь горстку праха...

К тропе укромной
Трудна дорога.
Получит скромный
Вдвойне от Бога!

Боже, хлеб умножь наш сущий,
Мак, горох, всяк злак растущий —
Склад добра на день грядущий.

Голод наш поправ, ты позже
Укрепи и дух наш тоже —
Колокольным звоном, Боже!

Сердце верить не устало.
Чтоб земля цветущей стала,
Раб, толкай свое орало!..

Слышно песни в отдаленье;
Удивят лишь на мгновенье,
Словно ветра дуновенье...

Пусть трудна твоя дорога,
Пой, певец, сурово, строго.
Слово — молния от Бога!

Для народа — песнь вот эта.
Правдой боль ее согрета
И — сиянием рассвета...

Грохочет буря — голос рока.
Запомни, сердце, там — во мгле,
Разлучены навек жестоко,
Два корабля плывут к земле.

Белеют волны на просторе,
Валы кипящие вокруг...
То, может быть, тоскует горе
Иль счастье закипает вдруг...

Разлука — тяжкая утрата.
И тот, и этот — одинок,
Скорбит, что мысли друга-брата
При встрече выслушать не смог.

А ветер в парус бьет угрюмо,
И в волнах дышит черный страх.
...Кто знает, что там в бездне трюма —
Богатство или нищий прах?

По поздним звездам путь находят,
Проходят черные моря...
Порознь скитальцы в порт приходят,
Порознь бросают якоря.

Мед мгновений пьем легко,
Чару вскинув высоко.
Пей, ликуй — судьба дала!
Только чарка так мала.

Чудо-лакомство таит
Яд сомнений и обид.
Сладостный увидишь сон,
А очнешься — боль и стон.

Путанны, в конце концов,
Поученья мудрецов.
Человек и сам поймет:
Бытие его — не мед.

После пира — злые дни,
Въяве адские огни,
Призраков пугливый рой,
Голоса — в земле сырой...

Что ж, напитка не жалей,
Хочешь быть хмельным — хмелей!
Горечь в радости видна.
Привыкай и — пей до дна.

И познаешь в цвете лет
Ранней мудрости обет,
Гордой бедности искус,
Корки черствой сладкий вкус.

Не щадите барабана —
Пусть его любой лупцует.
Режьте жирного барана —
Горе в эту ночь танцует!

Запирует пусть на воле
Тот, кто гол и обездолен,
Кто за грош работал в поле,
Спину гнул за горстку зерен!

Пусть свирели небо будят,
Пусть поют мужчины басом,
Пусть всем вдоволь хлеба будет
С жареным душистым мясом!

Братья, сестры, ночка эта —
Наше счастье, наше диво...
Тишиной земля одета,
Звезды блещут так красиво!

В ночи шумит, бушует море.
Молчит угрюмая скала.
И победит в извечном споре,
И снова сломит силу зла.

Вскипают волны в иступленье,
Богатыри морских глубин.
Но гибнет — каждое мгновенье —
За валом вал среди теснин.

И вырастает из тумана
На радость отчим берегам
Утес — подобье великана,
Что тяжкий груз швырнул к ногам.

Где волны бились — брызги, пена,
А вместо грома — долгий стон.
Стихает буря постепенно,
Валы уходят, словно сон.

Гордись, скала, воитель вольный,
Что ты в любом бою тверда.
К ногам твоим ложатся волны
И — затихают навсегда...

Майронису

Hear the tolling of the bells —
Iron bells!

Edgar Allan Poe¹

Черное крыло растет над лугом...
Кончились балы и угощенья
Там, где пировал я с милым другом,
Руту рвал — себе на украшенья.

Травы сникли следом за цветами,
Черной вестью дарят, шепчут вяло,
Что погасли розы, словно пламя,
Утро сон счастливый потеряло.

Полнятся туманом буераки,
Сумрак на зубчатый лес ложится.
И, как грустный жертвенник, во мраке
Что-то там на западе дымится...

Я лицом упал в траву, стенаю:
Как продлить минуты голубые?
Солнце село — за лесной стеною.
Дни мои пропали молодые.

¹ Похоронный слышишь звон, звон железный!
Эдгар По. (Перевод В. Брюсова.)

Голод — рыцарь сей юдоли,
Пастырь дней в небесном поле.
Смерть — в его всеильной воле.
И слезами всех времен
Плащ скитальца окроплен.

Черный всадник — на погосте,
Бич привязан к мертвой кости.
Конь невзнуздан, полон злости.
Лишь заржет — летит во мгле
Эхо плача по земле.

В барабан ударит рыцарь —
Куколь кровью обагрится,
Вспыхнет черная десница.
Вороны летят оравой,
Пир предчувствуя кровавый.

Барабан гремит: «В дорогу!»
Всадник лишь поднимет ногу —
Все мертвеет, впав в тревогу.
Славя мерзкие дела,
Хрипнут вдруг колокола.

Нищих он свирелью манит.
Зов Вождя сердца их ранит;
Бедняки придут, и встанет
Зарево во тьме ночей,
Рухнут замки богачей.

Пыль, труха — его святыня.
Где пройдет он — там пустыня.
Пей за рыцаря, разиня,
Сок березовый глуши.
Барабан гремит, спешим!..

Пыль, труха — всего основа.
Пей за рыцаря святого,
К людям смерть ведет он снова...

Жрец открыл мне кроху тайны:
Неполезен миг случайный,
Малым искоркам — в обычай
Мраку делаться добычей...

Час придет — зеницы долу:
Урожай готов к помолу,
Для дорожной для потребы
Выпекай коржи и хлебы...

Чуть видны земные тропки,
Но серьезный и неробкий
По камням и по снегу
Все-таки придет к ночлегу...

Пусть полным-полно колдобин —
Все же ты идти способен,
И на путь не станешь ложный,
Смелость — это мост надежный...

Странники веселья — святы,
Скорбные душой — трикраты,
Ведомо: краса младая
Умывается, рыдая...

Счастье царствует на нивах
Для убогих, для счастливых,
Кто трудился — ценит воздух,
Ценит сон и небо в звездах...

Но спросил я: в чем отличья
Звезд, небесного величья —
От свечи, земного света?
Жрец, увы, не дал ответа...

Врата рассветные открыты,
Земля в последних каплях рос
Тепла, как девичьи ланиты,
И скоро станет жарче роз...

Как вознесенные знамена,
Плывут, пылая, облака,
Их строй взирает с небосклона
Торжественно и свысока...

Курятся сосны, словно свечи,
Дыханье ладана — во мгле;
Твори молитву, человече,
За все живое на земле...

Пусть радость принесет работа,
Сомненья сгинут без следа —
Да будут жертвой — капли пота,
А жертвенником — борозда!

Брат пустующей долины,
Коль не хочешь быть с людьми —
Перейми полет орлиный,
Крыльев пару в долг возьми...

Заприметит взгляд твой зоркий
Все черты в земном мирке:
Рощи дремлют, как пригорки,
И вблизи, и вдалеке...

Глянь — полоской сиротливой
Ивняка видны верхи,
Он стоит вокруг жалкой нивы
И следов твоей сохи...

Этот малый и неяркий
Образ — близок и глубок:
Даже пол твоей хибарки —
Мироздания клочок...

Так — судьбы неуголенной
Вдаль проляжет колея:
Зацветешь, не отделенный
От загадки бытия...

Ибо все, что копят годы,
Все, что принесет заря, —
Тот же самый храм природы,
Тот же отблеск алтаря...

За пущами, где лишь сосняк да омела,
Где разве что жрец пробирается смело,
За горькими долами мрака и боли,
Где царство — разрухе, а бурям — приволье,
Хранятся во тьме и в тиши, за горами,
Священные канклес во пламенном храме...

Пусть жертвенник сей не для смертного ока,
Но отблески людям видны издалека,
Глядят они вдаль и не знают, откуда
Взвиваются отсветы вечного чуда,
Взвиваются искры, как вспыхнувший порох,
И виснут созвездьями в черных просторах...

А канклес поют, чтоб утихли злоречья,
Но — спит и коснеет душа человекья,
А коль донесется далекое эхо —
Его не расслышат средь брани и смеха, —
В миру малoverном, слепом и суровом
Мгновенье — считают достойным уловом...

Но кто не падет — пусть надежда разбита,
Кто поровну славит и куколь, и жито,
И то, что желанно, и то, что обманно, —
Тому лишь дорога во тьме осиянна, —
И канклес играют, и служат защитой,
И жизнь перед ним — словно сад плодovitый...

Коль над душой владычат миги,
Ей пышной жатвы не сули.
Земля ложится под вериги,
А ты — ничтожный крот земли...

Пусть много ты стерпел, орадай,
Но будут в куколе хлеба,
Часы подобны ниве сжатой,
А ты хлебам — взамен раба...

Отмой персты от глины скользкой,
От сердца дольний прах отринь,
На миг забудь про все, что близко,
И вдаль взгляни, в простор и в синь...

Увы, твой кубок не таков —
Так не взыскуй земных оков:
Опорою твоею будет
Неведомая грань веков...

Вот — жизни песня хоровая,
Над нами властвует она,
И сердце, часть ее впивая,
Свободно, как в морях волна...

Перешагни земное горе,
Восстань и властвуй над судьбой:
За дверью — новой жизни зори,
Вселенная — перед тобой!

Мгновенье — мгновеньем отпето,
Столетия — в столетия канет.
Ромашка, не плачь и не сетуй,
Что венчик твой скоро увянет...

Бессмертье не ведает срока,
Круг жизни — и вечный, и полный:
Лишь то, что вконец одиноко,
Отходит и гаснет, как волны...

Вселенная гордо и тихо
Себя возрождает в растенье:
Не попросту пахнет гречиха,
Но — в жертву приносит цветенье...

И все мы уходим печально,
Однако отнюдь не навечно,
Оттуда, где жизнь безначальна,
Туда, где она бесконечна...

Не для твоей любви великой
Пестры цветы садов земных,
Любуйся розой и гвоздикой,
Но не плети венка из них...

Столетиям жертвенник отраден,
На коем все всегда в цвету:
А сорванный цветок украден,—
Так не кради же красоту...

Вон там — белейшая из лилий,
Вон там — фиалка, посмотри —
Как свечи в алтаре застыли:
Стань как они — цветы, гори!

В цветах — восторг метампсихоза,
И путь земной, и цель пути:
Когда перед тобою роза —
Не рви ее, а с ней цвети!

Вдаль ведет земная тропка —
То решительно, то робко,
Не поймешь наверняка —
Цель близка иль далека...

Было солнце в горней сини —
Но черед ненастью ныне,
Токами холодных вод
Разрыдался небосвод...

Нынче солнце всемогуще,
Все цветет, поля и пуши —
Но уже лежат вразброс
Лепестки увядших роз...

Что цвело красою вешней —
Блекнет, гаснет все поспешней,
Гибнет в краткие часы
Обреченный блеск росы...

Чем зрелей, тем неприметней
Угасанье жизни летней:
Осень, хоть на миг продли
Сон пылающей земли...

Поспешно время, ярки и отлоги
Тропинки дней —
Идешь и вспоминаешь по дороге —
Сколь многое оставил ты на ней.

Раздуешь свой костер в священной дрожи, —
Во мгле былой
Увидишь: пламя жертвенника — то же,
Что в прошлом, и сверкает под золой.

Вот — огоньки затеплились уныло
Вдали, вдали...
Однако там, где пламя их застыло,
Теперь тебя уже бы не нашли...

Пустым полям единый жребий выпал —
Покой да тишь, —
Свой урожай ты в закрома засыпал,
Которых никому не отворишь.

О память сердца, ничего не комкай!
Бредя сквозь дни,
Сокровищем веков, родной котомкой
Не брезгуй и в пути не оброни...

Ты, слуга земли бесплодной,
Словно вихрь, взлети, свободный,
Взвой, как буря: в этом вое
Пусть проснется все живое,
Ты борец и ты оратай,
Смело встань и гордо ратуй!

К небу взвейся башней пыли,
Чтоб леса покой забыли,
Разбуди грозу в пространстве,
Но — вернись домой из странствий,
В свой войдя приют убогий,
Будь свободным, словно боги...

Вырос ты под нищим кровом, —
Был покорным — стань суровым,
До небесной до лазури
Вскинь волну великой бури,
Вспень пучину океана —
Верь в надежду неустанно!

Яростью грозы поддержан,
Будь настойчив, будь рассержен, —
Растревоженная бездна
Для души земной полезна,
Так спаси ее, порадуй,
И — вернись домой с наградой...

Ночною тишиной гонимый,
В иные день спешит края,—
Ступает по земле незримый
Блюститель храма бытия...

Он все хранит — ему не жалко
В душе цвести заставить сад:
Пусть глянет на тебя фиалка,
Пусть роза копит аромат...

Он горесть каждую почует,
Он, повелитель тишины,
Болезнь любую уврачует,
Навеет ласковые сны...

Земное бытие в истоме,
Когда нисходит господин:
Так спит, наверно, в отчем доме
Вернувшийся заблудший сын...

Молодеет сердце счастьем,
Но от горя глаз не застим:
Горе часто и всерьез
Нам плетет венки из слез...

Грусть раздельна, радость слитна,
Несметлива смерть и скрытна,
Но один закон для всех —
Солнечный бессмертен смех...

Счастью — цвести, а грусти — вянуть...
Веткам сада — к небу прыгнуть,
Чтобы грузные плоды
Стали платой за труды...

Мир уходит в глубь дремоты.
И лазурные высоты
Покидает, как вседневно,
Горних далее королева...

Плащ ее — в огне заката,
Шлейф тяжел от блесков злата,
Блещет злато ожерелий,
Розы вокруг волос зардели...

Вслед за ней идут вельможи,
И они блистают тоже,
Реют стяги и плюмажи
Сей почтительнейшей стражи...

А владычица колдует:
Лишь слегка в костер подует —
Возникают замки, троны,
Лестницы, гербы, короны...

Лишь уйдет — угаснут знаки,
Мир останется во мраке,
Только звезды станут резче —
Догорел треножник вещей.

Сквозь много дней легки мои пути,
Я пленник дня, но должен вновь идти,
Вдоль всех судьбой назначенных дорог —
Иду, пока не остановит Рок...

Как много красок в цветнике зари —
Иди межой, да под ноги смотри,
И тернии одолевай смелей —
Стремись, дерзай, спеши, преодолей!

Но понял я, истерзанный тоской,
Что слеп рассудок нищеты мирской,
Ночами звезды вижу в недрах тьмы,
Но не могу расслышать их псалмы...

Не в силах внять людские слух и глаз,
Что в мире — вечно, что — едва на час,
Ты, капля, скрытая в морской воде,
Скользишь откуда, растворишься где?..

О, чем страданья сердца утолю?
На землю пав, о помощи молю:
Подвигнешь ли, неведомый, меня
Понять загадку ночи, тайну дня?

Беспредельным, неотвязным
Соблазней, Земля, соблазном;
Вот — клонюсь челом покорным,
Крест на нем да будет черным...

Раб я твой и весь во власти:
Кандалы надень на пясти,
А к стопам цепей не надо,
Слово — лучшая преграда.

Тот, кто сердце долу клонит —
В грезе собственной потонет,
Меркнут смертные зеницы
Пред сиянием зарницы.

Миг пройдет — цветок увянет,
А сорвавший — думать станет:
Так ли много он изведаль
В том, что солнце века предал?

О соблазн, твои заботы —
Миги заполнять, как соты,
Но — иной ты, чем вначале:
Слишком горек мед печали.

Как много звезд глядит из тьмы!
Мы словно слышим их псалмы,
Пусть их постичь не в силах мы...

На древний жертвенник веков
Возложен миллион цветков
Там, у границы облаков...

Здесь чистый символ бытия!
Душа его коснулась чья —
Тот в нем и капля, и струя...

День слишком жаждет опьянить,
Его часов прервется нить,
С ним сердца не соединить...

Издравле звездный огонь зажжен.
Тебе указывает он,
Что сам ты — лишь дымок времен...

Натерпясь обид на свете
С мыслью — «мир перевернуть бы» —
Не изменишь строй столетий
И назначенные судьбы...

Не равняй межу с межою,
Жизни смысл постигни поздний:
Меж твоею и чужою
Судьбами — немало розни...

Пусть чужой, счастливый случай
Твой рассудок не туманит,
Завистью себя не мучай,
Ведь и твой черед настанет...

Кто несет ярем покорно,
Пашет, рубит, держит вожжи —
Помогает сеять зерна
В те века, что будут позже...

Страшен гибельный глашатай,
Сладок сон при лунном свете —
Что ж, гордись, из праха взятый,
Ты — звено в цепи столетий...

Песни века хоровые
Слушать — жребий самый трудный,
А мозоли трудовые —
Не постыдны, не подсудны.

Сею долю бедолаги
И на всхолмья, и в овраги:
Все четыре ветра, ведай —
То бедой, а то победой
Рвутся ввысь и никнут книзу
По случайному капризу...

Снова будет ли, как прежде:
Гнить хлебам, истлеть надежде,
Коль взгремят громам победным
Над моим хозяйством бедным, —
Сколько в душу входит тягот
С мыслью, что хлеба полягут!

Нет, ветра сегодня благи
К урожаю бедолаги;
Будет славная работа —
Сыпать золото в решета,
Чтобы встретить мне без злобы
И Сочельник, и сугробы...

Проходи тропюю древней.
Ибо что для нас плачевней,
Чем зачахнуть птицей в клетке?
Мы — судьбы марионетки.

Были мы одеты чистым
Шелком, полотном, батистом,
Но судьба наслала выюгу —
И оделись мы в дерюгу.

Ларь вчера трещал от зерен,
Нынче — пуст, как сажа, черен.
Жажда всякий раз торопит,
Если кубок мига допит.

Утро — есть ли что короче?
Приготовь фонарь для ночи,
Лодку выбери защитой,
В океан плыви открытый.

Пусть венок мгновенья вянет,
Пусть в забвеньи скоро канет —
Сеет — миг, и жнет — столетье.
Вечность — лишь во звездном свете.

День погас — иди в приволье,
Ниве поклонись на всполье,
Землю поцелуй родную,
Восхвали красу земную:
Ей легка твоя работа,
Ей отрадны капли пота.

Если день грозит ненастьем —
Преисполнись высшим счастьем,
Шли хвалу грозе и грому —
И отрадную истому
Ощутишь, смежая очи,
Под покровом звездной ночи.

Радость вместе с грустью краше:
Их вкуси из общей чаши,
Ибо нет зимы без лета,
Нет заката без рассвета,
Это было, это будет.
Тот, кто понял, тот не судит...

Не плачь о том, что тесен круг юдоли,
Что тяжело сердце мучится земное,
Как раб слепой, вовек не знавший воли,
Не ведающий ни про что иное.

От колыбели, знаю, тропка вьется,
Где каждый день одно — иди, работай.
Отторгнут ты от вечного колодца
Вседневною, бедняцкою заботой.

Но ведь и ты бывал слугой мгновений,
Пусть жизнь текла и горестно, и сиром —
Ты засыпал от запаха сирени,
Ты наклонял крыло к соблазнам мира.

Ты в вихрь огня и тьмы сегодня ввержен,
Собой связуешь прошлое с грядущим:
Ты ими, будто на мосту, поддержан,
Как пламенный над всем живым и сущим.

Прими смиренно сей удел всегдашний,
Не тяготись жестокостью природы,
Благослови пестреющие пашни,
Где тянутся мучительные годы.

Да, тяжок крест, и жжет венец из терний,
Да, на Голгофу путь безмерно долог —
Но стихнет боль, чуть грянет звон вечерний,
Чуть звезды над тобой раскинут полог.

Восходят звезды... Ниспадают цепи:
Освободись от слепоты великой,
К огню Отчизны, в мир великолепий,
Войди в державу звезд — и стань владыкой.

Благостен день к тому, кто с рассвета
Веет, молотит, трудится в поле —
Это частица, это примета,
Будущей жизни малая доля.

Все, что постигну, ознаменую
Знаьем: работа, славься, дневная!
Струны, воспойте темень ночную,
Небо и землю соединяя...

Но и в мечтанья входит острастка,
Сердцу хоть малой хочется власти!
Вот — долетает грустная сказка,
Словно сиринга плачет о счастье...

Боли вкусишь — узнаешь тогда лишь,
Что никуда закона не денешь:
Не изругав, раба не похвалишь,
Не нарыдавшись, слез не оценишь.

Пусть иссыхают чахлые злаки,
Лапник еловый ярко лучится, —
И да блестит зарница во мраке,
И что случилось — то да случится!

Без огня костер не вспыхнет,
Нет вина — и пир затихнет,
Песня — требует задора,
Парус — требует простора...

Вихри, пламя раздувайте!
Все плоды, произрастайте...
Бочка, радуй алой влагой —
Мы пируем всей ватагой!

В бурю плыть по морю трудно —
Паруса, держите судно, —
Смелой будь, душа людская,
Океан пересекая...

Даль земная — гордость наша,
Славься, пенистая чаша, —
Выпадет счастливый жребий:
В том порукой — солнце в небе!

Сплетены безмерно сложно
Все предметы мирозданья,
Мудрый знает: сколь возможно,
Надо не жалеть вниманья.

Вечер погружен всецело
В ожидание рассвета,
Взялся мой сосед за дело —
Погляжу и я на это.

Но и сам, покровы сдернув,
Покажу ему сноровку:
Хорошо ль вращаю жернов,
Крепко ли держу мутовку.

Все пытаюсь понемногу
Выстоять, не впасть в усталость,
Если кто забыл дорогу,
Помогу ему хоть малость.

Нынче ты — с добычей львиной,
Завтра — лишь с крупицей злата,
Но придешь ты с десятиной
В пользу друга и собрата.

Целый день бушуют ливни,
Ночь — похожа на могилу,
Боль земли все неизбывней,
Сердце бьется через силу.

Будь оглядчив, человек,
Наступая на подмости, —
Знай: земля скупа на речи
И скрывает перекрестки.

Так уж повелось когда-то,
Что судьба ко всем сурова:
Сколько взято — столько взято,
Не проси подачки снова.

Вдаль бреди своей дорогой,
Следуя извечной доле:
Знай, придет к тебе подмога,
От кого — не все равно ли...

Лишь утро, бывало, откроется взгляду,
Уж хмель завивался, зеленый, по саду;
И в белое кутала зябкие плечи
Цветущая вишня; и розы, как свечи,
Пылали; а дальше, за рощей старинной,
Туман, словно ладан, вставал над долиной,
Курился, сливался с волнами эфира...
Вот утренняя мира.

А в полдень вселенского многоголосья
Земля на алтарь приносила колосья.
И нивы, восторженной тяжести полны,
Под солнцем и ветром качались, как волны.
А вскоре склонились, зерном налитые,
И начали жатву жнецы молодые.
И песни их льются от края до края —
Вот месса дневная.

...Но где оно, солнце? Одно лишь донныне
Чернеет жнивье по холодной равнине.
И пахарь подводит итоги усилиям:
Не все его зерна вернутся обильем.
Умолк наш алтарь. Даль темна вечерами.
Лишь пуца органом гудит под ветрами:
Молебен пустыни, печаль зарева...
Вечерняя земная.

По камням, уступам, кельям
Вспыхнет солнце летним утром...
Все вокруг веселым хмелем
Перевьет зеленокудрым.

До верхушки, смотришь, самой
Оплетет в саду ограду...
Но хочу, мой хмель упрямый,
Я сказать тебе, как брату:

Виться к небу всюду любо...
Но гроза пройдет, не глядя,
Сломит жердь и бросит грубо
В грязь оборванные пряди.

Ты к оплоту льни другому:
Дольним вихрем не колеблем,
Возрастай — к кресту святому
Приникая гибким стеблем.

Крест — единственная крепость.
Ржавь веков его не сложен.
Бурь и битв земных свирепость
Покачнуть его не сможет.

Крест — незыблемое древо.
Лишь ему доверься слепо,
Для грядущего посева
Восходя из праха в небо.

Над долом счастливых, где боль безглагольной,
Где глуше страданье для сердца земного,
Возносятся звоны седой колокольни —
Немолкнушим эхом Господнего зова.

Но мерящий благо мгновеньем удачи,
Случайного часа изменчивой мерой,
В тщете не расслышит вселенского плача,
Псалма не подхватит с тоскующей верой.

Лишь тем, кто, очнувшись средь суетства мира,
Душой вострепнется на благовест рая,
Звучит он призывом для щедрого пира,
Гудит, мирозданье собой наполняя...

Вспыхнул неба парус синий
Над скитальческой пустыней.
В братстве вольных бездорожий —
Здравствуй, жаворонок божий!

Взвей волхвующее пенье —
Давней грусти утоленье.
В жажде благ, в алканье хлеба —
Дай услышать голос неба.

Тем, чье сердце к вере глухо,
Наколдуй высоту духа.
В жизни радости не ждущих —
Исцели для дней грядущих.

Волей скорчившихся в страхе,
Мыслью ползающих в прахе, —
Кто тщетой и ложью мучим, —
Вознеси крылом певучим.

Не повернуть — чаща все гуще,—
Выпал мне путь в темнеющей пуще...

Верстами дня строго смотрели
Здесь на меня сосны и ели...

Та — как свеча, та — крест при дороге...
Корни влачат — под ноги, под ноги...

Руки сплели — не встретились чтобы
Тропы земли и солнца тропы...

Встали стволы — и арки, и своды...
В зелени мглы плетусь через годы...

Редко в пролет меж зеленью зыбкой
Небо блеснет голубою улыбкой...

Тишь и покой... Но смотришь, а все же
Что-то порой душу встревожит...

Дятел стучит мерно и звонко,
Ворон кричит над судьбой вороненка...

Весел и дик, ветер взлетает.
Горький мой крик в отзвуке тает...

Ночь ли глядит тьмою стоокой —
Пуще томит путь одинокий...

Зори встают — и к новой тревоге
Взоры влекут изгибы дороги...

Что бы векам, что прошли здесь чредою,
Сделать бы нам дорогу прямою?..

Хоть из ложбины, хоть с косогора —
Вижу вершины зубчатые бора...

Кто отгадает в краю незнакомом,
Что ожидает за буреломом?..

Скоро иль нет, Господь Всемогущий,
Будет просвет за темною пущей?..

Бледность лилий — в прахе...
Алость роз — среди терний...
Пряли пряжу Пряхи —
Сказ земли вечерней.

Краткий взлет расцвета,
Долгий склон осенний —
В гранях тьмы и света
Маятник мгновений.

Песня зим сурова,
Тяжек сон мертвящий —
Но фиалки снова
Голубеют в чаще...

Вала гребень пенный,
Круг веков штурвальный...
За кормой Вселенной
Только взмах прощальный...

Есть и в грусти — сладость.
К вечной тайне дверцу
Равно боль и радость
Открывают сердцу...

Смертный, в мир грядущий!
Позабудь беспечность:
Миг — челнок снующий,
Жадно ткущий вечность...

Станет призрачно и странно...
Вечер сосны тронет...
В тонких сумерках тумана
Темный замок тонет.

Месяц вырвется из плена —
И легко и строго
Льется в мир золотая пена
Из хмельного рога.

И к нездешнему порогу
— На надежды щедры —
В гору звездами дорогу
Усыпают ветры.

Пробегут чредой всегдашней
В замке дни за днями...
Только маятник на башне
Мерит ночь шагами.

И послушно наважденьям
Колдуна ночного,
Только эхо по ступеням
Прозвучит сурово.

И опять влечет и будит
Колдовская сила...
В сердце все вошло, что будет,
Все цветет, что было.

И одним венком процветшим
Всех венчает Вечность,
Свив грядущее с прошедшим,
Миг и бесконечность.

Прощумят века бессонно,
Как река живая,
В зачарованное лоно
Бытия впадая.

Месяц замок мой оденет
Золотой вуалью...
Время бега не изменит
Над уснувшей далью.

Но звучит красой нетленной
Неземного лада
Гулкий колокол Вселенной,
Бытия баллада.

Дали проснулись. Просто и мудро
К солнцу лазури, в бездонное утро,
С дольного круга к пламени рая
Тянется-рвется фиалка лесная...

Будто с тропинки вспышкой мгновенной,
Всей голубою глубию Вселенной —
В вечную пряжу, тихая Пряха,
Нити столетий свивает из праха...

Вздогнут на зов прорастающей сини,
Чудо почуяв, камни пустыни...
Всем обойденным, развенчанным, сирым
Место найдется за солнечным пиром!

Божьего света дочь голубая,
К небу взывает фиалка лесная:
Да напоят ее трепетом снова
Корни небесные луга земного.

Родина! Свет твой светит нам веками,
Руки возденешь темными крестами.
Зимы-метели песнь твою сложили,
Войны да беды замок сторожили...

Лик твой суровый опалили слезы,
Скорбное солнце хоронили грозы,
Вечером плечи горбила угрюмо
Страшная память — горестная дума...

Шли крестоносцы грабежом-походом:
Мехом и воском, хлебом и медом
Брали. Татары в злобе и гордыне
Гнали полоны, грабили святыни.

Чуждые руки хлеб твой молотили.
К вражеской силе стяги преклонили
Грады и веси. В голосе дубравы —
Звон погребальный дедовской славы.

Но и в разгуле нечисти и бури
Гордого солнца тропы в лазури
Не зарастали. В утреннем просторе
Снова пылали литовские зори!

Эхо гудело по дубравам, пушам...
Звонкую песню о былом-грядущем
Пой, жемайтиец, жди терпеливо
Искр благодати от Божья огнива...

Зори слезами издавна богаты.
Смело, литовка, жди утра расплаты:
Все сберегла ты в сердце и в храме,
Древних погостов оградив крестами...

Путник, стой! Кругом ночная мгла
По земной пустыне пролегла...

Ты не в этой тьме ищи родню.
Разведи костер, садись к огню!

Вон еще костер, но как далек!
Помолись за брата, огонек...

Это так же рвется — не помочь! —
Чье-то одиночество сквозь ночь...

Видишь, сонмы звезд встают во мгле —
Я один, печальный, на земле...

Слышишь, звезды падают, звеня, —
Не достать скитальцу их огня...

Не земному сердцу этот свет.
В нем другой горит и бьется бред...

Но частичка Вышнего Огня,
Может, хоть на миг спасет меня...

Что ж ты гаснешь, искра? На кого
Оставляешь в мире одного?..

День склонился за холмами,
Книги вечности пред нами...
В лунном шелесте веков
Чей влечет нас тайный зов?

Нам цветы созвездий в небе
Наколдовывают жребий...
Он один для нас с тобой —
Сердце мне свое открой.

И цветам земного сада
В светлом гимне слиться надо...
Твой ли, мой ли вещей сон —
Двум сердцам пусть снится он!

Опять печали сумеречной внемлю,
И сердце тишины заветной просит,
Пока вдали, благословляя землю,
Псалом вечерний колокол возносит.

Да стадо пробредет, да где-то, с поля,
Жнецы затянут, из последней мочи,
Распев свой грустный, что уйдет в раздолья
И скоро смолкнет, уступая ночи.

И круг земной теснее тьма смыкает.
И мнится вся земля подобьем храма,
Где человек обряд ночной свершает,
Разгадывая тайны дня упрямо.

За этой гранью, зыбкой и нетленной,
Где чистым роем звезды кружат в небе,
Услышь, душа, молебный глас Вселенной,
Пойми веков сбывающийся жребий...

Вот жаворонок вновь запел...
И полон день забот и дел.
И дань хвалы — тому, кто смел...

Благословен отваги сын!
Он возжелает плод долин,
Он разгадает сны глубин...

Ты сам — пророк судьбы своей.
Бесстрашным сердцем пламя сей —
И будет жатвы свет щедрей!

Заворожит любовь поля,
И станет, как цветок, земля —
Святая тягость бытия...

Тропой в полях века легли...
Топчи веселый прах земли,
Груз судеб на плечи взвали!

Владыка дней, Он тклет их прочно.
Узорный брег расчислен точно:
Где вишен цвет, где гроздий гнет,
Где гром и ливень первой бури,
И жаворонка звон в лазури,
И золото медовых сот...

В Его неутомимой воле
И вол, и плуг в усталом поле,
И цеп осенней молотьбы,
И полдня зной, и ночи жребий,
И сонмы звезд, горящих в небе
Кострами горя и мольбы...

И самый щедрый дар в подлунной —
Твои колдующие струны.
И ты воздал Ему, как мог,
Слагая гимн — сквозь скорбь и тленье, —
Что человек есть царь творенья,
А век — цветок в его венок.

Кроют вишню-недотрогу
Белою фатою,
А моя опять дорога
Прошла стороною...

Время девичьей недоли,
Грусти и тревоги...
Мне дорога в голом поле
Обжигает ноги.

Бесприданнице не знаться
С свадебным убором...
Да не век же мне терзаться
Горестным укором!

Для меня цветут ромашки,
Сказывают сказки.
Смотрят в душу без опаски
Васильки да кашки.

Пробуждается с зарею
Птичьих песен стая,
Плывет в небо голубое
Лебедь золотая...

Мне кукушка колдовала
Счетом необманным:
Только б жито поспевало —
Буду я с приданым...

Бодрой дробью барабанной
Славьте дня восход желанный,
Даль веков за дымкой рдяной...

Славь, трубы вечерней пенье,
Труд пчелы, вола терпенье,
Веретен печальных бденье...

Колокол, твои глаголы
Да святят молитвой доли:
Колос спелый, куколь полый...

Сев и жатва, свет и влага,
Луч небес и ключ оврага —
Вечной жизни пойте благо!

Не узнать веселой пущи —
Дни расплаты, точно, тяжки...
Смят венок ее цветущий,
И мертвы в пыли ромашки...

Шелестит листва сухая.
Волчьей воле в чаще внемлю...
Ходит осень, ведьма злая,
Полет рощу, студит землю.

В желтых платьях мало проку,
Их срывать вольней и проще...
Все прибрать ей надо к сроку —
Оттого и пусто в роще...

Так и в сердце... Скорбь и слезы
В одиноком темном мире.
Обманули юность грезы
На земном коротком пире.

Смолк фиалок сон прекрасный...
Сноп последний сжат и смолот.
И котел рукою властной
На огонь уж ставит Голод.

А над плевелом и рожью
Шепчет время ту же клятву:
Лишь постигший правду Божью
Обретет иную жатву.

Поклонись, прохожий, придорожным травам.
Слушай вещей шепот: «В доле и недоле
Все равны пред Богом, мерящим и правым,—
Ты, гордец упрямый, и былинка в поле».

Так судил Создатель, чтоб единым знаком —
С первых дней творенья, с первых всходов сада —
Был отмечен жребий и душе, и злакам:
Бременем расцвета, таинством распада.

Слушай весть живую. И в прозренья грозном —
Что один нам праздник, и одна нам плаха —
Помни: нет границы меж пределом звездным
И земной юдолью пламени и праха.

Все, чем радовало утро, колдовало,
Звонким пламенем по травам трепетало,
Все цветы: фиалки, руты, георгины —
Вдруг растоптаны по воле злой судьбины.

Там, где луг сиял весенний, пестр и светел, —
Лишь песок над пустырем пронесит ветер.
Путь бездомный мой, среди камней и пыли,
Как платок сиротский, слезы окропили.

Это смерть, своей ночной нагрянув мощью,
Топором слепым под корень рубит рощу:
Древний дуб, и шумный тополь, и осину.
...Холмик матери один остался сыну.

Ивы грустят при дороге,
Травы ветрами измяты...
Падает золотом в ноги
Скорбное время расплаты.

Грусть пустоты и потери...
Где вы, березки с венками?
Будто распахнуты двери
В древнем заброшенном храме.

Всюду пустыня и дрема.
Сдерживай сердце, бредущий!
Медленный сказ бурелома,
Что он сказал тебе в пуще?

Все мы здесь сломлены бурей...
Только, неожиданный и странный,
Крылышком летней лазури
Бьется цветок безымянный...

Вот уж морозы парчою
Скоро укроют округу...
Что же мне делать с тобою
В долгую зимнюю вьюгу?

Светлым днем, в ночную темень
Все течет, струится Неман,
Волны катит молодые,
Как во времена седые,
И полны его сказанья,
Силы, блеска и сверканья...

Он шумит, гудит и плещет,
Под весенним небом блещет,
Словно шляпой, солнцем машет,
Словно вместе с солнцем пляшет,
И под вербою, под ивой
Предвкушает пир счастливый...

В час вечерний, в час ненастный
Неман хмурится, ужасный,
Вновь сверкает и сияет,
Только дела не бросает,
Дальше тащит бревен тяжесть
Через Алитус, чрез Серяджюс...

Свою ленту распускает,
Аромат земли вбирает,
И песок копает споро,
Прорываясь в даль простора,
Цвет священный поливает,
Песнь свободы распевает...

От Отца веков рожденный,
Он течет, неугомонный,
Катит волны молодые,
Как во времена седые,
И уже шумит их пена
На века — самозабвенно...

Разум смущали
Утром росистым
Полные дали
Во поле чистом.

Глубь океана,
Звездные дали
Сердце так странно
Ночью пугали.

Видно мне ясно
В нынешнем свете:
Однообразна
Пряжа столетий.

Цвет однодневный
Или мгновенный —
Свежестью древней
Равен Вселенной.

Все я приемлю,
Всех понимаю,
Небо и землю
Соединяю.

Зри божьи дали,
Травка бессмертья;
Крот ли, пчела ли —
Всех буду петь я...

Ты принимай, мать-земля, без печали
То, что когда-то века предвещали...

В бедной лачуге под крышей постылой
Вслед за бедою и счастье гостило...

Так же, как дерн и трава на погосте,
Скрип издают стариковские кости...

Крепок кафтан, хоть узоров не знает,
Чем не король, кто лаптей не снимает...

Наших лачуг нет просторней и выше,
Коль могут жить в них и люди и мыши...

Что ж, что литовец латает прорехи,
Зыбка и гроб — не его ли две вехи...

Девушки наши в шелках не гуляют,
Их красотой небеса одевают...

Парни литовские не оттого ли
Крепки в кости, что работают в поле...

Желчь им сулят виноградные лозы,
Весел и пьян, кто пьет сок из березы...

Тот, кто уходит от дома родного,
Станет молиться за жито отцово...

Переживем и мороз и метели,
Снова леса зашумят, как шумели...

Солнце за дверью — горят георины,
Снова родные цветут луговины...

Радужный куст под окном распустился,
И в небеса потолок превратился...

Вечный цветок ты прими без печали,
Пестрый венок, что века предвещали!

Закатилось солнце за деревья...
Улеглись боренья и метанья.
Здравствуйте, врата отдохновенья,
Здравствуйте, вечерние сиянья!

Тихое пространство гаснет, тает...
Пролетают поздние касатки.
А уж сердце по заре скучает,
Ждет от искры золотой разгадки...

Широко в невидимом тумане
Темное пространство расстелилось.
Много не сбылось дневных желаний,
В горестях пропало, позабылось...

Там, где паруса цвели на море,
Узкая полоска золотится —
Двери звезд откроются, и вскоре
В тихий порт кораблик возвратится...

Я знаю, знаю дом одинокий,
Где у порога бурьян высокий...
Он жмурит окна, как будто прячет
Глаза от солнца, и тихо плачет,
Или устал он, сиротка бедный,
Смотреть на землю в тоске последней...

На огороде крест покосился,
Забор зияет, почти свалился...
Прогнулась крыша в худых заплатах,
Торчат стропила в пучках косматых
Травы убогой, — видать, немало
Дождем и ветром ее трепало...

Где пировали и танцевали,
Пол неметеный скрипит в печали...
Где проходила жизнь молодая,
Склонились ивы, тропу скрывая...
Двор кучи хлама загромождают,
И в нем собаки давно не лают...

Глухая бабка из тьмы былого
Уже не слышит живого слова...
Шумят деревья, но как бы тайно,
Чтоб не проснулась она случайно,
Чтоб не рассталась с виденьем сонным —
Своим богатством замороженным...

Зря под священные звуки ты споришь
С бедным певцом неутешного края,
Ты ведь полюбишь псалма его горечь,
Слезы как редкостный дар принимая.

Диво тоски сей земли сокровенно —
Сон, а не радость его заслоняет,
Малый росток расцветает мгновенно —
Скорбь из ладони его поливает.

Тропка веселья без ям не бывает,
Пылкая радость подобна мгновенью,
Сильный огонь только горе питает,
Радость за грустью идет верной тенью.

Кто принимает ту грусть без завета,—
Искру мгновенья не ловит руками;
С плачем идет к башне блага и света,
Зная, что буря чревата громами.

Рад я принять это позднее диво,
Много оно для души моей значит,
Вот потому-то рыдает тоскливо,
Вот потому-то свирель моя плачет...

Все, что наутро созрело,
За день гроза разметала,
Все потонуло в вечернем
Хмуром просторе.

Сердце, не плачь по небесным
И небывалым посулам,
Если сберечь не сумела
Горстки земного...

Все, что земля порождает,
Борется и погибает,
Блекнет и вянет, подобно
Цвету пустому.

Разум слепца, ты ошибся:
Жизни и смерти сплетают
Высший венок поколений —
Вечную славу...

Все, что имеет движенье,
Падает в руки столетий,
Что воедино сплетают
Льва и улитку.

Встань и молись перед миром,
Что собирает все зерна;
Плещут погибшие волны
В море, как прежде...

Хочу душой забыться на просторе,
Смотрю, как страх свой жуткий гонит море,
Как волны катятся неумоимо —
Судьба их много прокатила мимо.

О берег с гулом волны ударяют,
Клокочет пена, брызги опадают —
Так гаснет цвет вчерашнего светила,
Мои надежды море поглотило.

Бессонных волн гуденье и качанье
Спешит на берег — в полное молчанье,
Все катится, все зыблется на свете —
Мгновенья разливает ковш столетий.

Бессонный ужас мимо волны гонит,
И в ровных строфах песня тихо стонет —
Пусть встанет на колени тот, кто верит,
Что Маятник веков земное мерит...

Боже, ты землю украсил на диво,
Ты муравью дал большие хоромы,
Крылья и жало пчеле терпеливой,
Цвет и кору деревцу молодому.

Каждое утро, когда рассветает,
Выйдя в мой сад, чтобы Богу молиться,
Вижу, что рута свой цвет не меняет,
Звонко поет ту же песенку птица.

Слышится в ярости ветра все то же,
Всех переплел Ты едино от веку,
Так отчего же, Господь, отчего же
Сердце двойкое дал человеку?

Кто, словно крот, роет глину у моря,
Тот, словно раб, прозябает в печали,
Рок свой клянет и седеет от горя,
Как сирота глядя в синие дали.

Только хлебнет он морского простора,
За сердце ужас беднягу хватает,
Вновь ему снится трава у забора,
Рабской ограды ему не хватает...

В ночь на Рождество окрест взгляни
Ты на беспризорные огни,
Много звезд откроется судьбе.
Крот земли, они даны тебе!

Блеск, сиянье твой ласкают взгляд,
Башни, арки золотом горят.
Что же ты молитвы не творишь,
Разум мой земной, что ты молчишь?

Звезд полна ночная тишина,
Вон в долину падает одна!
Вон другая! Выйди на порог —
Вспыхнет как звезда твой огонек...

Я целый день провел впустую
И для других и для себя,
И сказку полночи глухую
Сиротским сердцем слышу я.

Ночь говорит без выраженья,
Душе ответа не сулит,
Одно я слышу в утешенье —
Сверчок на скрипочке скрипит.

Какой-то страх сжимает сердце,
Блуждают призраки впотьмах.
Играй, сверчок, друг страсотерпца,
И прогоняй за дверь мой страх.

Как будто где-то тень таится,
Смотрю — не вижу ничего.
Ни запереться, ни укрыться
От привиденья моего.

Кто шелестит, скребется, трется?
Чьи руки тянутся сквозь мрак?
Иль мое прошлое мятется,
Иль это будущего знак.

То ль кто-то песню напевает,
То ль лает пес со стороны,
Все это вместе навевает
Ночную сказку тишины...

Много кошу, ибо много я сею,
На все четыре стороны вею.
Если бурьян оплетает всю землю,
Жизнь ради хлеба я с нею приемлю.

Хоть приходилось с добром расставаться,
Радостно только кресту поклоняться.
Диво большое мне Бог посылает —
Ива моя без цветка расцветает.

Вот что я вынес из жизни из смертной:
Грудь для того дал мне Бог милосердный,
Чтоб в нее бил я в часы покаянья,
А не копил в ней пустые желанья.

Глаз мне, слепцу, дал Всевышний, однако
Не для различия света от мрака,
А чтоб века сквозь меня прозревали
Звездные выси и звездные дали,

Кто не познал чародейства земного,—
Мертв для псалма и соборного слова;
Кто к малой капле любви не имеет,
Жажду земли утолить не сумеет.

Благословляй эту боль и мученье,
Чтобы взять все, что скрывает мгновенье,
И через свет сей земли хоть немного
Мог прикоснуться ты к истине Бога...

Покрытая снегом, метенная ветром,
Тропинка петляет на темном и светлом,
Там луг зеленеет, там речка синеет,
Там светит береза, там жито сереет,
Скитальцы, бредущие вдаль — издалёка,
Рыдали над ней, но она одинока.

Судьба предрекала ей чудные дали,
Подметки веков ее в землю втоптали,
Чем ей похвалиться, она и не знает,
То крест, то колодец ее провожает,
То шепчет трава, то черемуха стонет,
В пыль горькие слезы бродяга уронит.

Кто ходит с оглядкой, а кто беззаботно,
И с тем и другим она дружит охотно,
Любую надежду встречает приветно,
Распахнута днем и в ночи незапретна
Для всех, кого ветром по свету шатает,
Кто ищет того, чего так не хватает...

Ты погляди, как в море плещут волны
И рвутся на порог земного края,
И ты стоишь, тоской скитанья полный,
Волну береговую повторяя.

Вот гостья белогривая примчалась,
Издалека подобная виденью,
И рухнула, и вся в песок впиталась —
Осушен кубок твоего мгновенья.

За ней другие падают — и вроде
Игра смертей, что тут разбушевалась,
Не нарушает полноту в природе —
Где ты прошел, ни слéда не осталось...

Идет от ветра сила волн, не так ли?
Судьбу их завершают клочья пены.
Земная полнота роняет капли,
А это знак, что дни твои мгновенны!

Быстро, быстро дни мелькают
И мерцают, словно блики,
Дни чаруют и пугают,
Катят вдаль свой круг великий.

Дни карают, дни ласкают,
Там нарядны, там в заплатах,
Вольного на цепь сажают,
Разоряют в прах богатых.

Любит время потрудиться,
Никогда не отдыхает,
На хорошее скупится,
Что не нужно, предлагает.

Время мерит мир наш скушный;
Как часы его торопки,
Говорят про то кукушки
И шаги на тихой тропке.

Мерно маятник качает
Жизнь и смерть земных мгновений,
Шаг за шагом отмечает
Труд и мысли поколений.

Вон ветряк крыло вздымает
И шумит, и хлебороба
Словно ветром отгоняет
И несет, несет — до гроба.

В час, когда покой вкушает
Мир под вечным небосклоном,
Весть веков провозглашает
Колокольным дружным звоном...

Три гвоздя на крест в лазури,
Гром и молния для бури,
Крылья для орла свободы,
Для дороги ширь природы,
Для свободы цепи, крюки,
Мера высшая для муки.

Так записано от века
В древней книге человека,
Буква этой книги слышит,
Как певец поет и дышит,
Как псалом его священный
Влит в сутартине¹ Вселенной.

Выделяют эти книги
Лоскуток для горемыки,
Для пчелы пустые соты,
А для смертного заботы,
Ожидание под небом
Живу быть несатым хлебом

Глядя на цветенье луга,
Жатву меряет старуха,
На лице глаза мерцают —
Круг столетий пронизают,
И рука ее чуть светит —
Тайну этой жизни метит...

¹ Сутартине — многоголосая хоровая песня

Буря, почему ты ночью выла?
Утром ты зачем взошло, светило?
Вопрошает смертный, но от века
Окружает тайна человека.

Вон уже огни зари пылают!
Вон, как привиденья, проплывают
Караваны сизого тумана...
Что тут подлинно? И что обманно?

Может, ты, мудрец, проснувшись утром,
Новым темным сном опять окутан,
Явно по ошибке смерть растенья
Принимаешь за его рожденье.

Намекает смерть цветка земного
На зерно, что прорастает снова.
Гаснут искры, пена исчезает —
Полнота веков не убывает...

Синева, туман, зарница,
Мельница веков верт́ится.

В двух ветрах — задор и злоба,
Но крыло толкают оба.

Все сердца дрожат от страха.
Проходя тропинкой праха,

Вдаль людей ведет планида,
Лишь надежда — их защита.

Тот дорогу озирает,
Тот, закрыв глаза, шагает,

Мелет мельница седая,
Закрома не наполняя.

Пир земной от века длится,
Мир никак не утолится.

Обручи сжимают бочку,
А медка осталось с ложку.

Блеск и нищета глухая —
Нива пестрая людская.

Смертный вниз с горы толкает
День свой тяжкий и вздыхает.

Труд дневной с его страданьем
Покрывает ночь сияньем...

Падая, держись за посох,
Пей из кубка бытия,
Путь коварен на откосах,
И разбита колея.

Бедствуй, коли рожь пропала,
Плачь, коль розы отцвели,
Твоего тут не бывало,
Ты всего лишь гость земли.

Твоя пашня — для столетий,
Ты — орудье их труда,
Так положено на свете
Испокон и навсегда.

Для земли ты плуг, не боле;
Ты ее благодари,
Что гостишь на этом поле
От зари и до зари.

Время боль залечит быстро;
И в труде есть торжество.
Ты от солнца — только искра,
Ты — на барщине его...

Все пути-дороженьки пошли
От желаний и надежд души.

Тянутся по миру искони
На четыре стороны они.

Южная дороженька узка,
А стезя на запад широка.

Куст и крест, и снова крест и крест,
Кто, зачем расставил их окрест?

Ямы, колеи и пыль, но все ж
Вех немного, перекрестки сплошь.

Столько тут гостей вздымало прах —
То цветы, то тернии в руках.

Многие из них навек ушли
На чужой, далекий край земли.

Горе ходит ночью, ходит днем
На своих двоих или верхом.

Лапти и заплаты — стар и мал,
Камни, ямы — вот и ты упал!..

Добрый скарб и нищету везут,
К ночи колесо ни там, ни тут.

На мостах везде дыра в аршин,
Тонет ось твоя в грязи, литвин!

Поищи себе иных дорог,
Чтоб свое ты горе вывезть мог...

Редко когда улыбнется
Солнце в тумане простора,
Стая за стайей несется
Из поредевшего бора.

Вместе мы здесь горевали,
Аист, мой друг перелетный!
Снова в открытые дали
Ты улетаешь, свободный.

Там голубые прожилки,
Зелень покрова лесного.
Здесь же на поле ожинки,
Ложь ожиданья пустого.

Пестрая осень ненастна,
Грязная тропка змеится,
Мне, одинокому, часто
Край твой родной будет сниться.

Перегоня закаты,
Вольно лететь среди милых.
Солнце есть доля крылатых,
Сон есть добыча бескрылых...

Уже за лесом свет с востока,
За сойкой гонится сорока,
И дятел, сторож сосняка,
Уже стучит издалека.

Уж бор осеннею порою
Сквозит, как сито, предо мною.
Уж мне давно пора идти
По незнакомому пути.

По царству сей земли, быть может,
Тропу прокладывать я должен
В длину, которую судьба
Назначит для ея раба.

Мои дела, и дни, и годы —
Поля, луга, ручьи и броды,
Где я разгадывать привык
Загадку далее ветровых.

Уж так он пестр, земли участок:
Тут нищета, а там достаток,
Тут ясный день, а там уж мгла
Все небеса заволокла.

Но там, где я устану, смертный,
Родник подаст мне ковш заветный,
Постель постелит мох лесной,
Костер разгонит мрак ночной.

Хождение — вот моя планида,
Мне даль великая открыта,
Я весел, здоров и труд люблю,
И Бога я благодарю.

Благодарю за то, что было
Живое ясное светило,
Ненастье, пепел от костра,
Где коротал я до утра.

Спасибо, что ветра шумели,
Что ивы тихо шелестели,
Что можжевельник зеленел,
Спасибо, что костер горел...

СОДЕРЖАНИЕ

А. Турков. «Горький подвиг ожидания» 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗЕМНЫЕ СТУПЕНИ

«Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...»	22
ВЕСЕННЯЯ РОСА	
Утренние песни	
I	24
II	24
III	25
В лесу	26
Мой храм	27
Аккорды («Как раздумье в сердце мирном...»)	28
La gaja scienza	
I	29
II	29
В горах	30
Беспечность	31
Полдень	32
Цветок	33
Раздумье («Миг мелькает — день плывет...»)	34
Ave, stella maris	35
Noli tangere circulos meos	36
Поклонение земле	37
Ночью	38
ДЫМНЫЕ ДАЛИ	
Отторженность	40
Песня («Вырыты извиристо...»)	41
Мой сад	42
Раздумье («Жизнь кого не озадачит...»)	43
Taedeum vitae	44
Ступени	45
Черное озеро	46
Детские страхи	47
Песня («Есть среди грез одиноких одна...»)	48
Ave, sugh!	49
Раздумье («И в сердце, как в море, — прилив и отлив...»)	50
Предчувствие («Мне чудятся дали ночные...»)	51
На отмели	52
Вечерние песни	
I	53
II	54
III	54

СБОР ВИНОГРАДА

Приближение	57
Раздумье («На свете так много простора...»)	58
Сизиф	59
В пути	60
Алкание	61
Осенью	62
В парке	63
Silenzio	64
Вечерняя песня («В вечерней мгле, у берега глухого...»)	65
Отчизна	66
Поздние думы	67
Лунная соната	68
Трещина	69
Вечер	
I	70
II	70
На пороге ночи	72
На берегу	73
Ночные крылья	74
БЕЛЫЕ ВИХРИ	
Бедная сказка	76
Valse triste	77
Сиротство	78
Отчаяние	79
Ткач	80
Одиночество	81
Элегия («Мысль в разлуке с вещим сном...»)	82
Margia egoica («В снежной пустыне, при бледной луне...»)	83
Черное солнце	84
На поле Ватерло	85
Зодчий	86
Вечерний дым	87
Элегия («Как дымный вечер, скорбен я...»)	88
Nocturne	89
Венчание	90
Полночь	91
Маятник	92

ГОРНАЯ ТРОПА

Альпийский пастух	95
Ныне и присно	96

Древнее сказание	97
Восхождение	98
Молитва	99
Круг вековечный	100
Вечер в горах	101
Мощь малости	102
Колокол	103
Вечернее вино	104
Горная тропа	105
Призыв	106
Видение	107
Дневное сияние	108
Вечерняя песня («Желтеет колос — пробил срок!..»)	109
Забвение	110
Зимняя дорога	111
Дерево	112
Кормчий	113
Дым	114
Возврат	115
Быстротечность	116
В море	118
Песочные часы	119
Раздумье («Жизнь мельницы в движение вихрь приводит...»)	120
В горах («Спят вечные горы... И немые...»)	121
Deo ignoto	122
Карусель	123
Лунные крылья	124
Тополь	125
Фейерверк	126
Ночная тишь	127
Осенняя песня («Люблю средь леса, в час осенний...»)	128
Призыв	129
Путь к синеве	130
Пробуждение	132
Аккорды («В даль из перламутра...»)	133
Раздумье («Истекает срок за сроком...»)	134
Дробление	135
Сеятель	136
Beati possidentes	137
Вечерняя песня («Входит под сирую кровлю...»)	138
На улице	139
Синева	140
Рыбаки	142
Утром	143
Аллея	144

Приближение	145
Комары	146
За круг земной	147
Вифлеемская звезда	148
Замок Страха	149
Раздумье («Проходит день, и глухо сердце бьется...»)	150
Чередою	151
Ночью	152
Из тени в свет	153
Вечерняя заря	154
В безмерности	155
Прялка	156
Раздумье («Знание людское...»)	157
Аминь	158

ЛИЛИЯ И СЕРП

Мой щит	162
Раздумье («Своеволен в вечной смене жребий дня...»)	163
Веги	164
Раздумье («Средь шума дня все чаще знаю...»)	165
Come le onde	166
Видение полудня	167
Элегия («Случайны сны и пыл ума...»)	168
Полночный парус	169
Лесной водопад	170
Солнечные крылья	171
Предчувствие	172
На берегу	173
Зимнее раздумье	174
«Миг торопит, час неволит...»	175
Элегия («Уводит душу час в тени...»)	176
Раздумье («Кто мерой мига сердце мерит...»)	177
«Предвижу разумом крушенье...»	178
Ночной пилигрим	179
Вечерняя песня («Скользнул закат по высям отдаленным...»)	180
Вечерняя песня («Полдневный лен и розы отцвели...»)	181
«Как срок дан искре, срок — волне...»	182
«В тревогах жизни, в час непрочный...»	183
Напутствие («В глухом кругу пустынных дней...»)	184
В моей судьбе	185
Чудом тени	186
Верую	187
Час обыкновенный	188
Огненный невод	189

Раздумье («Ты принял крест земного ига...»)	190
Раздумье («Жар снов людских — как маков цвет...»)	191
Хвала рабам	192
«Средь яви пещла и огня...»	193
Напутствие («В свой темный путь иди без страха...»)	194
Жертвенник	195
Море и капля	196
Раздумье («Все строже мысля я, вникая...»)	197
Межой земли	198
Молот	199
«Час изменил — цветы солгали...»	200
Видение вечера	201
«Лишь тот средь звезд венчает землю...»	202
Село Ильинское (<i>Отрывок</i>)	
I	203
II	203
III	204
IV	204
Умершему другу	205
«Стучись, упорствуя, Кирка...»	206
«В тюрьме, где были низки своды...»	207
«Не называй далекой бездной...»	208
Кузнец	209
Красный звон	210
Зодчим нови	211
Памяти Александра Цатуриана	212
Письмо	
I	213
II	213
III	214
IV	214
Метель (<i>Отрывок</i>)	215
«Я гордо мудрствовал когда-то...»	216
Сказка	217
Заповедь скорби	218
Безмолвие	219
Раздумье («Цвети, душа, пока не сжаты...»)	220
Вешние струны	221
Привет Италии	222
Духу живому — ныне и присно	224
«Раскрылась ночь своей великой тьмой...»	225
«Здесь — лишь грохот, хаос, зной...»	226
«Вновь у безвестного порога...»	227
«Таков закон судьбы суровой...»	228
Ночная песня	229

«Когда твой час в земной тени...»	230
«По праху, в смертную обитель...»	231
«Мне голос был средь смертной яви...»	232
Два стихотворения	
I	233
II	233
В ночном пути	234
«Есть волшебные улыбки...»	235
Песня («Издавав тишь, познав тревогу...»)	236
«Дышат бездной сумерки и зори...»	237
«Полдень ранит, полночь лечит...»	238
«С верой в груди упорной...»	239
«Слава солнцу, честь земле...»	240
«Не меркнет солнце в смертном бытии...»	241
«Грохот мига... Тишь столетий...»	242
Осенняя песня («С молитвой Солнцу встретил я зарю...»)	243
«Молись в ночи без плача о заре...»	244
«Длятся — глеют глухо...»	244
Alea jacta est	245
Часы с кукушкой	246
«Вновь День свершил свой пестрый круг...»	247
Villa la Tour	248
«Как снег, повторен цвет полей...»	249
«В сокрытом строе мироздания...»	250
«Пустыни, дебри — дни и дни...»	251
«Сердце, миг от вечности наследуй...»	251
«Когда в твоей слепой дороге...»	252
«Как бы все те же дни и зори...»	253
«Зачем, мой Рок, для жизни брэнной...»	253
«Молкнущий вечер во мгле...»	254
«Только грани и оковы...»	254
«Сладко часу звездно цвель!...»	255
Поэту	255
«Средь бега дней моих порой...»	256
При покупке новых очков	257
«Вновь, вновь зажегся в должный срок...»	258
Песня юродивого	259
Новогоднее видение	260
Верному другу Марии в день ее рождения	261
«Цветам былого нет забвенья...»	262

ИЗ НЕ ОПУБЛИКОВАННОГО ПРИ ЖИЗНИ

«Уже вечереет... Спустился туман...»	264
«Предо мной все тот же шум глухой...»	265
«Отрывок, написанный после встречи с умирающим Ибсеном...»	266

«Нарядно выстав дол, взбегая на холмы...»	267
«Как водопад, дробящийся о скалы...»	268
Перевал	269
«В полдень мы были высоко в горах...»	270
«Я светлый оникс — я лежу в земле...»	270
«Я видел надпись на скале...»	271
Аккорды («Одинок пробегает...»)	272
«Уже в долинах дрогнул трепет томный...»	273
«Весна не помнит осени дождливой...»	274
«Наши севы, наши всходы...»	275
«Твой знак пред жизнью — вереск гор. . .»	276
Pelegrinaggio alla Madonna dei Monti	277
[Надпись А. А. Альвингу]	278
1 марта	279
Привет родине	280
Памяти А. Н. Скрябина	281
Вячеславу Иванову в Красной Поляне	
I	282
II	282
III	283
«Есть некое святое принужденье...»	284
Сон о сне	285
Памяти А. И. Герцена	286
Предчувствие («Вот вновь нам знак, вот вновь зарницы...»)	287
«Чем больше в мире я живу...»	288
Бальмонту	289
Песенка за васильки	290
Ответ на сонату Моцарта	291
«Нет в круге бытия раздельно...»	292
«Пел я Мэри, пел я Вере...»	293
«Ценнее речи — час без слов...»	294
«Людское слово ведь находит...»	295
«Мы часто понимаем сами...»	295
«Пока дитя не знает речи...»	295
«Как в круге бытия суровом...»	296
«Одна есть мудрая наука...»	296

ЖЕРТВЕННЫЙ ДЫМ

Перевод с литовского

Перевод Св. Кузнецовой

Плач	298
Певцу. Сонет	299
Песня весны	300
Мелодия певца	301
Ромашка	302

Песнь ели	303
Песнь нищего	305
Марсиа егоица («Из пылинок малых скалы...»)	306
Аккорды («Очи горя видят лишь мечту...»)	307
Аккорды («Разум слеп, но сердце может вдруг...»)	308
Аккорды («Хвалу воздай Искорке...»)	309
Аккорды («Звук свирели в отдаленье...»)	310
Песня («Сон укачивает нас...»)	311
Луч мудрости	312
Песнь («Боже, хлеб умножь наш сущий...»)	313
Песнь одиночества	314
Мелодия мгновения	315
Песнь («Не щадите барабана...»)	316
Скала и волны	317
Вечерний колокол	318
Песнь голода	319

Перевод Н. Мальцевой

Жрец	320
Утренняя песнь («Врата рассветные открыты...»)	321
Песнь крыльев	322
Баллада («За пущами, где лишь сосняк да омела...»)	323
Хоровая песнь веков	324
Псалом бытия	325
Песнь («Не для твоей любви великой...»)	326
Осенняя песня («Вдаль ведет земная тропка...»)	327
Мелодия памяти	328
Мелодия бытия	329
Баллада («Ночную тишиной гонимый...»)	330
Песня («Молодеет сердце счастьем...»)	331
Мелодия заката	332
Струны скитальца	333
Чары мгновения	334
Песня звезд	335
Псалом труда	336
Песня («Сею долю бедолаги...»)	337
Песня («Проходи тропюю древней...»)	338
Песнь («День погас — иди в приволье...»)	339
Не плачь	340
Хоровая песня дня	341
Песнь надежды	342
Тканье дней	343

Перевод Н. Лисового

Три службы	345
----------------------	-----

Хмель	346
Колокол	347
Жаворонок	348
Мелодия пущи	349
Маятник	351
Баллада («Станет призрачно и странно...»)	352
Фиалка	354
Мать-земля («Родина! Свет твой светит нам веками...»)	355
Одиночество	356
Серенада	357
Песня сумерек	358
Песнь надежды	359
Гимн	360
Песня девушки	361
Песнь («Бодрой дробью барабанной...»)	362
Элегия осени	363
Шелест полевиц	364
Плач	365
Осенняя мелодия	366
Неман	367
Посох певца	368
Мать-земля («Ты принимай, мать-земля, без печали...»)	369
Вечерняя песнь («Закатилось солнце за деревья...»)	371
Песня заброшенного дома	372
Моя свирель	373
Маятник сердца	374
Песнь волны	375
Качели земли	376
Созвездие веков	377
Бессонница	378
Туман жертвенника	379
Тропинки Литвы	380
Элегия волны	381
Мелодия времени	382
Сивиллины книги	383
Песнь («Буря, почему ты ночью выла?...»)	384
Аккорды («Синева, туман, зарница...»)	385
Песнь («Падая, держись за посох...»)	386
Аккорды («Все пути-дороженьки пошли...»)	387
Аиста провожая	388
Песня скитальца	389

Балтрушайтис Ю.

Б20 **Лилия и Серп: Стихотворения/Вступ. статья.**
А. Туркова. — М.: Худож. лит., 1989. — 399 с.
ISBN 5-280-00609-2

Книга известного поэта символистского направления Юргиса Балтрушайтиса (1873—1944) «Лилия и Серп» наиболее полно представляет его творчество, включая его русские стихи и впервые сделанные переводы с литовского.

Б $\frac{4702390202-209}{028(01)-89}$ **87-89**

ББК 84Лн7

Юргис Казимирович
БАЛТРУШАЙТИС

Лилия и Серп

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Е. Борисова*
Художественный редактор *А. Максимов*
Технический редактор *В. Нечипоренко*
Корректор *Г. Киселева*

ИБ № 5392

Сдано в набор 28.12.88. Подписано к печати 22.05.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. имп. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0+1 вкл.=21,05. Усл. кр.-отт. 21,52. Уч.-изд. л. 11,87+1 вкл.=11,9. Тираж 25 000 экз. Изд. № IV-3232. Заказ № 1894. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомиздате СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

